

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Кафедра русского языка

ЗАЙДЕС Кристина Денисовна

МЕТАКОММУНИКАЦИЯ В РУССКОЙ УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ

Выпускная квалификационная работа
на соискание степени магистра лингвистики

Научный руководитель: д. ф. н, проф.

Н. В. Богданова-Бегларян

Рецензент: к. ф. н. К. С. Федорова

Санкт-Петербург

2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Generating Table of Contents for Word Import ...

ВВЕДЕНИЕ

Исследование устной спонтанной речи является одной из достаточно молодых областей языкознания. Несмотря на то что устная речь первична и в фило-, и в онтогенезе, ее полноценное изучение началось лишь недавно. Долгое время объектом внимания лингвистики была лишь письменная форма языка, поскольку фиксация устной речи представлялась затруднительной и совершалась фактически только учеными-диалектологами. В XX веке, с появлением и распространением средств магнитофонной записи, началась фиксация речи в ее живом звучании. В настоящее время развитие *корпусной лингвистики* положило начало всестороннему, масштабному изучению особенностей устной речи – от фонетических и просодических до синтаксических и дискурсивных. Современная научная парадигма, опираясь на корпусный материал, идет по пути выделения и систематизации как собственно инвентаря единиц устной речи, так и специфических правил их функционирования, т. е. создается *грамматика речи*, которая существенно отличается от грамматики письменного языка, ср.: «Речь и язык обладают независимыми организациями, в связи с чем можно <...> предположить существование *лингвистики речи* (курсив мой. – К. З.) наряду с лингвистикой языка» (Мартине 1963: 389).

Долгое время объектом лингвистических исследований была по преимуществу *диалогическая речь* (Якубинский 1986а; Земская 1979, 1988; Лаптева 1976, 2001; Сиротинина 1974, 1983; Земская и др. 1981), первичная и наиболее естественная форма речевого общения, а *монолог* как форма устной речи оставался практически неизученным и стал привлекать внимание лингвистов лишь с середины 60-х годов XX века, в процессе перехода отечественной лингвистики от структурных исследований языка к изучению живой, функционирующей, речи во всех ее разновидностях. Представители таких направлений лингвистики, как *теория речевых актов* (Остин 1986; Серль 1986 а, б) и *конверсационный анализ* (Saks, Schegloff 1973; Sacks et al. 1974), также изучали по преимуществу диалогическую речь,

или дискурс. Значительный вклад в описание и изучение монологической спонтанной речи внесли работы фонетистов Л. В. Бондарко (Бондарко 1998), Н. Д. Светозаровой, Н. Б. Вольской, Н. И. Гейльман (Фонетика спонтанной речи 1988); психолингвистов Л. С. Выготского (Выготский 1956), Н. И. Жинкина (Жинкин 1982), А. А. Леонтьева (Леонтьев 1997), А. Р. Лурии (Лурия 1975, 1979); социолингвистов Б. Н. Головина (Головин 1969), Л. П. Крысина (Крысин 1989), Т. И. Ерофеевой (Ерофеева Т. И. 1991) и мн. др. В настоящее время огромный вклад в описание устной спонтанной речи, в том числе устного спонтанного монолога, вносят работы научного коллектива, работающего под руководством Н. В. Богдановой-Бегларян (см.: Звуковой корпус... 2013, 2014, 2015). Однако многие вопросы изучения устного монолога все равно остаются не до конца выясненными. В основном, это проблемы организации монологической речи на дискурсивном и прагматическом уровнях, а также на уровне коммуникации, к которым можно отнести и изучение явления *метакоммуникации*, то есть «коммуникации по поводу коммуникации», в устной спонтанной речи.

В связи с этим *объектом* настоящего исследования является русская устная спонтанная речь, организованная в Звуковой корпус русского языка (ЗКРЯ). *Предмет* исследования – *метакоммуникативные единицы* (МЕ) различного типа, с помощью которых эксплицитно выражен метаязыковой, рефлексивный, уровень речи.

Целью работы стал многоаспектный анализ метакоммуникативных единиц различного типа, учитывающий как характер спонтанного текста, в котором они встретились, так и социальные и психологические характеристики говорящего, использующего их.

Поставленная цель обусловила необходимость решения следующих конкретных *задач*:

- 1) обзор литературы по ключевым темам (изучение устной спонтанной речи; определение спонтанного монологического текста; становление корпусной лингвистики; социо- и психолингвистический аспекты

изучения языка; явление метакоммуникации; дифференциация типов метакоммуникативных единиц);

2) подбор и запись информантов для создания блока нидерландской интерферированной речи в подкорпусе «Сбалансированная аннотированная текстотека»;

3) проведение анкетирования и психологического тестирования данных информантов;

4) расшифровка и орфографическое представление полученных аудиозаписей монологов;

5) создание пользовательского корпуса материала исследования и систематизация материала в таблицах Microsoft Office Excel;

б) анализ метакоммуникативных единиц в разных аспектах:

- определение коммуникативной направленности МЕ;
- выявление основных функций МЕ в речи;
- разбор семантической и синтаксической структуры типичных метакоммуникативных конструкций;
- установление частотности МЕ в материале исследования;
- выявление корреляции МЕ с типом текста и различными характеристиками говорящего.

Метакоммуникация активируется говорящими из разных социальных и психологических групп с целью «проверить, пользуются ли они [говорящий и слушающий] одним и тем же кодом» (Якобсон 1975: 199), что верно по преимуществу для диалогической речи. Однако поскольку метакоммуникативные единицы чаще всего возникают в таких местах текста, где возможны некоторые затруднения говорящего в дальнейшем построении речи, лексическая и синтаксическая неоднозначность, более того, они нередко окружены паузами хезитации, обрывами и другими специфическими явлениями спонтанной речи, в настоящем исследовании привлекается монологический материал как наиболее показательный в метакоммуникативном аспекте. Изучение именно спонтанного монолога

как типа текста позволяет открыть максимальное количество возможностей развертывания и функционирования метакоммуникативных комментариев в устной речи.

Основным *материалом* для исследования послужил массив из 669 транскриптов (расшифрованных текстов) устных спонтанных монологов разного типа: чтение и пересказ сюжетного и несюжетного предтекстов, описание сюжетного и несюжетного изображений, а также рассказ на заданную тему.

Данный материал анализировался с помощью традиционных для лингвистических работ *описательного* и *сопоставительного методов*. В связи со спонтанным характером анализируемых текстов в работе использовались также методы *дискурсивного анализа*. Экспериментальные методы (*интервьюирование* и *анкетирование* информантов) были применены в ходе записи монологов носителей нидерландского языка. При транскрибировании записанных текстов привлекались методы *слухового анализа*. При формировании статистических подсчетов применялись *квантитативные* (простые количественные) и *статистические* методы.

Необходимо представить некоторые основные *гипотезы* исследования, на проверку которых ориентирована данная работа:

- 1) количество метакоммуникативных единиц в речи и их характер определенным образом зависят от пола, возраста, профессиональной принадлежности, уровня речевой компетенции (УРК) и родного (материнского) языка говорящего, а также от его психологических характеристик (психотип);

- 2) появление и характер метакоммуникативных единиц зависят от типа коммуникативного сценария, по которому построен монолог (чтение, пересказ, описание изображения, рассказ на заданную тему); так, например, МЕ, представляющие собой экспликацию затруднений в построении монолога по заданному коммуникативному сценарию,

свойственны более трудным речевым сценариям (которые достаточно мотивированы предтекстом, но недостаточно свободны).

Актуальность настоящего исследования заключается в том, что его основной материал лежит в рамках *корпусного подхода*, который является одним из ведущих в современной лингвистике, а также в его исследовательской направленности – изучение живой монологической речи разной степени спонтанности, что в последнее время служит предметом активного интереса лингвистов. Настоящее исследование является одним из шагов на пути к созданию давно необходимой *грамматики речи*, «столь явно отличной от грамматики языка» (*Звуковой корпус...* 2013: 10). Кроме того, работа затрагивает психологический и социальный аспекты дискурсивного анализа речи, что соответствует растущему в науке интересу к междисциплинарным исследованиям.

Научная новизна работы состоит в том, что описываемый в ней материал является частью новейшей базы данных устной спонтанной речи – Звукового корпуса русского языка. Возможно сопоставление результатов данного исследования с иными, выполненными на том же материале или по сходной методике.

В **теоретическом плане** исследование вносит вклад в описание различных типов устных спонтанных монологов, активно создаваемое в последнее время в рамках работы по анализу материала Звукового корпуса русского языка. Настоящее исследование включает комплексное и взаимосвязанное теоретическое описание типов метакоммуникативных единиц, выявленных на устном материале. Теоретическая его часть входит в круг работ, посвященных изучению устной спонтанной монологической речи и ее основных характеристик.

Практическое значение работы выражается в том, что в ней выявляются основные типы метакоммуникации в спонтанной речи. Описание специфики метакоммуникации – важный этап отработки методических возможностей, позволяющих анализировать устную речь. Кроме того,

записанные в ходе исследования монологи носителей нидерландского языка на русском языке, включенные в состав корпуса «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ), могут послужить материалом для работ по изучению речи на неродном языке и явлений интерференции.

Структура работы отражает ход исследования и включает введение, две главы, заключение, список использованной литературы, список принятых в работе сокращений и ряд приложений.

Апробация работы. Основные положения и результаты настоящего исследования обсуждались в ряде докладов и сообщений на научных конференциях:

1) XVIII Международная конференция студентов-филологов (6-11 апреля 2015 г., Санкт-Петербург);

2) XVII Невские чтения «Наука, образование и культура в новых социально-экономических условиях» (21–26 апреля 2015 г., Санкт-Петербург);

3) XVII Международная конференция молодых филологов «Язык. Текст. Культура: Событие и со-бытие» (12–13 февраля 2016 г., Таллин, Эстония);

4) XXIII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (11–15 апреля 2016 г., Москва);

5) XIX Открытая конференция студентов-филологов (18–22 апреля 2016 г., Санкт-Петербург);

6) Международная конференция молодых филологов (22–24 апреля 2016 г., Тарту, Эстония);

7) 6th Conference for Young Slavists (5 мая 2016 г., Будапешт, Венгрия);

8) Всероссийская научная конференция «Слово. Словарь. Словесность: традиции и новации в русском языке (к 250-летию со дня рождения Н. М. Карамзина)» (16–17 ноября 2016 г., Санкт-Петербург);

9) 25 Коллоквиум молодых лингвистов (23–25 ноября 2016 г., Ľastá-Papierňička, Словакия).

Основные положения работы отражены в следующих *публикациях* автора:

1) Метакоммуникативные конструкции в устной спонтанной речи как предмет многоаспектного исследования // Актуальные проблемы современной науки. Научная сессия «XVII Невские чтения». Материалы международных научных конференций. № 1 (7). – СПб., 2015. – С. 176–185;

2) Метакоммуникация в спонтанных монологах разного типа // XVIII Международная конференция студентов-филологов СПбГУ, Санкт-Петербург, 6–11 апреля 2015 г.: Тезисы докладов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. – С. 41;

3) Метакоммуникация в речи на родном и неродном языках // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ–2016». [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2016;

4) *Мне трудно говорить*: о процессе порождения спонтанного монолога // Сборник тезисов участников XVII Международной конференции молодых филологов «Язык. Текст. Культура: Событие и бытие». – Таллин, 2016. – С. 6;

5) Метакоммуникативные вставки в русской устной спонтанной речи на родном и неродном языке // Коммуникативные исследования. – № 3 (9). 2016. – С. 19–35;

6) Методика проведения социолингвистического анализа на базе речевого корпуса. Результаты пилотного анализа данных // Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. – СПб.: ЛАЙКА, 2016. – С. 60–102 (в соавторстве с О. В. Блиновой, Н. В. Богдановой-Бегларян, Н. Г. Глобой, О. Б. Ермоловой, М. В. Казак, М. Д. Корольковой, Е. О. Косаревой, Г. Я. Мартыненко, В. М. Метловой, П. В. Ребровой, Д. А. Стойкой, Т. Ю. Шерстиновой);

7) Что еще можно сказать о метакоммуникативе *что еще?* // Слово. Словарь. Словесность: Традиции и новации в русском языке (к 250-летию со дня рождения Н. М. Карамзина): Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 16–17 ноября 2016 г. – СПб.: САГА, 2017. – С. 127–132;

8) Корпус «Сбалансированная Аннотированная Текстотека»: методика многоуровневого анализа русской монологической речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / Науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. – СПб.: Политехника-принт, 2017. – С. 8–13 (в соавторстве с Н. В. Богдановой-Бегларян, Т. Ю. Шерстиновой);

9) Джентльмены предпочитают вопросы: метакоммуникативы в речи представителей разных социальных групп // Русская филология. 28. – Тарту, 2017. – С. 271–275;

10) Типология метакоммуникативных единиц русской спонтанной монологической речи // Интернет и современное общество. Материалы Международной объединенной конференции. 21–22 июня 2017 г., ИТМО университет. – СПб., 2017. – В печати.

ГЛАВА 1

УСТНАЯ СПОНТАННАЯ РЕЧЬ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1. *Язык и речь как объекты изучения лингвистики*

Различие между языком и речью, которые тесно связаны друг с другом, но все же представляют собой различные объекты изучения для науки о языке, проводится в лингвистике, начиная с работы Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики». Неразрывная связь языка и речи подчеркивалась самим ученым: «Несомненно, оба эти предмета тесно связаны между собой и предполагают друг друга: язык необходим, чтобы речь была понятна и тем самым была эффективна; речь в свою очередь необходима для того, чтобы сложился язык; исторически факт речи всегда предшествует языку» (Соссюр 1999: 26–27). В силу первичности речи устанавливается следующая взаимозависимость между языком и речью: «язык одновременно и орудие, и продукт речи» (*там же*: 26)¹.

Язык (la langue), по определению Ф. де Соссюра, «существует в коллективе как совокупность впечатков, имеющихся у каждого в голове, наподобие словаря, экземпляры которого, вполне тождественные, находились бы в пользовании многих лиц. Это, таким образом, нечто имеющееся у каждого, вместе с тем общее всем и находящееся вне воли тех, кто им обладает» (*там же*).

Язык является важнейшей частью речевой деятельности; это «социальный элемент <...>, внешний по отношению к индивиду, который сам по себе не может ни создавать язык, ни его изменять» (*там же*: 22)². Язык как система знаков – это психический компонент речевой деятельности, «в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа» (*там же*: 21). Языковой знак произволен, и язык,

---

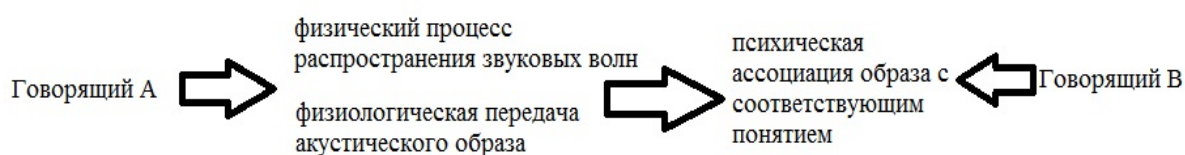
¹ Отметим, что сходное соотношение наблюдается между коммуникацией и метакоммуникацией: последняя представляет собой процесс (и результат) говорения о языке средствами самого языка.

² См. замечания Л. П. Якубинского в отношении постулируемой Ф. де Соссюром невозможности изменения и создания языка: *Якубинский* 1986б.

таким образом, «существует только в силу своего рода договора, заключенного членами коллектива» (Соссюр 1999: 21).

Речь (la parole), по Ф. де Соссюру, есть «индивидуальный акт воли и разума; в этом акте надлежит различать: 1) комбинации, в которых говорящий использует код (code) языка с целью выражения своей мысли; 2) психофизический механизм, позволяющий ему объективировать эти комбинации» (там же: 21–22). Далее Ф. де Соссюр определяет речь более точно: «Речь – сумма всего того, что говорят люди; она включает: а) индивидуальные комбинации, зависящие от воли говорящих; б) акты фонации, равным образом зависящие от воли говорящих и необходимые для реализации этих комбинаций. Следовательно, в речи нет ничего коллективного: проявления ее индивидуальны и мгновенны; здесь нет ничего, кроме суммы частных случаев» (там же: 26). Ученый отмечает, что, разделяя понятия языка и речи, «мы тем самым отделяем: 1) социальное от индивидуального; 2) существенное от побочного и более или менее случайного» (там же: 20).

Речевая деятельность (le langage) – третий термин Ф. де Соссюра – определяется им недостаточно строго. С одной стороны, автор предлагает следующую схему акта речевого общения как деятельности – см. рис. 1.

Рис. 1. Речевое общение как речевая деятельность в концепции Ф. де Соссюра

С другой стороны, изучение речевой деятельности, следуя мысли Ф. де Соссюра, представляет собой исследование двух сфер ее функционирования – языка и речи, – и «распадается на две части; одна из них, основная, имеет своим предметом язык, то есть нечто социальное по существу и независимое от индивида; это наука чисто психическая; другая,

второстепенная, имеет предметом индивидуальную сторону речевой деятельности, то есть речь, включая фонацию; она психофизична» (Соссюр 1999: 26); «Избегая бесплодных дефиниций слов, мы прежде всего выделили внутри общего явления, каким является речевая деятельность, две ее составляющих (*facteur*): язык и речь. Язык для нас – это речевая деятельность минус речь (*там же*: 78). Таким образом, провозглашается два типа лингвистики – *лингвистика языка* (впоследствии ставшая структурной) и *лингвистика речи* (которая позже превратилась в функциональное направление): «Можно в крайнем случае сохранить название лингвистики за обеими этими дисциплинами и говорить о лингвистике речи. Но ее нельзя смешивать с лингвистикой в собственном смысле, с той лингвистикой, единственным объектом которой является язык» (*там же*: 26).

Однако, несмотря на стройность получившейся системы, отражающей структуру речевой деятельности, сам Ф. де Соссюр отмечает, что, учитывая разную природу языка и речи, «было бы нелепо объединять под одним углом зрения язык и речь. Речевая деятельность, взятая в целом, непознаваема, так как она неоднородна» (*там же*). Следует также упомянуть, что изначально Ф. де Соссюр полагал, что язык и речевая деятельность тождественны: «Язык и языковая деятельность суть одно и то же; одно есть обобщение другого» (*он же* 2001: 37)³.

В отечественном языкознании проблема разграничения языка и речи поднималась в трудах Л. В. Щербы. Ученый выделял три *аспекта языковых явлений*:

1) *речевая деятельность* (процессы говорения и понимания) – психофизиологическая речевая организация человека, представляющая собой переработку речевого опыта, созидательная деятельность говорящего, способного не только воспроизводить и понимать элементы своего языка, но и на основе личного опыта заниматься речетворчеством,

---

³ Переводу «речевая деятельность» редакторы предпочитают вариант «языковая деятельность», более точно отражающий раннее представление Ф. де Соссюра о соотношении обсуждаемых понятий и сохраняющий этимологическую связь французской пары *langue – language*.

образуя и сочетая различным образом новые слова; сложный психофизический механизм выстраивается, таким образом, на основе его речевого опыта;

2) *языковая система* (словарь и грамматика) – «то, что объективно заложено в данном языковом материале и что проявляется в индивидуальных речевых системах, возникающих под влиянием этого языкового материала» (Щерба 1974: 28);

3) *языковой материал* (тексты) – «совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы» (*там же*: 26).

Л. В. Щерба отмечал также, что все аспекты в реальном акте речи неразрывно связаны друг с другом: «Само собой разумеется, что все это – несколько искусственные разграничения, так как очевидно, что языковая система и языковой материал – это лишь разные аспекты единственно данной в опыте речевой деятельности, и так как не менее очевидно, что языковой материал вне процессов понимания будет мертвым, само же понимание вне как-то организованного языкового материала (т. е. языковой системы) невозможно» (*там же*). Речевую деятельность при этом можно назвать индивидуальным проявлением выводимой из языкового материала языковой системы. Однако далее Л. В. Щерба, размышляя о единстве языковой системы, пишет, что речевая деятельность является языковым материалом и несет в себе потенциальные изменения языковой системы (*там же*: 28–29). Приходится констатировать, что некоторая неоднозначность термина *речевая деятельность* сохраняется до сих пор.

А. И. Смирницкий, переосмысливая концепцию Ф. де Соссюра, рассматривает речь «как материал, а язык – как заключенный в ней предмет» (Смирницкий 1957: 14). Безусловно, «язык неизбежно изучается в речи, на основе исследования известной, – по возможности большой, – совокупности ее произведений, основными среди которых, с точки зрения лингвиста, являются предложения» (Смирницкий 1957: 14).

А. И. Смирницкий в целом поддерживает разделение, введенное Ф. де Соссюром: «язык обязательно должен отделяться, отграничиваться, обособляться от речи и отдельных ее произведений, не отождествляться, не смешиваться с ними: речь, в тех или иных ее произведениях, выступает как сырой материал исследования, язык же – как собственно предмет изучения, извлекаемый из этого материала» (*там же*).

В глоссематике Л. Ельмслева противопоставление Ф. де Соссюра *язык – речь* заменяется четырехчленным противопоставлением: *схема – норма – узус – речевой акт*. *Схема* – это чистая форма языка, которая определяется независимо от ее социального осуществления и материальной манифестации; *норма* – это материальная форма, которую имеет схема в данной социальной реальности, но независимо от детальной манифестации; наконец, *узус* определяется как совокупность навыков, принятых в данном социальном коллективе и определяемых фактами наблюдаемых манифестаций. *Речевой акт* включает понятие речи как индивидуального пользования узусом (*Ельмслев 1960*).

Э. Косериу, вместо различения языка и речи, вводит трихотомию *система – норма – речь*. *Норма*, по Э. Косериу, отличается от функциональной системы тем, что предполагает существование в языке явлений несистемного характера. *Система*, в его интерпретации, – это «система возможностей, координат, которые указывают открытые и закрытые пути в речи, понятной данному коллективу», а *норма* – это «система обязательных реализаций, принятых данным обществом и данной культурой» (*Косериу 1963: 198*). Речь же представляется реальностью, в которой живет язык; он «функционирует и конкретно дан в речи» (*там же: 156*).

В концепции психолингвистов Л. С. Выготского, Н. И. Жинкина и А. А. Леонтьева речь представлена в реальности лишь в виде речевой деятельности, она является одним из видов деятельности человека (трудовая, познавательная и проч.) (*Выготский 1956*). Более того, речевая деятельность не ограничивается отдельными актами речи, а образует связную систему,

подчиняющуюся законам функционирования языка (Леонтьев 1969). Эти тезисы позволяют разрешить некоторые проблемы определения речевой деятельности, выявленные еще Л. В. Щербой. Н. И. Жинкин же отмечает, что речь не является простым отражением системы языка (Жинкин 1958). В речевой деятельности конкретного индивида, в любой обстановке, осуществляются, по А. А. Леонтьеву, выделенные Р. О. Jakobsonом функции языка.

В настоящей работе под речью понимается такой объект лингвистического изучения, в котором проявляется система языка и его основные функции. Речь традиционно представляется реализацией языковой системы, неразрывно связанной с речевой деятельностью человека и его когнитивными способностями.

2. Устная и письменная формы речи

Письменная и устная формы языка вместе составляют литературный язык (ЛЯ), во всем многообразии его стилей и речевых жанров: «в обществах, знающих уже письменность, литературный язык прежде всего раздваивается на устный и письменный, что, конечно, может перекрещиваться и с другими делениями. Различия между этими разновидностями литературного языка определяются, с одной стороны, их разной функциональной направленностью, а с другой, однако, и чисто техническими причинами» (Щерба 1957а: 117). Простейшие определения устной и письменной речи затрагивают различие в канале коммуникации: устная речь – «речь звучащая, произносимая» (Трошева 2006а: 567), а письменная речь – «речь, изображенная на бумаге (пергамене, бересте, камне, полотне или какой-либо др. поверхности) с помощью специальных графических знаков (знаков письменности)» (она же 2006б: 285). Различение устной и письменной форм речи в лингвистике не вызывает особых споров, однако необходимо представить основные дифференцирующие признаки этих двух форм речи.

Устная речь, в отличие от письменной, является первичной формой существования языка, более ранней по времени возникновения. Она первична и для ребенка, знакомящегося поначалу только с устной формой речи и лишь потом овладевающего нормами письменности родного языка. Доказательством первичности устной формы речи является наличие в современной лингвистической картине бесписьменных языков, единственной формой существования которых является исключительно устная речь.

Устной речи, в большей степени, чем письменной, свойственны такие характеристики, как спонтанность, неподготовленность, линейность развертывания во времени, необратимость, автоматизм в отборе языковых средств. Наличие интонационной, жестовой и мимической составляющей дополняет информативную и перформативную функции речи. Использование письменной формы речи позволяет пишущему «обдуманно отбирать языковые средства, строить высказывание постепенно, исправлять и совершенствовать текст» (Трошева 2006б: 285–286). Это способствует большей логичности, последовательности речевых отрезков, повышает связность изложения и нормативность речи в целом.

Восприятие устной и письменной речи происходит по-разному: «Отдельный акт речи, речевой акт в нормальных случаях представляет собой двусторонний процесс, охватывающий говорение и протекающие параллельно и одновременно слуховое восприятие и понимание услышанного. При письменном общении речевой акт охватывает соответственно писание и чтение (зрительное восприятие и понимание) написанного, причем участники общения могут быть отдалены друг от друга во времени и пространстве» (Маслов 1987: 11).

Можно отметить, что характер адресата устной и письменной речи также демонстрирует различия: конкретный(-е) непосредственный(-е) собеседник(-и) в устной речи и разного рода образы читателя в письменной (Шмид 2003: 39-108).

Безусловно, некоторые элементы, свойственные письменной речи, могут встречаться и в устной, например, синтаксис научного (книжного) стиля неизбежно появляется в таком жанре устной публичной речи, как выступление с докладом на научной конференции. А. И. Смирницкий разрешает проблему своеобразной интерференции двух форм речи следующим образом: «никак нельзя сделать вывода, что устная, письменная и мысленная речь не могут различаться отчасти и по самому своему составу: известные единицы могут употребляться преимущественно или даже только в какой-либо одной форме речи или, наоборот, не употребляться в одной из ее форм. Таким образом, множество единиц встречается во всех различных формах речи, другие же оказываются известными лишь в отдельных ее формах, но поскольку последние соединены со множеством первых, постольку единство речи в различных ее формах не нарушается» (Смирницкий 1957: 11). Однако различие этих сфер остается важным для культуры речи: Л. В. Щерба указывает на «пропасть, разделяющую письменный литературный язык от устного» и еще бóльшую пропасть, «разделяющую литературный язык, который чаще всего бывает все же письменным, от разговорного. <...> Из этого вытекает и практическое правило поведения: не переносить синтаксических форм разговорной речи в письменную, а если делать это, то лишь с большой осторожностью» (Щерба 1957а: 118).

Среди задач изучения языка первоочередным долгое время было исследование *литературного языка* – наддиалектной формы существования языка, характеризующейся большей или меньшей степенью обработанности, полифункциональностью, стилистической дифференциацией и тенденцией к регламентации, а также всеобщностью употребления и высоким социальным престижем. Однако изучение современной устной речи абсолютно необходимо для вполне практических целей – для корректировки наших представлений о речи как о реализации языка, и только языка, ср.: «Наблюдать мы должны жизнь, а не бессмысленно повторять то, что о ней

написано в книжках (*Бодуэн де Куртене* 1960: 243). О необходимости изучения устной формы речи писал Л. В. Щерба: «если и изучать какую-либо грамматику ради грамматики, то следует изучать только грамматику живого, произносимого языка. Ведь изучение грамматики сводится к наблюдению над существующим в языке: наблюдать же можно только то, что хорошо известно, а вполне хорошо известен детям (да и взрослым) только произносимый и слышимый язык. Кроме того, наблюдать полезно то, что живет, так сказать, полной жизнью и свободно развивается – таков произносимый язык; язык же написанный является до некоторой степени мертвым языком и лишь насильно вталкивается школой в наши умы. Наконец, написанный язык живет не самостоятельно, а питается соками живого, произносимого языка – лучше же наблюдать источник жизни, нежели ее наросты; к тому же в развитии произносимого языка участвуют силы всего народа, а письменного – лишь ничтожной его части» (*Щерба* 1957б: 14-15). Ш. Балли подчеркивал: «Язык создан прежде всего для устного употребления» (*Балли* 1955: 34). М. В. Панов усматривал, что «звуковая речь “главнее” письменной. Каждый человек говорит больше, чем пишет (и обычно слушает больше, чем читает)» (*Панов* 1979: 4).

В свете всего вышесказанного становится ясно, насколько важно лингвистам, наконец, «повернуться “лицом к живой речи” и выработать <...> навыки ее наблюдения, записи и лингвистического анализа» (*Полевая лингвистическая практика* 2010: 13).

Изучение устной речи включает в себя также круг проблем, связанных с определением на ее фоне понятия *разговорная речь* (РР) и установлением жанров устного общения. Н. Ю. Шведова говорила о неравенстве понятий *устная* и *разговорная речь*: «далеко не все написанное относится к речи письменной, так же как и далеко не все устное, произносимое (и даже воплощающееся в разговоре) относится к речи разговорной» (*Шведова* 1960: 3). О. Б. Сиротинина включает в сферу охвата термина *устная речь* любую речь, проявляющуюся «в устной форме (научный доклад, лекция,

выступление по радио, телевидению, бытовая речь, городское просторечие, территориальные диалекты)» (Сиротинина 1983: 5)».

Разговорная речь определяется как разновидность «устной литературной речи, обслуживающая повседневное обиходно-бытовое общение и выполняющая функции общения и воздействия» (Лантева 1990а: 407). Она используется в обиходном общении и характеризуется теми же чертами, что и устная речь: неподготовленность, линейный характер, ведущий как к экономии, так и к избыточности речевых средств, непосредственность речевого акта (*там же*).

Разночтения исследователей касаются в основном таких характеристик РР, как *спонтанность, неподготовленность, непринужденность и неофициальность*. Д. Н. Шмелев замечает: «Те области речи, которые обычно определяются как “устная”, “разговорная” или “устно-разговорная” речь, не изучены еще настолько, чтобы можно было бы со всей определенностью утверждать, что то или иное выделение изучаемого объекта является во всех отношениях наиболее целесообразным. Не является бесспорным и то, каким именно признакам может быть приписана при этом решающая роль (публичность – непубличность, неофициальность – официальность, тематика речи и т. д.)» (Шмелев 1977: 22). О. Б. Сиротинина постулирует неофициальность РР: «непринужденность типична лишь для неофициального общения, поэтому разговорная речь – это устная неофициальная речь» (Сиротинина 1983: 20). Е. А. Земская противопоставляла непринужденную устную речь, порождаемую носителями литературного языка, другим формам речи (бытовая речь, просторечие, диалектная речь) (Земская 1979: 3). Е. А. Земская полагает, что устная речь является слишком неоднородным объектом исследования, по сравнению с РР. Важную роль в определении разговорной речи играют не столько ее устная форма, сколько ее основные особенности: «непринужденность отношений между партнерами коммуникации, неподготовленность речевого акта и отсутствие установки на сообщение, имеющее официальный характер».

(Земская и др. 1981: 57). Выделение одного из признаков РР, а именно непосредственности общения, как ведущего, которое проводит О. Б. Сиротина, представляется Е. А. Земской неправомерным. Для О. А. Лаптевой важнейшим признаком устно-разговорной речи является непубличность всех ее жанров (Лаптева 1974а: 1).

Наряду с такой формой существования устной речи, как РР, можно выделять *устную публичную речь*. Устная публичная речь – это разновидность «устной формы литературного языка, используемая в разного рода публичных выступлениях на общественно значимые темы» (она же 1990б: 541). Вместе с разговорной речью она составляет устную форму литературного языка и противопоставляется ее письменной форме. В основе выделения разговорной и публичной речи «лежат различия в коммуникативной функции, в теме и ситуации речи» (там же). Устная подготовленная речь является подготовленной «со стороны своих содержательно-композиционных особенностей», однако в своём «структурно-языковом воплощении она является спонтанной» (там же). Безусловно, свои конституирующие признаки такая форма речи наследует от устной.

Проблемным вопросом языкознания остается положение РР и устной публичной речи в системе русского ЛЯ и кодифицированного литературного языка (КЛЯ). Вопрос о существовании письменной (книжной) и устной (разговорной) нормы не раз ставился учеными, и одна группа исследователей относит РР и устную публичную речь к КЛЯ, а другая противопоставляет их ему. Так, Е. А. Земская рассматривает РР и КЛЯ как две системы в пределах ЛЯ, составляющие особый вид диглоссии, при котором говорящие владеют обеими системами, но КЛЯ им необходимо специально изучать, распределение систем зависит от функций конкретного речевого акта, а их различия мотивированы высоким престижем КЛЯ и низким – РР, а также долгой грамматической традицией описания КЛЯ (Земская и др. 1981: 2122). О. А. Лаптева, О. Б. Сиротина и Б. М. Гаспаров рассматривают РР в составе литературного языка как его разновидность, или особый стиль.

О. А. Лаптева вводит термин *устно-разговорная разновидность литературного языка* (Лаптева 1974 б, в, 1975), а Б. М. Гаспаров говорит о таких важных свойствах устной речи, как ее необратимость и многоканальный характер передачи и обработки сообщения (Гаспаров 1978).

Устную публичную речь Е. А. Земская относит к КЛЯ, определяя следующие ее признаки для противопоставления РР: 1) наличие одного говорящего и множества слушающих; 2) «мена ролей говорящего и слушающего невозможна <...> или встречается крайне редко; 3) отношения между говорящими и слушающими официальные <...>; 4) тема – фиксирована» (Земская и др. 1981: 58). С другой стороны, речь в жанрах интервью и в выступлениях наивных носителей языка в СМИ черпает языковые средства в арсенале РР (там же: 60). Существует также устная официальная (по обстановке) речь, не являющаяся публичной, и протекающая как личная коммуникация с использованием РР (там же). Смежной точки зрения относительно соотношения устной публичной речи и КЛЯ придерживается и Д. Н. Шмелев (Шмелев 1977).

Противоположную точку зрения высказывает О. А. Лаптева: ведущие характеристики устной публичной речи определяются ее устностью, в связи с чем в ней возникает «некодифицированное соединение книжно-письменных функционально-стилевых, общелитературных, устно-литературных и разговорных элементов» (Лаптева 1990б: 541). Для О. А. Лаптевой всякая устная речь, включая публичную и официальную, представляет собой единый объект и противопоставляется КЛЯ на основе признака спонтанности, речь о котором пойдет в следующей части настоящего исследования (Лаптева 1976).

Таким образом, устная речь – это в первую очередь речь звучащая, используемая для непосредственного общения, а в более широком понимании это любая звучащая речь. В нашем понимании, устная речь входит в состав литературного языка и не столь резко противопоставлена КЛЯ, поскольку

использует тот же инвентарь языковых единиц. Представляется, что устная речь не столь кодифицирована, как КЛЯ, только потому, что лингвисты долгое время не уделяли ее изучению должного внимания. Факты речи всегда ложатся в основу создания грамматики языка, и отделение РР, как и устной речи в целом, составляющей большую часть речевого поведения людей, на этом фоне выглядит несколько искусственно. Устная речь может носить разговорно-обиходный или публичный характер. Монологический материал в настоящем исследовании можно рассматривать как стоящий ближе к категории публичной речи, так как РР чаще реализуется в виде диалога, а публичная речь – в виде монолога. В данном случае можно говорить о несколько продвинутом положении устных спонтанных монологов, составляющих источник материала для исследования, на векторе от непубличной речи к публичной, поскольку, с одной стороны, слушателем монолога в условиях диктофонной записи являлся только интервьюер, однако, с другой стороны, все композиционные особенности монологической речи информанта говорят об осознании им самим публичного характера своего «выступления».

Устная речь непосредственно связана с категорией *спонтанности*, которая описывается в следующей части работы.

3. Категория спонтанности речи

Для устной и письменной форм речи различны способы порождения: письменная речь чаще является подготовленной, т. е. предварительно организованной и структурированной в сознании говорящего, устная – неподготовленной или минимально подготовленной, даже если в сознании говорящего отмечаются определенные речевые модели, лежащие в основу ее построения, ср.: «Неподготовленная устная речь самоорганизуется в процессе порождения, в отличие от речи письменной, где наблюдается только фиксированный результат. Речь как будто рождается в муках – оговорках, самоперебивах, самокоррекции, обрывах, повторах. Может

вербализоваться отбор языковых средств, а также не только положительный, но и отрицательный материал» (*Звуковой корпус... 2013: 27*).

Однако не стоит исключать возможности существования и *письменной спонтанной речи*, когда процессы обдумывания и порождения также проходят одновременно. Так, по мнению В. Г. Адмони, «спонтанная речь возможна и в письменной форме – особенно при написании личных писем без их предварительного детального обдумывания» (*Адмони 1994: 10*). На настоящий момент, в эпоху активного использования Интернета как средства коммуникации, представляется нецелесообразным выведение всех письменных текстов за рамки спонтанности. Помимо этого, «...спонтанным <...> может быть не только устный, но и письменный монолог – таковыми можно считать, например, дружеские письма, блиц-сочинения или изложения, которые пишутся с ограничением времени и без возможности проверки и правки, дневниковые записи и т. п.» (*Богданова 2006: 288*)⁴.

Впервые понятие спонтанности в лингвистику вводит Ш. Балли, причем как категорию, характерную для диалогической речи. Он определяет спонтанность как незапланированность, непродуманность речи, отчасти обусловленную дефицитом времени (*Балли 1961*). В современных исследованиях категория спонтанности применяется и к монологической речи, о чем речь пойдет в следующей части работы.

Разговорная речь, безусловно, является спонтанной. Спонтанность устной публичной речи также не ставится под сомнение, поскольку она «отвечает закономерностям порождения речи и состоит в развертывании лексико-грамматической программы высказывания по мере осуществления речи» (*Лантева 1990б: 541*).

Существует две основных точки зрения на категорию спонтанности речи в ее связи с другими характеристиками объекта.

Согласно первой концепции, спонтанная речь – всегда неподготовленная, и этот ее признак является ведущим для определения

---

⁴ О феномене естественной письменной речи см. также: *Евграфова 2014*.

понятия. Н. Д. Светозарова с соавторами противопоставляет *спонтанную речь* – КЛЯ и определяет ее как «неподготовленную по форме, сиюминутно и свободно порождаемую устную речь» (*Фонетика спонтанной речи* 1988: 5). Главное отличие спонтанной речи от КЛЯ – ее неподготовленный характер. Представители ленинградской/петербургской лингвистической школы используют термины *неподготовленная речь*, *спонтанная речь* и *разговорная речь* как синонимы. Спонтанной речи свойственны «и ошибки, и небрежность, и неполнота, и вообще недостаточное внимание к внешней форме» (*там же*: 4). О. Б. Сиротинина также употребляет термин *спонтанность* как синоним термина *неподготовленность*, отмечая, что «в какой-то степени спонтанность характеризует любую устную речь, но в полной мере она проявляется лишь в разговорной речи» (*Сиротинина* 1974: 30). О. А. Лаптева, более того, называет всякую устную речь спонтанной, даже если она подготовлена или продумана заранее, например, при публичных выступлениях, таких как доклад или лекция (*Лаптева* 1985). В устной речи «синтаксическая структура высказывания отнюдь не задана с самого начала или задана лишь частично и достраивается в самом процессе порождения» (*Леонтьев* 1997: 106). Р. Ф. Касаткина противопоставляет спонтанную речь подготовленной, выделяя бытовую и небытовую спонтанную речь (интервью, монологи образованных людей в теле- и радиоэфире, научные доклады, которые «не читаются, а произносятся спонтанно») (*Касаткина* 2007: 99). Л. В. Бондарко выделяет несколько противопоставленных друг другу типов речи: монологическая – диалогическая, подготовленная – спонтанная, тщательная – непринужденная. В ее понимании, подготовленная речь отличается от спонтанной тем, что «говорящий еще до акта речевой коммуникации знает не только *что*, но и *как* он должен говорить (курсив автора. – К. 3.). <...> Спонтанная речь порождается в момент коммуникации, ее форма не готовится заранее. <...> Спонтанная речь может быть монологической и диалогической, тщательной и непринужденной» (*Бондарко* 1998: 258–259).

Вторая концепция принадлежит Е. А. Земской, которая разделяет понятия *неподготовленности* и *спонтанности* речи, понимая под спонтанной «речь, возникающую извне, без всяких внешних импульсов» (Земская 1988: 8). При таком понимании «неподготовленность и спонтанность называют разные признаки речи. Так, речь может быть неподготовленной, но и неспонтанной, если человека кто-то вынудил говорить. <...> Другими словами, речь может быть неспонтанной и неподготовленной, неспонтанной и подготовленной, спонтанной и неподготовленной, спонтанной и подготовленной» (там же). Автор выделяет несколько степеней полной и неполной подготовленности речи. Спонтанная речь при таком подходе понимается как речь, возникающая по собственной инициативе говорящего, без воздействия (с минимальным воздействием) каких-либо внешних стимулов, а понятие *спонтанности* не приравнивается к понятию *неподготовленности* речи. В. В. Куканова комментирует такую трактовку спонтанности: она «в значительной степени уничтожает явление спонтанной речи, ведь тогда получается, что рассказ по просьбе собеседника (о прочитанной книге, об увиденной картине или фильме, о работе и т. д.) исключительно не спонтанен, хотя именно мы решаем, как говорить в каждом конкретном случае, в какую форму облечь свои мысли, *какие* средства использовать (курсив автора. – К. З.). К тому же не следует забывать, что когда мы говорим “по собственной инициативе”, наше внутреннее побуждение детерминировано совокупностью причин ситуационного и личностного характера, образующих эту инициативу» (Куканова 2009: 30).

Неравенство понятий спонтанной и неподготовленной речи в ином ключе отмечает Н. В. Богданова-Бегларян с соавторами. Они усматривают в такой характеристике устной речи, как спонтанность, не только ее неподготовленный характер, но и наличие сбоев и нарушений в ее производстве, вызванных глубинными психологическими и интеллектуальными процессами, лежащими в ее основе: «Спонтанность –

это проявление в речевой коммуникации сбоев, связанных с несоответствием мысли условиям коммуникации. Это происходит из-за конфликта передаваемой мысли с эмоционально-чувственным, интеллектуальным или культурным состоянием говорящего» (*Звуковой корпус...* 2013: 58). Особые признаки спонтанной речи на языковом и дискурсивном уровне (обрывы, самоперебивы, паузы хезитации и др.) позволяют классифицировать и некоторые виды подготовленной речи как спонтанные: «... выверенная, подготовленная речь в условиях конфликтной коммуникации (например, эмоциональная несовместимость с оппонентом, интеллектуальная атака приверженцев другой точки зрения, ценностные и культурные различия коммуникантов и т. п.) насыщена многочисленными проявлениями спонтанности» (*там же*: 51).

На наш взгляд, речь не может возникать в отрыве от внешних импульсов в силу существования коммуникативной функции языка как основной. Монологический материал настоящего исследования спровоцирован речевым заданием, данным интервьюером, однако он содержит множество признаков спонтанной речи, что позволяет заключить, что он является спонтанным. В настоящей работе под *спонтанностью* речи понимается то качество речи, которое проявляется в ее неподготовленности, выражающейся на всех языковых уровнях, и наличии особого рода сбоев в ее гладком построении: заполненных и незаполненных пауз хезитации, «предложений»⁵ с незаконченной синтаксической структурой, оговорок, самоперебивов, своеобразных вставных конструкций (в том числе метакоммуникативных, чему и посвящено настоящее исследование) и др.

4. Монологическая и диалогическая речь

Устная речь по своей форме может быть *монологической* (например, выступления, доклады) и *диалогической* (например, разговор, обсуждение) в зависимости от текущих задач коммуникации. Формы монолога и диалога

---

⁵ Термин *предложение* в работах по спонтанной речи традиционно заключается в кавычки, так как данная единица может быть получена только искусственно, с помощью специального эксперимента по пунктированию (см. об этом подробнее: *Богданова* 1993, *Звуковой корпус...* 2013: 26, 34). В настоящей работе мы стараемся следовать этой традиции.

тесно связаны между собой и нередко перетекают друг в друга, ср.: «каждая реплика диалога сама по себе монологична (предельно маленький монолог), а каждый монолог является репликой большого диалога (речевого общения определенной сферы)» (*Бахтин 1979: 296*); «В диалогическую речь легко входят высказывания, выпадающие из взаимного общения, т. е. монологические, что часто имеет место в драмах. В повествовательные монологи нередко включаются диалоги тех, о ком ведется речь (черта эпоса как рода литературы). Неповествовательная монологическая речь (например, раздумья героя «Записок из подполья» Ф. М. Достоевского) порой оказывается внутренне диалогической: будучи насыщена “чужими словами”, она выступает как воображаемый разговор» (*Хализев 1987: 97*).

Л. П. Якубинский также отмечал неоднородный характер некоторых речевых жанров с точки зрения монологического и диалогического начал: «В области непосредственного речевого общения мы имеем, с одной стороны, такие бесспорные случаи монологической речи, как речь на митинге, в суде и т. п.; с другой стороны, крайним случаем диалога является отрывистый и быстрый разговор на какие-нибудь обыденные или деловые темы. <...> Но между этими двумя случаями находится ряд промежуточных, центром которых является такой случай, когда диалог становится обменом монологами, например, при обмене приветствиями или небольшими “речами” на каких-нибудь церемониях, попеременного рассказа о впечатлениях, переживаниях или приключениях; в последнем случае в общем порядке речевого взаимодействия монологические куски иногда как бы аккомпанируются репликами» (*Якубинский 1986а: 31*). Речь, в том числе монологическая, всегда имеет направленный на некоторого слушателя характер, в связи с этим она «всегда отмечена диалогичностью в широком смысле» (*Хализев 1987: 97*).

Однако лингвистическая теория, вынужденная «работать» с широким спектром речевого материала, разграничивает монолог и диалог по множеству признаков.

Диалогическая речь – это форма (тип) речи, «состоящая из обмена высказываниями-репликами, на языковой состав которых влияет непосредственное восприятие, активизирующее роль адресата в речевой деятельности адресанта» (Винокур 1990а: 135).

Л. В. Щерба определял диалог как цепь реплик, состоящую «из взаимных реакций двух общающихся между собой индивидов, реакций нормально спонтанных, определяемых ситуацией или высказыванием собеседника» (Щерба 1957а: 115). Диалог представлялся ученому формой существования разговорной, то есть максимально естественной, речи. В диалоге принимают участие два говорящих или более. Реплика диалога не свойственны, по Л. В. Щербе, сложные предложения, зато обыкновенно свойственны неполные. Диалогическая разговорная речь «соткана из всяких изменений нормы. Можно сказать, что все изменения языка, которые потом проявляются и в монологической речи, куются и накаплиются в кузнице разговорной речи» (там же: 116). Большую роль в диалоге играют невербальные компоненты: «...ситуация, жест, выражение лица, интонация – все это настолько помогает взаимопониманию, что слова и их формы перестают играть сколько-нибудь существенную роль в этом процессе, и речь легко сводится к одному словечку...» (там же).

Л. П. Якубинский определял диалог как одну из форм речевого высказывания, перемежающиеся формы речевых взаимодействий, подразумевающие сравнительно быструю смену акций и реакций взаимодействующих индивидов (Якубинский 1986а: 30). Для диалога структурным моментом является реплицирование, когда «говорение данного собеседника чередуется с говорением другого (или других), это чередование происходит либо в порядке смены (один “кончил”, другой “начинает” и т. д.), либо в порядке прерывания, что очень обычно, особенно при эмоциональном диалоге» (Якубинский 1986а: 37). В связи с постоянным ожиданием говорящего случаев перебивания, темп речи в диалоге существенно выше, чем в монологе. Форма воздействия на собеседника в диалоге всегда имеет

непосредственный характер. Л. П. Якубинский, как и Л. В. Щерба, отмечал, что «мимика и жест иногда играют роль реплики в диалоге, заменяя словесное выражение» (*там же*: 31). В диалоге мимико-жестикуляционные и тембровые, интонационные элементы «в высшей степени обоюдны, кроме того, при диалоге они в неизмеримо большей степени разнообразны» (*там же*: 35). Ученый соглашается с мнением Л. В. Щербы о естественности диалога как формы речи: «нет речевых взаимодействий вообще там, где нет диалога, но есть такие взаимодействующие группы, которые знают только диалогическую форму, не зная монологической» (*там же*: 31). Об отборе языковых средств в разговорной диалогической речи Л. П. Якубинский высказывается так: «...диалогическое общение подразумевает высказывание “сразу” и даже “лишь бы”, “как попало”; только в некоторых особых случаях, которые и признаются нами как особые, мы констатируем при диалоге обдумывание, выбор и т. д.» (*там же*: 36).

Е. А. Земская, вслед за Л. В. Щербой, полагает, что разговорная речь существует только в форме диалога. Монолог в РР всегда носит отчетливый диалогический характер (*Земская 1979*).

Монологическая речь – это форма (тип) речи, «образуемая в результате активной речевой деятельности, рассчитанной на пассивное и опосредованное восприятие» (*Винокур 1990б*: 310). Для монолога характерно построение из значительных по размеру отрезков текста, состоящих из структурно и содержательно связанных между собой высказываний, имеющих «индивидуальную композиционную построенность и относительную смысловую завершенность» (*Винокур 1990б*: 310). Монологическая речь, «не требуя чьего-либо безотлагательного ответа и протекая независимо от реакций воспринимающего (даже если последние активны), свободно реализуется в форме как устной (это выступления публичные), так и письменной (публицистика, мемуары, дневники)» (*Хализев 1987*: 97).

Л. В. Щерба определял монолог следующим образом: монолог – это «организованная система облеченных в словесную форму мыслей, отнюдь не являющаяся репликой, а преднамеренным воздействием на окружающих» (Щерба 1957а: 115). Монолог, более того, это «литературное произведение в зачатке» (там же). Монолог, по Л. В. Щербе, является более подготовленной речевой формой: «В монологической речи всего этого (оговорок, обмолвок и под. – К. З.) не бывает или бывает в гораздо меньшей степени: она протекает более в рамках традиционных форм, воспоминание о которых при полном контроле сознания является основным организующим началом нашей монологической речи» (там же: 116). Монолог «является в значительной степени искусственной языковой формой», и «подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге» (Щерба 1915: 4).

Л. П. Якубинский также писал о монологе: *монолог* – это длительная форма воздействия при общении (Якубинский 1986а: 30). Форма воздействия на собеседника в монологе может иметь как непосредственный, так и опосредованный характер (чаще всего письменный). Для случая монолога характерна «длительность и обусловленная ею связанность, построенность речевого ряда; односторонний характер высказывания, не рассчитанный на немедленную реплику; наличие заданности, предварительного обдумывания и пр.» (там же). Л. П. Якубинский признавал «искусственность» монолога и отмечал, что любой монолог, как устный, так и письменный, рождает в слушающем/читающем ответные реплики, которые контролируются говорящим/пишущим, обеспечивающим непрерывность монологической речи. Композиционная стройность ярче проявляется в монологе, чем в диалоге: «В противоположность композиционной простоте диалога, монолог представляет собой определенную композиционную сложность; самый момент некоторого сложного расположения речевого материала играет громадную роль и вводит речевые факты в светлое поле сознания, внимание гораздо легче на них сосредоточивается. Монолог не только подразумевает адекватность выражающих средств данному психическому состоянию, но

выдвигает как нечто самостоятельное именно расположение, композирование речевых единиц» (Якубинский 1986а: 38).

В. В. Виноградов считал, что монолог часто является составной частью диалога. В основе различения форм речи лежит, по В. В. Виноградову, коммуникативная цель собеседника. В зависимости от цели выделяются четыре основных типа монолога:

- 1) *убеждающий* (ораторская речь);
- 2) *лирический* (выражение эмоций);
- 3) *драматический* (сложная система выражения мыслей, чувств и переживаний);
- 4) *сообщающего типа* (передача информации) (Виноградов 1963: 2021).

Н. Ю. Шведова считает монолог отдельно взятой структурной единицей по форме и содержанию (Шведова 1960). Типичное свойство монолога – особая текстовая организация: монолог обладает большой степенью традиционности при выборе языковых, композиционных и других средств и имеет более сложное синтаксическое построение, чем реплики в диалоге. Реплики диалога не являются самостоятельными единицами, они в большей степени обусловлены ситуацией общения, с точки зрения как формы, так и содержания. Н. Ю. Шведова выделяет в разговорной речи следующие виды монологов: *научный* монолог, монолог как *обращенный к собеседнику рассказ* и монолог как *часть диалога*, создающий ответную реакцию собеседника (она же 1956: 68).

О. А. Лаптева полемизирует с тем, как понимал устно-разговорную речь Л. В. Щерба. Разговорная речь, в ее понимании, всегда адресована кому-то, ориентирована на слушателя, но не всегда диалогична: «исключить монолог из устной речи, даже из диалектной, – значит не учитывать существование многих ее жанров, и прежде всего жанра повествования, рассказа» (Лаптева 1976: 49). О. А. Лаптева, вслед за Л. П. Якубинским, определяет монологичность устной речи через относительную

протяженность реплики (*там же*). Практически вся устная публичная речь, по мнению О. А. Лаптевой, имеет монологический характер, так как даже научные дискуссии, в теории будучи диалогическими, зачастую перерастают в пространные монологи участников.

В противоположность О. А. Лаптевой, О. Б. Сиротинина считает, что истинный монолог возможен только в официальной обстановке (*Сиротинина* 1974, 1983). Монолог невозможен в РР, так как у говорящего всегда потенциально присутствует слушатель. Таким образом, по мнению О. Б. Сиротининой, устная речь существует либо в виде диалогической РР, либо в виде профессионального диалога, либо в виде публицистического, художественного или научного монолога.

В. Д. Девкин, как и О. А. Лаптева, считает монолог и диалог формами разговорной речи (*Девкин* 1986). Монологу присуща целостность темы, «семантической программы», в большей степени, чем диалогу, тема которого может постоянно меняться. Монолог не предполагает непосредственной реакции слушающего. Безусловно, иногда в акте коммуникации появляются промежуточные формы *диалога в монологе* (например, несобственно-прямая или несобственно-авторская диалогическая речь) и *монолога в диалоге* (например, при выступлении в дискуссии или рассказа о путешествии) (*Девкин* 1986).

Направленность монологической речи на слушателя может быть условной или буквальной. Так называемые *уединенные* монологи, осуществляющие *автокоммуникацию*, произносятся в одиночестве или «в атмосфере психологической изолированности носителя речи от присутствующих и характерны главным образом для исторически ранних обществ, где люди, испытывая удовлетворение от говорения вслух и веря в его магическую силу, были склонны беседовать с самими собой либо с неодушевленными предметами, фантастическими существами, объектами религиозно-мифологической веры» (*Хализев* 1987: 97). В современном мире такая речь называется внутренней (внутренний монолог) либо письменной

внутренней (личный дневник). *Обращенная* к слушателю монологическая речь «осуществляет общение реальное, носитель речи здесь направленно воздействует на сознание тех, к кому адресуется, однако двусторонний контакт говорящего и слушающих отсутствует или слабо выражен, их “роли” строго разграничены и остаются неизменными» (*там же*).

Термин *полилог* появился в отечественной лингвистике в конце 70-х гг. XX века для обозначения речевого акта, в котором принимают участие более двух человек. Например, М. Л. Макаров отличает полилог от диалога по ряду лингвистических и экстралингвистических преобразований в первом, как то: определенные видоизменения коммуникативных ролей участников, закономерности перехода речевых ходов, иная лексическая наполняемость (*Макаров 1998*).

Однако лингвисты обычно не видят необходимости в использовании этого термина по нескольким причинам.

Г. Я. Солганик не противопоставляет полилог диалогу, поскольку их конституирующие признаки совпадают: содержательная и конструктивная связь реплик, спонтанность и др. (*Солганик 1997*). Однако в полилоге формальная и смысловая связь реплик представляется автору более сложной и свободной.

Т. Н. Колокольцева называет полилог *многосторонним диалогом*: «Наличие большего, чем два, количества коммуникантов не вносит ничего принципиально нового в сущность коммуникации. Активную роль в общении в обоих случаях играют несколько лиц, и речевые произведения появляются как продукт коллективного творчества» (*Колокольцева 2001: 18*).

А. А. Кибрик не разделяет позиции о необходимости наличия в научной практике термина *полилог*: «Ошибочно мнение, что термин “диалог” предполагает наличие ровно двух участников (греческий префикс диа – ‘через’ в слове диалог и греческое ди – ‘два’ лишь внешне схожи). В диалоге может быть любое число участников, поэтому в термине *полилог*, который

иногда употребляется в значении ‘разговор многих участников’ нет никакой необходимости» (Кибрик 2017б).

В настоящей работе принимается бинарное противопоставление *монолог – диалог* и выделяются, с опорой на вышеизложенные лингвистические подходы, следующие основные различия монолога и диалога:

1) диалог признается первичной, естественной формой существования речи, монолог – вторичной и несколько искусственной;

2) монолог и диалог различаются количеством и ролью коммуникантов: в монологе присутствует один активный коммуникант, при этом смены ролей говорящего и слушающего не происходит; в диалоге – два и более говорящих, которые меняются коммуникативными ролями;

3) линейная длительность монолога выше, чем длительность реплик в диалоге;

4) монолог имеет довольно четкую композиционную структуру, в нем обычно маркированы начало, середина и конец – см., например, работы Е. К. Пигровой (Пигрова 2005); В. В. Кукановой (Куканова 2009); Н. С. Филипповой (Филиппова 2010). Текстовая структура диалога не отличается подобной определенностью;

5) монолог, как правило, имеет заданную тему. Замысел монолога продумывается и реализуется одним участником коммуникации. В формировании замысла и композиции диалога участвуют два коммуниканта, поэтому он часто характеризуется множественностью тем, т. е. политематичностью.

5. Корпусный подход к анализу материала

Настоящее исследование использует в качестве источника материала корпус устных текстов *Звуковой корпус русского языка*. В связи с этим можно констатировать, что оно выполнено в рамках *корпусного подхода* к анализу русской речи.

Корпусная лингвистика – это «раздел компьютерной лингвистики, занимающийся разработкой общих принципов построения и использования лингвистических корпусов (корпусов текстов) с использованием компьютерных технологий» (Захаров 2005: 3). Корпусная лингвистика появилась в 90-х гг. XX века ввиду широкого распространения и повсеместного применения компьютерных технологий. Предмет корпусной лингвистики – «теоретические основы и практические механизмы создания и использования представительных массивов языковых данных, предназначенных для лингвистических исследований в интересах широкого круга пользователей» (там же: 4). Для получения корпусного материала используется *активный метод целенаправленного интервьюирования по определенной программе*, который является одним из ведущих в *полевой лингвистике* (Богданова и др. 2008). *Полевая лингвистика* – это лингвистическая дисциплина, изучающая живую речь в неотрывной связи с человеком – носителем языка, с учетом всех его социальных и психологических характеристик (Богданова 2007). Ср. также близкое к предложенному определение полевой лингвистики А. Е. Кибрика: это «лингвистическая дисциплина, разрабатывающая и практикующая методы получения информации о неизвестном исследователю языке на основании работы с его носителями. Полевая лингвистика неявным образом противопоставлена “кабинетной”, для которой источником данных являются либо языковая интуиция самого исследователя, являющегося носителем изучаемого языка или, по крайней мере, хорошо им владеющего, либо обширный корпус текстов на изучаемом языке, о котором опять же известно достаточно много для того, чтобы изучать его без обращения к суждениям его носителей. <...> Полевая лингвистика неразрывно связана с человеком – носителем языка, который является посредником между исследователем и языком» (Кибрик 2017а). В связи с этим на первоначальных этапах создания корпусов методы полевой лингвистики служат целям корпусной.

Под термином *лингвистический*, или *языковой*, *корпус текстов* понимается «большой, представленный в электронном виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач» (Захаров 2005: 3). Основными признаками, оформляющими ряд текстов в корпус, являются его унифицированность, структурированность, наличие разметки (морфемной, морфологической, синтаксической, семантической и мн. др.) и филологическая компетентность, или представительность (*Звуковой корпус... 2013: 71*). Помимо вышеперечисленных типов разметки, в корпусе должна существовать мета-разметка, включающая сведения о типе текста в корпусе и его характеристиках. Таким образом, корпусная лингвистика в реализации своих основных целей связана, помимо всего прочего, с таким практическим направлением науки о языке, как *компьютерная лингвистика*.

Существуют различные виды корпусов, выделяемые по различным классифицирующим признакам: по типу данных (письменные, речевые, смешанные), по «параллельности» (одноязычные, двуязычные, многоязычные), по отношению к системе национального языка (литературные, диалектные, разговорные, терминологические, смешанные) и мн. др. (Захаров 2005: 13).

История корпусной лингвистики насчитывает более 50 лет. Еще до появления компьютеров в 1961 году в Брауновском университете (США) был создан корпус текстов на машинном носителе – *Brown University Standard Corpus of Present-Day American English*, включающий 500 отрывков текстов по 2000 слов 15-ти жанров (*Brown Corpus Manual 2017*). Вслед за Брауновским корпусом в 70-х гг. XX века, совместными усилиями университетов Ланкастера и Осло, а также Норвежского центра гуманитарных наук, был спроектирован *Lancaster-Oslo/Bergen Corpus of British English*, содержащий также 500 отрывков текстов по 2000 слов, общим объемом около 1 млн. словоупотреблений. В 1981–1986 гг. к основной

морфологической разметке корпуса добавилась и синтаксическая (для подкорпуса *Lancaster Parsed Corpus*), что расширило возможности поиска текстов и работы с ними (*Manual of information... 2017*). Одним из самых крупных языковых корпусов является *Британский Национальный Корпус* (BNC) объемом в 100 млн. словоупотреблений. Начало работы над этим корпусом было положено в 1991 г., корпус был сформирован к 1994 г. 90 % корпуса занимает подкорпус письменного языка (научные и публицистические статьи, литературные произведения, письма, школьные сочинения и пр.), 10 % составляет подкорпус устной речи (транскрипты диалогов, записанных добровольцами для демографически сбалансированной части корпуса, расшифровки бизнес-встреч, правительственных заседаний, радио-шоу и т. п.) (*British National Corpus 2017*).

К настоящему времени созданы корпуса для большинства национальных языков мира, среди которых крупнейшими и наиболее представительными являются *Deutsche Referenzkorpus* (*Мангеймский корпус немецкого языка*), *Corpus of Contemporary American English* (*Корпус современного американского английского языка*), *Český národní korpus* (*Чешский Национальный Корпус*) и мн. др. Создаются корпуса малых и исчезающих языков, например, *Корпус цыганского языка* (объемом в 720 тыс. словоупотреблений), *Бурятский корпус* (2 200 тыс. словоупотреблений) и др.

Среди корпусов русского языка наиболее известны *Упсальский корпус русского языка* (1 млн. словоупотреблений; куда включены публицистические и художественные произведения второй половины XX века) и созданные на его основе *Тюбингенские корпуса русских текстов*⁶ (более 26 млн. словоупотреблений; содержат художественные и публицистические тексты), *Хельсинкский аннотированный корпус русских текстов ХАНКО*⁷ (объем 100 тыс. словоупотреблений из журнала «Итоги»), *Компьютерный корпус*

---

⁶ URL: <http://www.lingexp.uni-tuebingen.de/sfb441/b1/rus/korpora.html>.

⁷ URL: <http://www.helsinki.fi/venaja/russian/e-material/hanco/index.htm>.

текстов русских газет конца XX века⁸ (200 тыс. словоупотреблений), *Корпус русского литературного языка*⁹ (более 1 млн. словоупотреблений; в корпусе представлены художественные, публицистические и научные тексты). Существуют крупные корпуса, включающие интернет-тексты: *Генеральный интернет-корпус русского языка*¹⁰, созданный при помощи технологий автоматического сбора и разметки текстов новостей, блогов, комментариев в социальных сетях и т. п. (объем более 20 млрд. токенов), и русский корпус в составе многоязычного *ruTenTen corpus*¹¹ (объем около 16 млрд. словоупотреблений). Интересным проектом представляется и *Открытый корпус русского языка* (объем около 2 млн. токенов), тексты различных жанров (газетные статьи, статьи Википедии, блоги и проч.), который пополняют и размечают сами пользователи Интернета¹². Новый проект – *Корпус русских учебных (академических) текстов*¹³ – включает учебные тексты разных жанров (курсовые работы, выпускные квалификационные работы, эссе и т. п.), написанные студентами разных вузов и, помимо таких традиционных видов разметки, как метатекстовая и морфологическая, содержит разметку по ошибкам.

Наконец, наиболее важными для настоящего исследования являются те корпуса, в которых объектом фиксации предстает устная речь. Крупнейший из таких корпусов – *Национальный корпус русского языка*¹⁴ (НКРЯ) (объем более 360 млн. токенов) – включает Корпус устной речи (Корпус устных текстов – КУТ), материалы которого составляют, однако, лишь 2,8 % от всего объема текстов НКРЯ. В КУТ вошли записи публичной речи, транскрипты кинофильмов, а также записи разговорной речи, сделанные Е. А. Земской,

---

⁸ URL: <http://www.philol.msu.ru/~lex/corpus/>.

⁹ URL: <http://www.narusco.ru/>.

¹⁰ URL: <http://www.webcorpora.ru/>.

¹¹ URL: <https://www.sketchengine.co.uk/rutenten-corpus>.

¹² URL: <http://opencorpora.org/>.

¹³ URL: http://web-corpora.net/learner_corpus.

¹⁴ URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html>.

М. А. Китайгородской и Н. Н. Розановой, транскрипты речи, предоставленные А. С. Гердом и М. В. Русаковой, О. Б. Сиротининой, а также расшифровки текстов, собранных научным коллективом под руководством А. С. Асиновского (*Звуковой корпус русского языка*, модуль «Один речевой день» – ОРД, см. о нем ниже, п. 1.5.1 настоящего исследования).

Один из корпусов, представляющий только устную речь, – это собрание *Рассказы о сновидениях и другие корпуса звучащей речи*¹⁵. Он состоит из нескольких модулей:

- 1) рассказы о сновидениях: 129 рассказов детей и подростков об увиденном во сне (около 14 тыс. словоупотреблений);
- 2) рассказы сибиряков о жизни: нарративы 17-ти жителей Новосибирска на свободную тему (около 5 тыс. токенов);
- 3) веселые истории из жизни: устный и письменный рассказы 20-ти человек о смешных происшествиях в их жизни (около 10 тыс. словоупотреблений);
- 4) истории о подарках и катании на лыжах: группа корпусов, содержащих тексты-описания изображений и тексты-воспоминания об изображениях, записанные спустя 6–8 часов от тех же информантов. Включаются тексты на русском (40 текстов, около 4,5 тыс. токенов), армянском (40 текстов, около 4,5 тыс. словоупотреблений) и японском (40 текстов, около 4 тыс. токенов) языках.

Данный корпус уникален наличием дискурсивной транскрипции в трех форматах (минимальная, упрощенная и полная) и выделением в качестве минимальной синтактико-дискурсивной составляющей текста элементарной дискурсивной единицы (ЭДЕ).

Наконец, на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета создается уникальный корпус, фиксирующий русскую устную речь в ее диалогической и монологической

---

¹⁵ URL: <http://spokencorpora.ru/>.

разновидностях, – это *Звуковой корпус русского языка*, структура которого описывается в следующей части настоящего исследования. Это крупнейшая база данных по современной русской устной спонтанной речи, которая, помимо текстового материала, содержит обширные социологические (и иногда психологические) сведения обо всех информантах (пол, возраст, место рождения и проживания, уровень образования, профессиональная занятость и т. д.). Этот проект направлен на исследование разнообразных закономерностей разворачивания естественной устной речи, в первую очередь на русском языке, и представляет собой один из первых подходов к исследованию звучащей речи с применением новых методологических возможностей и с формированием новых терминологических решений в перспективе (Богданова и др. 2009: 38; см. о нем также: *Звуковой корпус...* 2013). Наличие в корпусе монологов, записанных по разным лингвистическим программам, и диалогов, протекающих в разных экстралингвистических условиях, позволяет сравнивать разные типы и жанры устной речи и их основные характеристики.

5.1. Звуковой корпус русского языка и его использование в корпусных исследованиях

Звуковой корпус русского языка начал создаваться на филологическом факультете СПбГУ в 2007 году сразу в двух направлениях: происходило осуществление сбора монологической и диалогической форм речи. В настоящее время ЗКРЯ состоит из двух основных модулей.

Первый из них – это блок «Один речевой день» (подробнее о нем см.: Степанова и др. 2008; *Asinovsky et al.* 2009; Богданова-Бегларян и др. 2015, 2017), главной целью которого является изучение речевого поведения носителя языка в течение дня (с использованием метода 24-часовой записи (впервые такая методика была применена при записи устной части Британского национального корпуса). Прототипом данного проекта послужил корпус японской спонтанной речи – JST/CREST ESP Project, который должен был решить задачу фиксации устной речи носителей японского языка и обучения ей многофункциональных роботизированных систем с

интерфейсом «человек–машина» (*Сибата* 1983). Для сбора материала на начальном этапе разработчики использовали *принцип невода* (*Богданова* 2010а), при котором «забрасывается широкая сеть в среду носителей языка, вытягивается все, что в нее попало, и становится объектом многоуровневого исследования» (*Звуковой корпус...* 2013: 68). Объем корпуса к настоящему моменту достигает 1 млн. словоупотреблений в расшифровках. На материале корпуса проводятся исследования, посвященные всем языковым уровням (см. подробнее: *Русский язык повседневного общения...* 2016).

Второй из модулей ЗКРЯ, записи которого и послужили материалом для настоящего исследования, – это *Сбалансированная аннотированная текстотека* – корпус, сбалансированный по различным параметрам, материал которого собирается по *принципу ковчега* – «каждой твари по паре» (*Звуковой корпус...* 2013: 67).

Балансировка материала в структуре этого корпуса производилась в трех основных направлениях.

Лингвистическая балансировка заключается в том, что все тексты, вошедшие в корпус, построены по четырем коммуникативным сценариям: чтение и пересказ (сюжетного и несюжетного исходных текстов); описание изображения (сюжетного и несюжетного) и рассказ на заданную тему.

Социолингвистическая балансировка материала предполагает учет различных социальных характеристик информантов (пол, возраст, профессиональная занятость, уровень речевой компетенции и др.).

Психолингвистическая балансировка материала производится с учетом психологических характеристик информантов, прежде всего уровня экстраверсии/интроверсии, определяемого с помощью личностного опросника Г. Айзенка (*Звуковой корпус...* 2013: 67).

Подобная балансировка корпуса позволяет устанавливать корреляции между различными лингвистическими параметрами звучащего материала и индивидуальными (социальными и психологическими) характеристиками говорящего, а также дает возможность сравнивать результаты, полученные на

материале разных речевых жанров или на материале речи различных социальных групп носителей языка.

В состав САТ на данный момент входит речь следующих групп информантов:

I) носителей русского языка:

1) речь медицинских работников (MED) – 30 дикторов, 210 текстов, 6 часов звучания (см. подробнее: *Бродт* 2007; *Полевая лингвистическая практика* 2010; *Русская спонтанная речь* 2017);

2) речь преподавателей РКИ (RKI) – 10 дикторов, 70 текстов, 3,5 часа звучания (см. подробнее: *Ильичева* 1998; *Павлова* 2007, 2009, 2011);

3) речь юристов (JUR) – 40 дикторов, 280 текстов, 16 часов звучания (см. подробнее: *Русская спонтанная речь* 2008, 2010, 2011; *Куканова* 2009);

4) речь студентов (STUD) – 5 разных блоков, более 212 текстов, 7 часов звучания (см. подробнее: *Конюхова* 2007, *Сапунова* 2009; *Филиппова* 2010; *Никрус* 2010; *Хан* 2013);

5) речь «компьютерщиков» (программистов, системных администраторов, преподавателей информатики, студентов, обучающихся по соответствующим специальностям) (COMP) – 20 дикторов, 40 текстов, 90 мин. звучания (см. подробнее: *Малиновская* 2012);

6) речь преподавателей-философов (PHIL) – 6 дикторов, 12 текстов (см. подробнее: *Иванова* 2011);

7) речь смешанной группы информантов (MIX) – 12 дикторов, 12 текстов (см. подробнее: *Иванова* 2011);

II. носителей других языков, изучающих русский язык как иностранный:

1) русская интерферированная речь американцев (RIA) – 68 дикторов, 210 текстов, 10 часов звучания (подробнее см.: *Метлова* 2013);

2) русская интерферированная речь китайцев (RIK) – 10 дикторов, 70 текстов (см. подробнее: *Чэн* 2016);

3) русская интерферирующая речь франкофонов (RIF) – 8 дикторов, 8 текстов (см. подробнее: *Казак* 2015);

4) русская интерферирующая речь голландцев (RIG) – 16 дикторов, 16 текстов (см. Приложение 1 к настоящей работе).

Материал представлен в электронном расшифрованном орфографическом виде. В записи принимали участие информанты разных социальных и психологических групп. В транскриптах отмечаются как физические паузы, так и проявления спонтанности речи – паузы хезитации, в том числе заполненные, обрывы, растяжки гласных, – и некоторые паралингвистические элементы – смех, вздох, кашель и др. Материалы корпуса SAT также предоставляют возможности для анализа спонтанной речи на всех языковых уровнях (см., например: *Звуковой корпус...* 2013, 2014, 2015).

5.2. Типология текстов корпуса «Сбалансированная аннотированная текстотека»

Тексты, входящие в модуль SAT, по своему речевому воплощению являются устными спонтанными монологами (спонтанность порождаемых монологов была подтверждена с помощью экспертной оценки, см.: *Звуковой корпус...* 2013: 45–50). Как уже было сказано выше, блок SAT Звукового корпуса русского языка представляет собой сбалансированное собрание текстов. Прежде всего, их балансировка является собственно лингвистической и заключается в том, что все монологи строятся по четырем коммуникативным сценариям:

- 1) чтение (сюжетного и несюжетного исходного текста);
- 2) пересказ (сюжетного и несюжетного исходного текста);
- 3) описание (сюжетного и несюжетного изображений);
- 4) рассказ на заданную тему.

Понятие *коммуникативный/речевой сценарий* появилось в сфере *когнитивной лингвистики* и было введено в обиход профессорами Р. Шенком и Р. Абельсоном в начале 70-х гг. XX века при разработке систем автоматического понимания текстов (*Schank, Abelson* 1977). Изначально

сценарии рассматривались как структуры данных, удобные для заключений, которые выводятся в процессе реконструкции причинно-следственных отношений, лежащих в основе какого-либо повествования. Впоследствии возникла идея моделирования памяти и обработки текста аналогичным образом. В результате Р. Шенк и Р. Абельсон определяют сценарий как когнитивную структуру, описывающую нормальную последовательность событий в частном контексте. Контекст в данном случае понимается в когнитивном смысле, а понимание – как процесс, при помощи которого люди приравнивают то, что они видят и слышат, к группам действий, уже имевшихся в их опыте (*там же*: 248).

Затем в лингвистическом обиходе появились понятия *фрейм* и *речевой жанр*. К. Ф. Седов, говоря о речевых жанрах, использует понятие сценария следующим образом: речевые жанры, по его словам, «присутствуют в сознании человека в идее фреймов, сценариев, влияющих на процесс разворачивания мысли в слово» (Седов 2010: 187); ср. также: «сценарий существует как модель развертывания речи, как план возможных или обязательных речевых действий для той или иной ситуации общения. Теория речевого сценария позволяет типизировать произведения речевой деятельности и подробно и структурно охватить самые разные неоднородные речевые события, от вдохновенного монолога до краткой реплики в троллейбусе» (*Звуковой корпус... 2013*: 76).

Соотношение вида коммуникативного сценария и рамок его исполнения очень важно для настоящей работы. Согласно нашей гипотезе, обозначенной во введении, метакоммуникация определенного типа (например, экспликация говорящим трудностей в построении монолога по заданному коммуникативному сценарию) будет чаще встречаться в более жестких типах коммуникативных сценариев, т. е. в более лингвистически мотивированных типах монологов, к которым относятся пересказ текста и описание изображения.

В основе различных коммуникативных сценариев могут лежать два вида речевой активности. О. А. Лаптева характеризует их так: «С точки зрения отношения к подготовленному заранее тексту и, соответственно, речевой активности в момент сообщения можно выделить два основных вида речи – воспроизведение (а внутри него – точное воспроизведение, т. е. чтение вслух или передача устными средствами выученного наизусть, и неточное воспроизведение – пересказ с опорой на письменный текст) и продуцирование» (Лаптева 2001: 24). Таким образом, первые две группы устных монологов в структуре САТ (чтение и пересказы) являются результатом воспроизведения (точного и неточного), а две следующие (описания и свободные рассказы) – результатом продуцирования.

О монологах САТ можно сказать, что все они являются *вторичными текстами* по отношению к *первичным*: тексту, предложенному для чтения и пересказа, изображению, предложенному для описания, или теме рассказа, заданной вопросом экспериментатора. Первичный текст (мы используем широкое понимание *текста* в семиотике – см.: Лотман 1992) можно также назвать *текстом-стимулом*, или *предтекстом*. *Первичный текст* (в нашем случае это текст, предложенный для чтения и пересказа (*предтекст*), изображение для описания и тема рассказа, заданная вопросом экспериментатора) «по отношению к нашим информантам является объективным, а *вторичный текст* (в нашем случае – прочтение, пересказ, описание и рассказ) как речевое произведение информанта уже в некоторой степени пропущен через его сознание, поэтому отражает некоторые особенности восприятия субъекта, его социальные характеристики, проявляющиеся в речи на бессознательном уровне» (Русская спонтанная речь 2011: 7). Таким образом, в центре настоящего исследования находятся *вторичные тексты* (спонтанные монологи) и способы их метакомментирования.

При наличии разного рода текстов-стимулов для порождения устных спонтанных монологов можно говорить о разной степени их (монологов)

лингвистической мотивированности. Под лингвистической мотивированностью понимают «зависимость всех лингвистических признаков вторичного (порожденного) текста от характеристик первичного, ставшего как бы причиной вторичного» (Богданова 2001: 14), или «обусловленность такого спонтанного (*вторичного*) текста некоторым исходным (*первичным*), ставшим причиной его появления, давшим говорящему импульс для порождения речи» (она же 2006: 288). Сочетание *лингвистической мотивированности* и *спонтанности* текста «оказывает влияние на все лингвистические признаки порождаемого текста» (она же 1997: 37). Степень проявления этих признаков обратно пропорциональна друг другу: чем выше степень мотивированности монолога, тем ниже степень его спонтанности, и, наоборот, чем меньше мотивированности, тем выше уровень спонтанности. На основе этого Н. В. Богданова составила *типологию бытовых спонтанных монологов*, где спонтанным признается «любой неподготовленный текст, порождаемый в обстановке неофициального и непринужденного общения» (она же 2006: 288). На рисунке 2 представлена данная типология в виде схемы (Звуковой корпус... 2013: 88). Предложенная типология в равной степени характеризует и письменные спонтанные монологи.

Чтение максимально мотивировано исходным текстом, при этом доля спонтанности в нем тоже присутствует (*там же*). *Рассказ*, напротив, имеет минимальную степень мотивированности и максимальный уровень спонтанности. *Пересказ* и *описание* занимают в схеме промежуточное положение как по степени мотивированности, так и по проявлениям спонтанности речи.

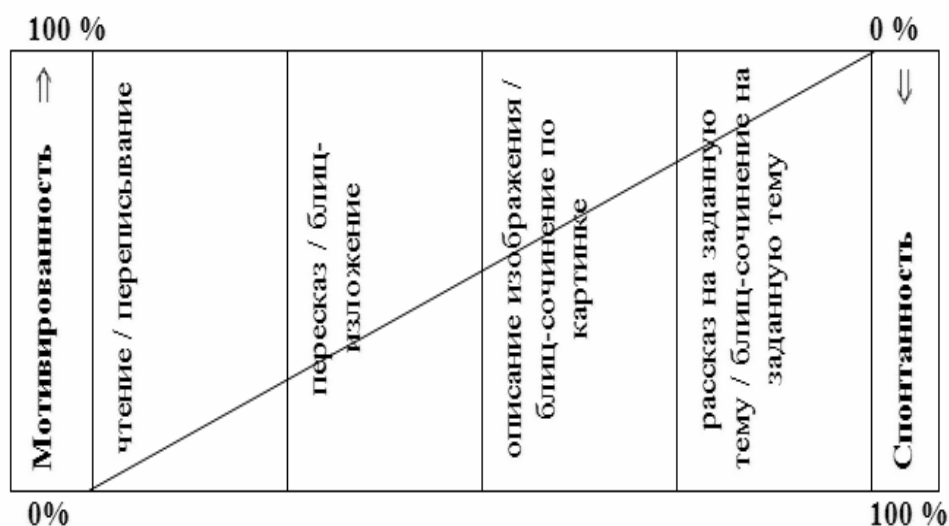

Рис. 2. Взаимозависимость лингвистической мотивированности и спонтанности монологического текста

Наконец, последний критерий текста-стимула, влияющий определенным образом на монолог-чтение, пересказ, описание – это его сюжетность / несюжетность. Изначально подобранные эмпирически, отрывки прозы и изображения были поделены на сюжетные и несюжетные. К сюжетным предтекстам можно отнести, например, отрывок из «Собачьего сердца» М. А. Булгакова или различные карикатуры Х. Бидструпа, к несюжетным – отрывок из рассказа В. Г. Короленко «Река играет» или пейзаж И. И. Шишкина «Старые липы» (полный список текстов и изображений см. в: *Звуковой корпус...* 2013). На определенном этапе исследования был выявлен новый, достаточно объективный, критерий оценивания предтекстов, который совпал с делением на сюжетные и несюжетные, – индекс удобочитаемости письменного текста (*Flesch* 1943), встроенный в текстовый редактор Microsoft Word как индекс Флеша-Киндсайда (распадающийся на показатель удобочитаемости, определяющий необходимый уровень образования читателя для понимания данного конкретного текста, и индекс легкости чтения), учитывающий среднюю длину предложения в словах и слова в слогах. По одной из наших гипотез,

предполагается наличие бóльшего количества метакоммуникативных вставок в монологах, первичным текстом для которых стал несюжетный текст.

6. Социолингвистический аспект исследования

Социолингвистика как научная дисциплина окончательно оформилась в XX веке, хотя ее истоки уходят еще в изучение диалектов как территориально обусловленных вариантов языка и арго как языков специфических закрытых групп. И. А. Бодуэн де Куртенэ писал: «Так как язык возможен только в человеческом обществе, то, кроме психической стороны, мы должны отмечать в нем всегда сторону социальную. Основанием языковедения должна служить не только индивидуальная психология, но и социология» (Бодуэн де Куртенэ 1963: 348). Социолингвистика – это отрасль языкознания, «изучающая язык в связи с социальными условиями его существования. Под социальными условиями имеется в виду комплекс внешних обстоятельств, в которых реально функционирует и развивается язык: общество людей, использующих данный язык, социальная структура этого общества, различия между носителями языка в возрасте, социальном статусе, уровне культуры и образования, месте проживания, а также различия в их речевом поведении в зависимости от ситуации общения» (*Социолингвистика* 2017). В социолингвистике «для обработки данных полевых наблюдений используются разновидности корреляционного анализа. Для социолингвистики типичны корреляции, в которых в качестве независимых переменных выступают те или иные социальные параметры, стратификационные или ситуативные, а в качестве зависимых – языковые явления. Между коррелятами отмечается как полная, так и неполная функциональная зависимость» (Швейцер 1990: 481).

В связи с этим в социолингвистике можно выделить два основных направления исследования влияния экстралингвистических факторов на речь: влияние переменных компонентов *коммуникативной ситуации* и относительно постоянного *социального статуса* говорящих.

Коммуникативная ситуация – это ситуация речевого общения двух и более людей. По Д. Х. Хаймсу, коммуникативная ситуация имеет определенную структуру. Она состоит из следующих социолингвистических параметров (по модели S-P-E-A-K-I-N-G):

1) S=SETTING/SCENE (обстановка) – «refers to the time and place of a speech act and, in general, to the physical circumstance» (отсылает ко времени и месту произнесения речевого акта и в целом к физическим обстоятельствам) (*Hymes 1974: 55*) (перевод мой. – К. З.);

2) P=PARTICIPANTS (участники) – говорящий и слушающий(-е);

3) E=ENDS (goals) (цели) – задачи, цели и результаты речевого акта;

4) A=ACT SEQUENCE (последовательность речевых актов) – форма речевых событий и их порядок в цепи речевых актов;

5) K=KEY (указания на эмоциональную сферу) – тон, манера протекания речевого акта;

6) I=INSTRUMENTALITIES (код и канал) – все возможные коды и каналы передачи сообщения;

7) N=NORMS (нормы) – социальные конвенции, используемые собеседниками для достижения коммуникативной цели;

8) G=GENRE (речевой жанр) – все возможные жанры речевого общения (*Hymes 1974: 55*).

У. Брайт считает самыми важными из факторов, влияющих на языковые различия, социальную принадлежность Отправителя и Получателя сообщения и обстановку, при этом социальная принадлежность Отправителя (или говорящего) «ярче всего проявляется в случае “классовых диалектов”, когда различия в речи соответствуют различиям в социальной стратификации. <...> Сюда же относятся и случаи различия между “мужской” и “женской” речью» (*Брайт 1975: 35*).

Как уже было сказано, все монологи информантов, анализируемые в настоящей работе, были записаны в экспериментальных условиях. Экспериментальная речь не является созданной в естественной социальной

ситуации общения двух и более говорящих. Общение интервьюера и экспериментатора при записи монологов проходило тет-а-тет, в знакомой информанту обстановке (дом, его/ее учебное заведение или работа), однако необходимо учитывать влияние интервьюера на тональность речи испытуемого. Отношения между информантом и собирателем обычно были скорее официальными, поскольку они не были знакомы до проведения эксперимента, однако в записи речи некоторых групп (студенты, преподаватели РКИ) участвовали знакомые информантов в качестве экспериментаторов, что придавало общению меньшую официальность. Коммуникативная цель говорящих была обусловлена тем коммуникативным заданием, которые ставил перед ними экспериментатор: прочитать и пересказать текст, описать изображение или развернуто ответить на вопрос. Кодом говорящих в ситуации выполнения сценарных речевых заданий можно признать русский литературный язык в его устно-разговорной разновидности (иногда со вкраплениями просторечия в монологах информантов с низким уровнем речевой компетенции), ср.: «Чем большего внимания к собственной речи требует от говорящего ситуация общения, тем вероятнее использование им литературного языка (или, при неполном владении последним, речевых форм, близких к литературным). Напротив, при свободном общении, при снятии или ослаблении социального контроля и речевого самоконтроля в той или иной ситуации вероятнее использование диалекта» (Крысин 2004: 432). Таким образом, можно заключить, что все информанты, участвовавшие в записи, находились в приблизительно равных условиях, то есть в одной коммуникативной ситуации, поэтому их социальные роли не варьировались. Вследствие этого мы будем учитывать в исследовании социальную принадлежность говорящего, формирующую его социальный статус.

Социальный статус – это «соотносительная позиция индивида или группы, определяемая социальными признаками (экономическое положение, профессия, квалификация, образование и т. п.), природными признаками (пол, возраст и т. д.), а также престижем и местом в структуре

власти» (*Социология...* 2003: 789). В рамках понятия социального статуса могут рассматриваться различные характеристики говорящего, как биологические, так и собственно социальные. В. И. Карасик отмечает, что социальный статус является междисциплинарным понятием, и характеризует его следующим образом: «1) общественно значимые различия между людьми имеют биологическую и социальную природу и типизируются в системе социальных признаков индивида, 2) социальные признаки индивида образуют иерархию в соответствии с ценностями определенного сообщества в определенный период, 3) социальные признаки индивида неоднородны в различных отношениях, группируются в признаковые комплексы и могут быть измерены, 4) социальный статус человека раскрывается в ролевых, дистанционных и нормативных характеристиках поведения, обусловленных социально-экономическими и культурно-этическими факторами общественной жизни, 5) ролевые, дистанционные и нормативные характеристики поведения отражаются в стратегиях и средствах невербального и вербального общения» (*Карасик* 1991: 322).

Язык той или иной группы людей, имеющих определенный социальный статус, можно называть *социолектом*. Это «совокупность языковых особенностей, присущих какой-либо социальной группе – профессиональной, сословной, возрастной и т. п. – в пределах той или иной подсистемы национального языка» (*Беликов, Крысин* 2001: 33). Важно отметить, что социолекты «не представляют собой целостных систем коммуникации» (*там же*: 34). Группы, использующие тот или иной социолект, обладают некоторым репертуаром языковых средств, проявляющихся в их речи, однако сама речь в целом будет относиться к какому-либо из стилей или кодов, существующих в системе данного национального языка. Т. И. Ерофеева говорит о двойственности, свойственной термину *социолект*, мотивированной как собственно социальными, так и иными факторами: «В социолект включается, с одной стороны, понятие социального типа, который проявляется у человека под

влиянием черт, свойственных данной расе, этнической группе, национальности, социальному классу, иными словами, это речь “среднего индивида”. С другой – социолект включает в себя еще и систему речевых средств определенной группы, детерминированную рядом факторов, имеющих не только социальный, но и биологический и психологический характер (например, пол, возраст, темперамент и т. д.)» (Ерофеева Т. И. 2002: 174).

Изучение социолектов и языков групп, выделяемых по социальному статусу их членов, является объектом *макросоциолингвистики*, которая «обращена к проблемам, характеризующим целое общество или крупные социальные объединения людей». (Беликов, Крысин 2001: 216) При этом «группы, о которых нередко идет речь и в макросоциолингвистических работах, – например, лица определенного возраста, пола, уровня образования – это группы условные: члены таких групп не находятся в контакте друг с другом, не общаются» (там же). Макросоциолингвистика учитывает разные наборы социально значимых признаков, образующих социолект конкретного сообщества.

У. Лабов определяет социолингвистику как науку, описывающую язык с учетом социальных характеристик говорящего: «By socially realistic, I mean a description which takes into account the distribution of language differences throughout the community, and necessarily preserves the data on the age, sex, education, occupation, and ethnic membership of the speakers studied» (Под термином «социально реалистичная лингвистика» понимается такое описание языка, которое принимает во внимание распределение языковых различий между членами сообщества, обязательно с учетом возраста, пола, уровня образования, профессиональной занятости и этнической принадлежности исследуемых информантов) (Labov 2006: 7) (перевод мой. – К. З.).

М. В. Панов выделяет следующие признаки, оказывающие наибольшее влияние на речь человека: возраст; место рождения; место постоянного

жительства; профессия; социальное положение родителей; место рождения родителей (*Панов 1990*). А. С. Штерн считает ведущими социальными факторами пол и возраст как внутренние биологические основы личности (*Штерн 2006: 131*). Л. П. Крысин указывает три фактора, влияющих на распределение языковых вариантов в среде носителей русского литературного языка – возрастной, профессиональный и социально-территориальный; при этом территориальный признак является ведущим и оказывающим наибольшее влияние на речь, а затем следуют возраст и социальное происхождение (*Крысин 1989*). Однако возраст и пол также являются «лингвистически значимыми биосоциальными факторами: представители разных поколений характеризуются неодинаковым использованием средств языка, разными предпочтениями в оценках языковых фактов и т. п., а различия людей по биологическому полу сказываются в их речевых склонностях и неприятиях» (*Беликов, Крысин 2001: 181*). Т. И. Ерофеева и Е. В. Ерофеева включают в ряд социальных характеристик говорящего, коррелирующих с некоторыми особенностями их речи, пол, возраст, место рождения, уровень образования и специальность (*Ерофеева Е. В. 2005; Ерофеева Т. И. 2004*). Среди важнейших социальных параметров, определяющих репертуар и функционирование различных единиц в устной речи, Н. В. Богданова выделяет пол, возраст, профессиональную принадлежность, профессиональное/непрофессиональное отношение к речи и уровень речевой компетенции (*Богданова и др. 2008*).

В настоящем исследовании в ходе социолингвистического анализа устного монологического материала учитываются следующие факторы: пол (гендер), возраст, УРК (включающий уровень образования и профессиональное/непрофессиональное отношение к речи) и профессиональная принадлежность информанта, речь о которых пойдет в следующих частях исследования.

6.1.

Пол говорящего

Пол является постоянной социобиологической характеристикой индивидуума, в то время как все бóльшую популярность в научном обиходе начинает обретать более сложное понятие *гендер* – «продукт развития культуры и общества» (*Кирилина 1999: 135*), социальный и культурный конструкт, в настоящее время отнюдь не заданный физиологически и биологически, ср.: «гендер – социокультурный конструкт, связанный с приписыванием индивиду определенных качеств и норм поведения на основе его биологического пола» (*Кирилина, Томская 2005: 112*). Е. В. Ерофеева считает гендер биологическим и социальным фактором, преломляющимся через психологию говорящего (*Ерофеева Е. В. 2005: 127*).

Гендер говорящего может проявляться в речи на всех языковых уровнях. Женской и мужской речи свойственно употребление различных единиц, однако, как было показано исследователями в период после феминистской критики языка, не существует особого «мужского» и «женского языка», а можно отмечать лишь тенденции к преобладанию в них тех или иных элементов в конкретной ситуации коммуникации. Как отмечал У. Лабов, существует вероятность того, что мужчины или женщины выберут тот или иной языковой вариант (*Labov 1971*). Выбор говорящего во многом определяется культурными стереотипами языкового сообщества, к которому он принадлежит.

Различия в языковых вариантах, используемых мужчинами и женщинами, могут проявляться на уровне грамматики: существуют языки (например, японский) с закрепленными за тем или иным вариантом аффиксами (однако сейчас предпочтение обоих полов отдается формам «мужского языка») (*Алпатов 2008*). Однако в обзоре языковых средств, свойственных речи представителей разного гендера, мы коснемся только тех, использование которых необязательно для говорящих и может достаточно свободно выбираться ими.

Д. Таннен описывала мужской и женский *гендерлекты*, анализируя коммуникативные неудачи в межполовом общении, вызванные воспитанными в мужчинах и женщинах коммуникативными стратегиями и тактиками: поведение мужчин, как правило, нацелено на достижение результатов, сохранение независимости и высокого социального статуса, поведение женщин – на выстраивание и сохранение хороших отношений с собеседником, предотвращение конфликтов и выражение эмоций. Мужчины, скорее, сочтут оказание помощи намеком на их собственную слабость и борьбу за доминирование, а женщины рассмотрят ту же ситуацию как проявление коллективной солидарности, проявления доброжелательности и укрепление взаимоотношений (*Tannen 1990*).

Сходные черты замечает и П. М. Фишман, говоря о неравновесном вкладе мужчин и женщин в общее построение коммуникации. Женщины, в отличие от мужчин, чаще задают вопросы собеседнику, часто и в подходящем месте используют фатические сигналы в общении, причем как с целью привлечь внимание собеседника (*d'ya know what?*), так и с целью уверить его, что он получает их внимание (*mm, yeah*), вводящие тему клаузы (*That's very interesting*), однако вводы темы, сделанные мужчинами, поддерживаются женщинами чаще, чем наоборот. П. М. Фишман делает вывод, что именно женщины организуют и выстраивают разговор таким образом, чтобы он прошел без коммуникативных помех и провалов: «Women do support work while the men are talking and generally do active maintenance and continuation work in conversations. The men, on the other hand do much less active work when they begin or participate in interactions» (Женщины поддерживают разговор, тогда как мужчины просто разговаривают, и, в общем-то, женщины ведут очень активную работу по поддержанию и продолжению разговора. Мужчины, с другой стороны, гораздо меньше поддерживают разговор, когда начинают его или продолжают в нем участвовать) (*Fishman 1978: 404–405*) (перевод мой. – К. З.).

П. Традгилл отмечал устойчивую тенденцию к употреблению женщинами более престижного варианта произношения (*Trudgill 1983*). Сходные данные представлены в исследовании Е. В. Ryan: мужчины в большей мере склонны к использованию нестандартного языка, женщины же стремятся к поддержанию стандарта (*Ryan 1979: 155*), ср.: «...обычно все инновации попадают в язык через мужскую речь. Как следствие, женские формы по происхождению обычно более старые, чем мужские: языковые изменения происходят прежде всего в речи мужчин» (*Вахтин, Головки 2004: 76*).

Исследование Е. А. Земской, М. А. Китайгородской и Н. Н. Розановой посвящено особенностям мужской и женской речи, изучавшейся в среде московской интеллигенции в семейной повседневной обстановке. Так, женщинам свойственно включать в разговор бытовую тематику, вызванную экстралингвистическими факторами: обстановкой и действиями, которые производят говорящие, что, по мнению авторов, связано не с полом, а, скорее, с социальными и семейными ролями женщины в обществе. Мужчины неохотно реагируют на реплики, не связанные с основной темой разговора, например, на женские реплики, связанные с бытом, что называется «психологической глухотой» (*Земская и др. 1993: 114*). В мужской речи, по сравнению с женской, обнаруживается более сильное влияние фактора «профессия» (употребление в речи терминов типа *остатки сажевых частиц*), а также более частое использование экспрессивных, стилистически сниженных средств (*чайку хлобыстнем*), бранной лексики, которую также используют женщины, но только при общении с другими женщинами. Женской речи свойственна экспрессивность иного рода: включение в речь слов-интенсивов (*жутко обидно*), гиперболизации (*колоссальная труппа*), междометий, выражающих удивление (*ой! ах!*). Типично мужскими семантическими полями являются спорт, охота, профессиональная и военная сфера, типично женскими – природа, животные, эмоциональная сфера личностного общения и обыденный окружающий мир. Однако авторы

закljučают, что непроходимых границ между мужской и женской речью не существует, а отмеченные особенности их речи функционируют как тенденции употребления, более того, «нередки случаи, когда те или иные явления, обнаруженные в речи мужчин и женщин, связаны с особенностями их психического склада, характера, профессии, роли в социуме, но не с различием по полу» (*Земская и др.* 1993: 132).

Т. В. Гомон, описывая проблему установления имитации письменной речи лица одного пола лицом другого, выделяет комплекс поверхностных и глубинных признаков мужской и женской речи. К поверхностным относятся тематические признаки текста: описание быта, моды, домашнего хозяйства и т. п. при имитации речи женщины, и обращение к теме ремонта, спорта и работы при подделывании речи мужчины. К глубинным признакам автор относит свойственное мужской речи использование армейского и тюремного жаргона, газетно-публицистических клише, вводных слов, имеющих значение констатации (*очевидно, несомненно*), нецензурных слов как вводных; употребление большого количества абстрактных существительных, преобладание нецензурных инвектив и конструкций, обозначающих действия и процессы, а также преобладание глаголов активного залога и переходных; однообразие лексических приемов при передаче эмоций и др. Женской речи на глубинном уровне свойственно наличие множества вводных слов, определений, обстоятельств, местоименных подлежащих и дополнений, а также модальных конструкций, выражающих различную степень неуверенности, предположительности, неопределенности (*может быть, по-видимому*); склонность к употреблению «престижных», стилистически повышенных форм, клише, книжной лексики (*испытывал чувство гадливости и брезгливости*); использование эвфемизмов; употребление оценочных высказываний (слов и словосочетаний) с дейктическими лексемами вместо названия лица по имени (*эта сволочь*); высокочастотным является также использование конструкций *наречие + наречие* (*слишком безжалостно*), синтаксических

оборотов с двойным отрицанием; частое использование знаков пунктуации, высокая эмоциональная окраска речи в целом (*Гомон* 1990).

Психолингвистические эксперименты Е. И. Горошко показали, что наименьшие гендерные различия в речи обнаруживаются у лиц с высшим образованием, занятых интеллектуальной деятельностью (*Горошко* 1999: 2002).

Т. И. Ерофеева на материале корпуса живой речи пермяков доказывает, что фактор пола значимо коррелирует с несколькими фонетическими, лексическими и синтаксическими чертами устных текстов: с большинством супraseгментных признаков речи (логическое и эмоциональное ударение, темп), с употреблением архаизмов и жаргонизмов и с признаком «длина предложения» (*Ерофеева Т. И.* 2002: 174).

Исследование Е. В. Ерофеевой показывает, что фактор гендера также имеет значимое влияние на частоту появления в устной речи пермяков двух произносительных черт: оканья и чрезмерной редукции гласных: они существенно чаще встречаются в речи мужчин (*Ерофеева Е. В.* 2009: 23).

На материале подкорпуса ОРД, представляющего по преимуществу диалогическую устную речь, было выявлено несколько различий мужской и женской речи на всех языковых уровнях. Так, женщины говорят в целом больше (объем «речевого дня» женщин – более 8 часов, мужчин – около 6) (ср. противоположные выводы в: *Zimin* 1981), но медленнее мужчин (5,25 vs. 5,46 сл/с) (слогов в секунду) (ср. схожие данные – 5,3 vs. 5,5 для речи женщин и мужчин соответственно в: *Степанова* 2011: 44), меньше хезитируют и употребляют меньше вопросительных предложений; чаще используют редуцированную форму *щас*, но реже *чѐ*; чаще прибегают к использованию прагматем (*в общем*) (подробнее о прагматах см.: *Богданова-Бегларян* 2014, 2016) и редуцированных форм (*то-сѐ, туда-сюда*) (подробнее о редуцированных формах см.: *Попова* 2016). Мужчины говорят, соответственно, меньше, особенно в профессиональной (в 2,5 раза меньше) и учебной (в 2 раза меньше) речи (на работе и учебе), включают в речь

редуцированные формы *диситна*, *када* и *шо*, чаще употребляют междометия, но реже – личные местоимения; в верхней зоне их частотного словаря появляются бранные слова (одно из них занимает 21-й ранг), а самым частотным словом в речи мужчин является частица *ну*, по сравнению с женским частотным списком, где первое место занимает личное местоимение *я* (*Русский язык повседневного общения...* 2016: 195–199).

В настоящей работе предпринимается проверка социолингвистической гипотезы о зависимости употребления некоторых типов метакоммуникативных единиц от пола говорящего. В частности, использование такого типа метакоммуникации, как экспликация трудностей в построении речи, возможно, более свойственно женской речи.

6.2. Возраст говорящего

Возраст, так же как и пол, понимается в социолингвистике не только как биологическая характеристика, но как сложное явление, определяемое биологическими (количественными и постоянными), социальными (связанными с принадлежностью определенному поколению) и психологическими (определяющими структуру личности в определенном периоде) факторами (*Ананьев* 1968: 226; *Аванесов* 1984: 9; *Грановская* 1988).

Возрастная психология, изучающая закономерности психического развития в каждом возрасте, по-разному определяет границы возрастных групп. Так, психолог Э. Эриксон выделяет восемь фаз в психосоциальном развитии человека, которые соответствуют следующим возрастным периодам:

- младенчество (от рождения до 1 года);
- раннее детство (1–3 лет);
- игровой возраст, дошкольный (4–6-7 лет);
- школьный возраст (7-8–12 лет);
- юность (13–19 лет);
- молодость (19–35 лет);
- зрелость (35–60 лет);

- старость (от 60 лет) (*Эриксон 2000*).

Классификация, принятая на симпозиуме Академии педагогических наук СССР в 1965 году, учитывает большее количество периодов, являясь более дробной в описании возрастных групп:

- новорождённые – от 1 до 10 дней;
- грудной ребёнок – от 10 дней до 1 года;
- раннее детство – от 1 до 2 лет;
- первый период детства – от 3 до 7 лет;
- второй период детства – от 8 до 12 лет (муж.); от 8 до 11 лет (жен.);
- подростковый возраст – от 13 до 16 лет (муж.); от 12 до 15 лет (жен.);
- юношеский возраст – от 17 до 21 года (муж.); от 16 до 20 лет (жен.);
- средний возраст:
  - первый период – от 22 до 35 года (муж.); от 21 до 35 лет (жен.);
  - второй период – от 36 до 60 года (муж.); от 36 до 55 лет (жен.);
- пожилые люди – от 61 до 75 года (муж.); от 56 до 75 лет (жен.);
- старческий возраст – от 76 до 90 лет;
- долгожители – старше 90 лет (*Венгер 1971: 270*).

А. С. Штерн выделяет следующие возрастные периоды в развитии личности после собственно детства:

ранняя юность – 16–18 лет;

поздняя юность – 18–25;

ранняя зрелость – 25–35 лет;

средняя зрелость – 35–45 лет;

поздняя зрелость – 45–60;

оценка прошлой жизни – 60–70 лет (*Штерн 2006: 131–132*).

Е. В. Ерофеева, анализируя материалы устной речи, предлагает выделять внутри среднего возраста не два, а три периода взрослой жизни человека:

ранняя зрелость – 25–34;

средняя зрелость – 35–44;

поздняя зрелость – 45–55 (*Ерофеева Е. В. 2005: 131*).

В возрастной лингвистике, т. е. науке о проявлении возрастных характеристик говорящего в языке и изменении языка с возрастом, наиболее активно изучается становление речи в детстве, то есть область *онтолингвистики* (Рубинштейн 1940; Выготский 1956; Жинкин 1958; Ладыженская 1975; 1986; Лурия 1979; Цейтлин 2000; Седов 2004). Известны периодизации развития речи Л. С. Выготского (Выготский 1984), который представлял процесс развития ребенка как переход между возрастными ступенями, на которых происходит плавное развитие, через периоды кризисов, и Д. Б. Эльконина (Эльконин 2007), объединявшего концепции Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева.

Особенности речи говорящих из средней и старшей возрастных групп освещены в научной литературе очень скудно, однако очевидно, что этот аспект языкознания очень важен и напрямую связан с понятием нормы в языке. «Конфликт поколений» часто провоцируется именно различиями в понимании нормы представителями младшей и старшей возрастных групп. Язык старшего поколения более консервативен, насыщен выходящими из употребления лексемами и конструкциями. Грамматические и лексические инновации привносит в язык молодежь, чаще всего посредством сленга, элементы которого через утус носителей могут включаться в литературный язык. Молодежный сленг экспрессивен, он постоянно находится в процессе поиска новых речевых форм. Речевые особенности людей средней возрастной группы (как сформированные и относительно устойчивые) характеризуются наибольшей речевой нормативностью, ср.: «В нормально развивающемся языке, опирающемся на язык трех поколений, “стандарт” определяется с ориентацией на среднее поколение: именно оно является носителем того варианта языка, который в данном обществе принимается за норму. В речи молодого поколения всегда больше инноваций, в речи старшего – больше слов, выходящих из употребления» (Вахтин, Головки 2004: 78).

Наша речь меняется с возрастом, например, «статистически значимыми оказались и различия в темпе речи информантов младшей и старшей

возрастных групп (до и после 40 лет), с возрастом мы говорим медленнее: 6,1 vs. 5,3 сл./с, – хотя и не достигаем медлительности темпа речи детей (3,9 сл./с)» (Степанова 2011: 45).

Акустические признаки голоса старшей возрастной группы позволяют перцептивно отличать их голоса от голосов младшей возрастной группы. Особое произношение и возникающие из-за возрастных нарушений дополнительные шумы при производстве речи позволяют определять возраст довольно точно. Согласно такому «дефицитному» подходу, сам упадок и разрушение норм речи в пожилом возрасте является нормой (Coupland et al. 1991), однако на самом деле это гипотеза, требующая проверки. Распространено также и объяснение возрастных изменений речи возвращением человека «во второе детство», когда речь пожилых сближается с речью детей (Якобсон 1996), и первыми в ходе изменений утрачиваются такие синтаксические структуры, которые ребенок усвоил последними (см. опровержения в: Кетпер 2001, Лантюхова 2016).

К противоположным выводам пришла и О. В. Ильичева, которая отметила, что возраст оказывает заметное влияние на речь говорящих: люди старшего поколения говорят сложнее и разнообразнее, чем люди с высоким УРК (Ильичева 1998: 33). На основе анализа монологов-пересказов преподавателей-филологов из состава САТ, она пришла к следующим выводам:

- 1) количество словоупотреблений при пересказе прочитанного текста с возрастом увеличивается;
- 2) чем старше говорящий, тем сложнее продуцируемый им устный текст поддается пунктированию (расстановке точек в ходе специального эксперимента) (подробнее об эксперименте по пунктированию см.: Богданова 1993, Звуковой корпус... 2013: 34);
- 3) люди старшего возраста говорят более длинными предложениями, нежели молодые;

4) с возрастом в речи увеличивается количество сложных предложений;

5) люди зрелого возраста чаще выражают в спонтанной речи свое отношение к высказываемому.

В монографии Т. И. Ерофеевой отмечается, что из социальных характеристик говорящего возраст оказывает наибольшее влияние на речь на лексическом уровне (на знание, употребление и реализацию диалектных, архаических слов и аргю) (Ерофеева Т. И. 1991). Кроме того, средняя длина предложения и сложность синтаксиса в старшей возрастной группе уменьшается (Ерофеева Т. И. 2012: 55). Во всех остальных случаях этот фактор несущественен.

Е. В. Ерофеева в исследовании фонетических особенностей речи жителей Перми отмечает, что фактор «возраст» существенно влияет на частоты четырех показателей: еканья, качественной редукции /u/, смягчения [ля] и [ня], а также на утрату и ослабление смычки у аффрикаты /с/ (Ерофеева Е. В. 2009: 23).

Результаты исследования устной речи на материале корпуса «Один речевой день» показали существенные различия у говорящих разных возрастных групп. В речи молодежи представлен наиболее высокий темп речи (5,91 сл/с); количество вопросительных реплик выше, чем в речи старших (2,5 vs. 1,3 %); самой популярной редуцированной формой является *чѐ*; только молодежь употребляет форму *ваще*; чаще использует эмотивные междометия, неологизмы, жаргонизмы, бранную лексику; молодежной речи свойственно использование непроективных (инверсированных) конструкций. Речь представителей среднего возраста маркирована высоким уровнем использования редуцированной формы *щас*, этикетных форм *пожалста* и *пасиб(а)*, а доля синтаксических нерегулярностей в их речи ниже всего, что подтверждает тезис о бóльшей нормативности речи средней возрастной группы по сравнению с другими. Информанты старшего возраста часто употребляют прагматемы, типизированную конструкцию *это да*,

редуцированную форму *диситна* (только в речи мужчин); в их речи встречается больше всего синтаксических нерегулярностей, а наиболее распространена такая синтаксическая особенность, как обрыв фразы (*Русский язык повседневного общения...* 2016: 201–205).

В настоящем исследовании принимается возрастная периодизация, предложенная АПН СССР, описанная выше, дополненная А. С. Штерн (поздний юношеский возраст (18–24 года), ранняя зрелость/первый период среднего возраста (25–34 года), средняя зрелость/первая часть второго периода среднего возраста (35–44 года), поздняя зрелость/вторая часть второго периода среднего возраста (45–55/60 лет)), с учетом более дробного деления периода зрелости (среднего возраста). С опорой на нее исследуются черты устной монологической речи разных возрастных групп в метакоммуникативном аспекте.

6.3. Уровень речевой компетенции говорящего

В лингвистике существует несколько понятий для обозначения уровня владения и пользования языком конкретным говорящим. Термин *речевая культура* (РК) был введен Н. И. Толстым (*Толстой* 1991), поддержан В. Е. Гольдиным и О. Б. Сиротининой (*Гольдин, Сиротинина* 1993) и в настоящее время используется многими лингвистами, (см., например: *Хорошая речь* 2001). Н. И. Толстой выделил четыре типа речевой культуры в соответствии с разновидностями русского языка:

- 1) литературный язык – *элитарная культура*;
- 2) просторечие – *«третья» культура*;
- 3) наречия, говоры – *народная культура*;
- 4) арго – *традиционно-профессиональная культура*.

Однако в связи с тем, что далеко не все носители литературного языка владеют элитарной культурой речи, разработанная Н. И. Толстым классификация потребовала уточнений применительно к области говорящих на ЛЯ.

О. Б. Сиротинина определяет речевую культуру как «отношение человека, общества к культуре речи во всех значениях этого понятия: к процессу выбора, полученному в результате этого выбора набору языковых средств, к этике общения, к знаниям о законах коммуникации и ее нормах, как языковых, так и этических, коммуникативных, риторических, вообще к знаниям о чем-то и к другим людям» (Сиротинина 2007: 128). В понятие речевой культуры включается не только характер использования языка (культура речи), но и отношение к нему; это «часть культуры народа, связанная с использованием языка. В нее включается сам язык, его этническая специфика, функциональные и социальные разновидности, воплощенные в устной или письменной форме. Кроме того, в нее входят и этнические особенности языковой картины мира, и сформировавшиеся обычаи и правила поведения (в том числе использование невербальных средств), совокупность текстов на данном языке» (она же 2003: 343).

В. Е. Гольдин и О. Б. Сиротинина выделяют несколько *внутринациональных типов речевой культуры*:

1) *полнофункциональный* тип РК (наблюдается среди людей с высшим образованием, с самым высоким уровнем общей культуры, владеющих всеми богатствами родного языка, например, всеми его функциональными стилями, разнообразными нормами и т. д. Образцом для их речи служит язык художественной литературы, носители такого типа РК обращаются к словарям и справочникам не только в рамках своей профессии);

2) *неполнофункциональный* тип РК (близкий к полнофункциональному и характерный для людей высокой культуры, с высшим образованием, но степень владения ими ЛЯ не достигает уровня полнофункционального типа: они могут нарушать некоторые нормы ЛЯ и не использовать весь репертуар средств функциональных стилей. Носители этого типа РК ориентируются не на словари и справочники в вопросах языка, а на более

широкий спектр речевых образцов: классическая литература, тексты СМИ и т. д.);

3) *среднелитературный* тип РК (соотносится с массовой культурой; характеризует большинство населения со средним образованием, встречается и у людей с высшим образованием, часто нарушающих языковые нормы и ориентирующихся на тексты СМИ и массовую литературу);

4) *литературно-жаргонизирующий* тип РК (сформировался в конце XX века, характерен для журналистов, использующих в речи намеренное снижение (жаргонизация, употребление просторечия, диалектов, жаргона, бранной лексики) в экспрессивных целях. Однако тиражирование таких текстов в СМИ приводит к распространению этого типа РК за пределами профессионального сообщества журналистов, на людей, пользующихся литературным языком);

5) *обиходный* тип РК (типичен для людей, не владеющих нормами пользования функциональными стилями языка; не предполагает сознательного отношения к своей речи, носители его в любой обстановке стараются пользоваться разговорной речью; этот тип РК сближается с *просторечием*, которое лежит за рамками литературного языка) (Гольдин, Сиротинина 1993).

За пределами литературного языка находятся такие типы речевой культуры, которые имеют только устную форму порождения текстов и передачи знаний:

- *просторечный* (характерен для речи малообразованных горожан);
- *арготический* (формируется в закрытых социальных группах в целях «шифрования» информации);
- *народно-речевой (диалектный)* (типичен для диалектоносителей в рамках их особой культуры и ментальности) (Сиротинина 2007).

И. А. Стернин на основании классификации В. Е. Гольдина и О. Б. Сиротининой выделяет иные типы речевой культуры:

- 1) *элитарный* тип РК – аналог полнофункционального типа, в терминах О. Б. Сиротининой;
- 2) *среднелитературный* тип РК, при котором говорящий владеет не всеми функциональными стилями ЛЯ;
- 3) *литературно-разговорный* тип РК, характеризующийся владением только одним функциональным стилем – разговорным;
- 4) *фамильярно-разговорный* тип РК с определенной степенью сниженности и огрубления речи, сближающий его с просторечием;
- 5) *просторечный* тип РК, носители которого обычно имеют низкий образовательный и культурный уровень, ограниченный словарный запас, часто используют в своей речи нецензурные слова, слова-паразиты, междометия;
- 6) *профессионально-ограниченный* тип РК, встречающийся в деловом общении, с употреблением жаргонизмов, при отсутствии сознательного использования речевых средств (Стернин 1996).

Предложенная классификация частично соотносится с теорией Ю. Н. Караулова об изучении *языковой личности*, согласно которой каждый человек имеет некий набор умений, или *готовностей* к разного рода речемыслительной деятельности. Формирование набора таких готовностей управляется и определяется далеко не субъективными характеристиками и психологическими факторами, а в первую очередь социальными условиями и соответствующими ролями языковой личности: «одно дело готовности среднего носителя языка, и другое дело готовности филолога-русиста или преподавателя русского языка» (Караулов 2003: 65). Ср. также: «Лица, по своей профессии связанные со словом, писатели, журналисты, учителя-словесники, радио- и теледикторы, священники – в большей мере следуют традиционной норме, чем те, чья деятельность не сопряжена с профессиональным использованием языка» (Беликов, Крысин 2001: 163).

Ю. Н. Караулов выделяет следующие уровни владения языком одной языковой личностью:

1) *уровень правильности*: наличие достаточно большого лексического запаса и знание основных законов функционирования языка, позволяющих строить высказывания и продуцировать тексты;

2) *уровень интериоризации*: умение реализовать и воспринимать высказывания в соответствии с внутренним планом речевого поступка;

3) *уровень насыщенности*: отражение в речи богатства выразительных средств языка;

4) *уровень адекватного выбора*: соответствие используемых в высказывании языковых средств – сфере общения, коммуникативной ситуации и ролям коммуникантов;

5) *уровень адекватного синтеза*: соответствие порожденного личностью текста всему комплексу содержательных и коммуникативных задач, положенных в его основу (Караулов 2003: 67).

Т. И. Ерофеева называет еще один фактор, влияющий на речь человека, – «сознательное отношение к языковой культуре» (Ерофеева Т. И. 1979: 18). Всех своих информантов исследователь разделяет на следующие группы по уровню внимательности к речи:

1) информанты с высшим нефилологическим образованием, не обращающие внимания на правильность своей речи;

2) информанты с высшим нефилологическим образованием, заботящиеся о правильности своей речи;

3) информанты с высшим филологическим образованием, владеющие культурой речи.

Критерий наличия профильного образования, связанного с изучением языка, или навыков филологической работы учитывается в классификации речевых уровней Н. В. Богдановой-Бегларян. Во избежание терминологической неопределенности, связанной с понятием *речевой культуры*, часто тесно связанной только с владением функциональными стилями языка, Н. В. Богданова-Бегларян предложила заменить его на термин *уровень речевой компетенции* говорящего. Под УРК понимается «степень

свободы говорящего в выборе речевых средств, уровень владения этими возможностями, его способность решать те или иные коммуникативные задачи» (Богданова 1998: 64) (в предыдущих работах, выполненных в этом направлении, использовался термин *уровень речевой культуры* (она же 1993, 1997). В основном УРК определяется через два социальных признака говорящего: профессиональное/непрофессиональное отношение человека к языку/речи и уровень его образования. Таким образом, УРК может быть:

- 1) *высоким*: при наличии у информанта высшего образования и профессионального отношения к речи;
- 2) *средним*: при наличии у информанта высшего образования и непрофессионального отношения к речи;
- 3) *низким*: при отсутствии высшего образования и профессионального отношения к речи.

Профессиональное/непрофессиональное отношение говорящего к языку/речи может определяться так:

- 1) язык/речь для говорящего – *только средство коммуникации* (все нефилологи, а также люди, профессионально не работающие с речью);
- 2) язык/речь для говорящего – *средство коммуникации и объект изучения* (все филологи–не преподаватели, в том числе студенты, до некоторой степени школьники);
- 3) язык/речь для говорящего – *средство коммуникации и орудие труда* (нефилологи, чья профессия связана с речью – преподаватели, актеры, дикторы, лекторы и т. п.);
- 4) язык/речь для говорящего – *средство коммуникации, объект изучения и орудие труда* (преподаватели-филологи) (Богданова 2001: 58).

При этом именно в речи преподавателей-филологов, предположительно, реализуется некая норма построения устного спонтанного монолога: «Норма эта применительно к спонтанной речи на всех уровнях языковой структуры, безусловно, существует, хотя и не представлена в явном виде в соответствующей литературе и не кодифицирована.

Реализация этой нормы в речи людей с разным уровнем речевой культуры и с разными социальными характеристиками представляет несомненный интерес для исследователя» (Богданова 2004: 10).

Дополнительными маркерами УРК разного уровня являются:

- словарный запас информантов (на высоком уровне – 4 тыс. лексем, на среднем – 3 тыс., на низком – 2 тыс. (*Русская спонтанная речь* 2017));
- степень членимости текста на единицы (относительно легкое членение маркирует высокий УРК) (Богданова, Бродт 2004; Бродт 2007);
- средняя длина предложений-синтагм в словах (на высоком УРК появляются длинные предложения) (Бродт 2007);
- употребление вставных конструкций классического типа (характерно для высокого УРК) (Богданова 2011) и некот. др. (*она же* 2010б);
- разнообразие заполнения синтаксических позиций, в частности функции инфинитива и употребление причастий и деепричастий (*там же*).

Последние исследования показывают, что статистически значимые различия в речи информантов с разным УРК ощутимы: например, «оказалось, что быстрее говорят люди, которых эксперты отнесли к более низкому УРК» (Степанова 2011: 44). Т. И. Ерофеева отмечает, что уровень образования информанта (то есть одна из составляющих его УРК) «наиболее важен для синтаксического уровня и для параметра “знание” лексических единиц, т. е. можем считать, что этот фактор в основном влияет на владение разными уровнями языковой системы» (Ерофеева Т. И. 2002: 174). Е. М. Сапунова, которая исследовала чтение как тип спонтанного монолога, обнаружила, что чем выше УРК информанта, тем меньше сбоев (в первую очередь, самоперебивов) отмечается в его речи. При этом на низком УРК становятся заметны гендерные различия в количестве допущенных при чтении ошибок разного рода (Сапунова 2009). В работе А. Ю. Рожковой показано, что употребление деепричастий и деепричастных оборотов несовершенного вида в устной монологической речи свойственно

информантам с низким УРК (*Рожкова* 2011: 174). Данные, полученные в ходе анализа диалогического материала корпуса «Один речевой день», показывают, что чем выше УРК говорящего, тем ниже темп его речи, причастия чаще встречаются в речи информантов средней возрастной группы с высшим образованием; конструкция *это да* маркирует речь старшего поколения с высшим образованием, а наибольшее количество непроективных (инверсированных) конструкций используется информантами с низким УРК (*Русский язык повседневного общения...* 2016: 206).

В настоящем исследовании мы опираемся на классификацию уровней речевой компетенции Н. В. Богдановой-Бегларян, в рамках которой каждому информанту, чья речь была записана для корпуса САТ, приписывается определенный условный УРК, учитывающийся при социолингвистическом анализе материала.

6.4. Профессиональная занятость говорящего

Как замечал М. М. Бахтин, «все слова пахнут профессией, жанром, <... > определенным человеком, поколением, возрастом, днем и часом» (*Бахтин* 1975: 106). Род занятий, профессиональная занятость, несомненно, влияет на характер использования языка человеком. Например, «люди интеллектуального труда – представители науки, инженеры, врачи, учителя и др. – как правило, используют литературную форму национального языка, крестьяне пользуются диалектом, а те, кто занят физическим трудом, наряду с литературным языком могут прибегать к средствам просторечия, профессиональных жаргонов» (*Беликов, Крысин* 2001: 162).

Профессиональные языки – это «языковые особенности, которые связаны со спецификой профессий» (*Крысин* 1977: 29). Эти особенности распадаются на собственно терминологические и жаргонные: «каждая профессия имеет своеобразные средства выражения, известные людям только этой профессии и не употребляющиеся за ее пределами, причем это не только слова-обозначения специальных вещей и действий (т. е. термины), но и разнообразные способы речи, выработанные людьми общей профессии

и служащие им в качестве своего языка, а точнее – своего профессионального жаргона» (*Крысин 1977: 33*). Однако наряду с наличием в коммуникативном репертуаре говорящего профессионального жаргона, которым пользуется определенная социальная группа, объединенная в рамках профессии, существует и другая форма языка, которой носитель пользуется в бытовой обстановке. Эта форма – устная разговорная речь – неизбежно подвергается влиянию профессионального жаргона. Несмотря на то, что «за пределами соответствующей профессиональной среды профессиональные жаргонизмы непонятны» (*Михальченко 2006: 176*), они встречаются в устной спонтанной речи представителей разных профессиональных групп в общении вне профессионального коллектива. Профессионализмы (профессиональные жаргонизмы), т. е. «слова и выражения, свойственные речи представителей той или иной профессии или сферы деятельности, проникающие в общелитературное употребление (преимущественно в устную речь) и обычно выступающие как просторечные, эмоционально окрашенные эквиваленты терминов» (*Арапова 1990: 403*), иногда теряют свой узкий профессиональный характер, начинают употребляться как просторечные слова и со временем становятся понятными для всех носителей языка, тем самым превращаясь в слова и выражения общего сленга.

Так, исследование Н. В. Богдановой-Бегларян и ее учеников, посвященное выявлению влияния профессии на бытовую спонтанную речь медиков и юристов, показало, что в обоих случаях это влияние имеет место, «но оно принципиально различно. Медиков “выдает” пристрастие к медицинской терминологии, они прибегают к ней тем чаще, чем выше уровень речевой компетенции (УРК) информанта» (*Богданова 2010в: 36*). Влияние профессиональной речи юристов на их бытовую речь проявлялось в так называемой «стилевой разноголосице» – «проникновении элементов официально-делового стиля, столь характерного для юридического языка, в бытовые рассказы об отдыхе» (*Богданова 2010в: 37*) (*лёгкий просмотр телевизора с приёмом завтрака* и под.). Перцептивные эксперименты на

соотнесение отрывков речи с определенной профессиональной группой показали, что носители русского языка (эксперты-филологи, студенты и преподаватели) довольно хорошо чувствуют специфику бытовой речи юристов и с высокой степенью вероятности относят предложенные им фрагменты монологов именно к речи юристов (подробнее об этом см.: *Иванова 2008, 2010*). В речи информантов-философов были обнаружены многочисленные термины, связанные с психологической жизнью человека (*комплекс неполноценности, психоаналитик фрейдистского толка, бихевиористская теория* и под.) (*Иванова 2011*).

В работе Т. И. Ерофеевой фактор «специальность» оказался значимым на лексическом уровне: профессия влияет на знание, употребление и реализацию диалектных, архаических и жаргонных лексем (*Ерофеева Т. И. 2002: 174*). Свойственная социолекту «компьютерщиков» особая пространственно-временная организация, склонность к языковому творчеству, взаимодействие с английским языком, экспрессивный характер и проч. (*Русакова 2007*) нередко проявляются и в их устной спонтанной речи (*Малиновская 2012*).

Помимо этого, некоторым профессиональным группам свойственно употреблять в своей бытовой речи определенные типы синтаксических конструкций. Например, незавершенные синтаксические структуры преобладают в речи частных предпринимателей, а в речи руководителей не встречаются (что говорит о специфике их работы: руководители обычно имеют навык выступлений на публике и часто подготавливают текст своей речи заранее, что, возможно, позволяет им лучше контролировать и свою спонтанную речь). Эллиптических и парцелированных структур больше всего в речи учащихся, а к самокоррекции почти не прибегают неработающие пенсионеры (*Русский язык повседневного общения... 2016: 208*).

В настоящей работе мы выдвигаем гипотезу о том, что некоторые типы метакоммуникативных единиц будут чаще встречаться в речи говорящих с определенным родом деятельности. Однако важно осознавать тот факт, что

частота встречаемости определенных метакоммуникативов скорее коррелирует с УРК информанта, поскольку профессиональный язык преподавателей медицины и медицинских сестер, например, сильно отличается по репертуару используемых ими средств и сложности синтаксических построений в силу разного уровня образования у представителей данных социальных групп.

7. ***Психолингвистический аспект исследования***

Психолингвистика как наука, объединяющая изучение широкого круга проблем порождения и восприятия речи, возникла как междисциплинарное направление еще в 30-е гг. XX века в СССР. Психолингвистика – это «наука, изучающая процессы речеобразования, а также восприятия и формирования речи в их соотнесенности с системой языка» (Леонтьев 1990: 404). На становление отечественной школы психолингвистики оказала влияние индивидуально-психологическая концепция Л. В. Щербы (познание сущности языка и его структуры через языковое сознание носителей языка). А. А. Леонтьев впервые заговорил о научном направлении (он же 1967), которое базировалось на концептуальных положениях Л. С. Выготского, понимавшего внутреннюю психологическую организацию процесса порождения речи как последовательность взаимосвязанных фаз деятельности, в основе психолингвистики того времени лежала теория деятельности. Поэтому отечественный вариант психолингвистики на ранней стадии своего существования назывался *теорией речевой деятельности*, которая позже стала *школой Л. С. Выготского*, или *Московской школой психолингвистики*.

Зарубежная психолингвистика ведет отсчет с 50-60-х гг. XX века. Она опирается на необихевиористическую психологическую теорию и лингвистический американский дескриптивизм. Исследования в настоящее время ведутся в основном в направлении доказательства генеративной грамматики Н. Хомского и его теории устройства порождающей и перцептивной систем человеческого сознания.

В отечественной психолингвистике ведется разработка такой проблемы, как установление особых характеристик речи говорящих с разными психологическими характеристиками, в русле решения которой лежит и настоящее исследование. Так, результаты последних работ показали, что в среднем «темп речи экстравертов выше, чем интровертов – 127,3 и 107,3 сл./мин (слов в минуту. – К. З.) соответственно (общий “перепад” показателей – +20). Эта разница прослеживается последовательно во всех типах анализируемых монологов: от минимальной при чтении информантами сюжетного предтекста: 134,7 vs. 134,1 сл./мин (+0,6) – до максимальной в монологах-описаниях: 144,0 vs. 106,6 сл./мин (+37,4) при сюжетном изображении-стимуле и, соответственно, 113,4 vs. 76,2 сл./мин (+37,2) при несюжетном» (Хан 2013: 216). Исследование В. В. Кукановой показало, что психотип говорящего оказывает влияние на выбор коммуникативной стратегии при пересказе (Куканова 2009). Отмечается влияние темперамента на такие характеристики речи, как количество пауз, количество логических и эмоциональных ударений, темп (Ерофеева Т. И., Марамзина 1993).

Психолингвистическая балансировка материала САТ предполагает учет психологических характеристик говорящего, где ведущим является уровень его экстравертности/интровертности. В настоящей работе при анализе метакоммуникативных единиц различных типов в речи говорящего учитывается влияние на его речь двух факторов: типа темперамента и уровня невротичности человека, вместе составляющих уровень его экстравертности.

Темперамент как психологическая характеристика личности зависит и от унаследованных свойств нервной системы, и от социальной среды, воспитания, а также отражает динамические аспекты поведения, преимущественно врожденного характера (Штерн 2006: 126). На основе описания четырех типов темперамента, предложенного римским врачом К. Галеном, И. П. Павлов разработал следующую классификацию типов нервной системы:

1) *сангвинический* – сильный, уравновешенный, подвижный тип. Нервная система сангвиника отличается большой силой нервных процессов, их равновесием, незначительной подвижностью;

2) *флегматический* – сильный, уравновешенный, инертный тип. Нервная система флегматика также характеризуется значительной силой и равновесием нервных процессов наряду с малой подвижностью;

3) *холерический* – сильный, неуравновешенный тип с преобладанием возбуждения. Нервная система холерика характеризуется, помимо большой силы, преобладанием возбуждения над торможением;

4) *меланхолический* – слабый тип. Люди, относящиеся к этому типу, характеризуются слабостью процессов как возбуждения, так и торможения, они плохо сопротивляются воздействию сильных положительных и тормозных стимулов. Поэтому меланхолики часто пассивны, заторможены (*Рубинштейн 1940*).

Непосредственно связана с типом темперамента и такая психологическая характеристика, оказывающая влияние на речь человека, как его *уровень экстравертности/интровертности*. К. Г. Юнг определял экстравертов как людей, ориентированных на восприятие внешнего мира, а интровертов – как людей, ориентированных на восприятие внутренних сторон жизни (собственного внутреннего мира) (*Юнг 1995*). Внешние по отношению к экстравертам факторы – мнения других людей, общепринятые представления, объективные обстоятельства и т. п. – определяют их поступки и решения в значительно большей степени, чем их собственное, субъективное, отношение к окружающей действительности. Направленность на других позволяет им легко приспосабливаться к обстоятельствам. Для интровертов решающими являются субъективные точки отсчета. Испытывая, например, какое-то чувство, интроверт обращает внимания не на события или людей, которые эти чувства вызвали, а прежде всего на собственные переживания. Интровертированная установка выражается и в том, что

собственное мнение оказывается для интроверта всегда более весомым аргументом, чем внешняя реальность (Юнг 1995).

Г. Ю. Айзенк, опираясь на данные из физиологии высшей нервной деятельности, высказал гипотезу: сильный и слабый типы, по И. П. Павлову, очень близки к экстравертированному и интровертированному типам личности, по К. Г. Юнгу. Природа интроверсии и экстраверсии усматривается ученым во врожденных свойствах центральной нервной системы, обеспечивающих уравновешенность процессов возбуждения и торможения. Для определения ориентированности личности на экстравертный или интровертный тип поведения, Г. Ю. Айзенк разработал специальный личностный опросник (*Личностный опросник ЕРІ* 1995). Таким образом, используя данные обследования по шкалам экстраверсии/интроверсии и эмоциональной нестабильности (нейротизма), Г. Айзенк вывел показатели темперамента личности:

- *сангвиник* – по основным свойствам центральной нервной системы характеризуется как сильный, уравновешенный, подвижный;
- *холерик* – сильный, неуравновешенный, подвижный;
- *флегматик* – сильный, уравновешенный, инертный;
- *меланхолик* – слабый, неуравновешенный, инертный.

Типичный экстраверт, по Г. Айзенку, – это общительная, ориентированная вовне личность, которая действует под влиянием момента. Он импульсивен, вспыльчив, беззаботен, оптимистичен, добродушен, весел. Предпочитает движение и действие, имеет тенденцию к агрессивности. Не проявляет строгий контроль чувств и эмоций, склонен к рискованным поступкам. *Типичный (глубокий) интроверт* – это спокойный, застенчивый, интроективный человек, склонный к самоанализу, сдержанный и отдаленный от всех, кроме близких друзей, несколько пессимистичный. Он планирует и обдумывает свои действия заранее, любит во всем порядок, контролирует свои чувства, его сложно вывести из себя, он высоко ценит нравственные нормы (*Личностный опросник ЕРІ* 1995: 222–224).

Р. М. Фрумкина считает, что в реальной жизни не так часто встречаются абсолютные интроверты и экстраверты. Выражения «типичный экстраверт» и «типичный интроверт» весьма условны (Фрумкина 2001: 278). Сочетание в человеке одновременно черт экстраверта и интроверта порождает третий («промежуточный») психотип – *амбиверт*, к которому относится наибольшее количество людей, согласно нормальному распределению.

Личностный опросник Г. Айзенка, позволяющий определить психотип человека, был предложен информантам для заполнения перед записью их монологов для корпуса САГ (инофонам были предложены анкеты на их родном или на английском языке). Однако не все информанты, монологи которых анализируются в настоящем исследовании, согласились пройти психологический тест. Данные о психологических характеристиках учитываются при анализе метакоммуникации в речи тех информантов, для которых эти характеристики имеются в базе данные Звукового корпуса (группы юристов и некоторые группы студентов). В перспективах исследований, затрагивающих психолингвистический аспект, в том числе настоящего исследования, – научное обоснование и определение некоторого списка характерных черт речи людей разных психотипов.

ГЛАВА 2

МЕТАКОММУНИКАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ В УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ

1. Материал и методика исследования

Материалом для исследования в настоящей работе послужили, как уже отмечалось во введении, 669 транскриптов (расшифрованных текстов) устных спонтанных монологов разного типа: чтение и пересказ сюжетного и несюжетного предтекстов, описание сюжетного и несюжетного изображений, а также рассказ на заданную тему.

С учетом состава информантов монологи можно разделить на следующие группы:

- 150 монологов медиков;
- 201 монолог юристов;
- 172 монолога студентов (филологи и нефилологи);
- 32 монолога преподавателей РКИ;
- 28 монологов «компьютерщиков»;
- 12 монологов преподавателей-философов;
- 12 монологов информантов разных профессий;
- 62 монолога изучающих русский язык инофонов (8 текстов, записанных от носителей американского варианта английского языка, 8 – от франкофонов, 30 – от носителей китайского языка, 16 – от носителей нидерландского языка).

Данный материал по типам спонтанных монологов распределяется следующим образом:

- чтение предтекста – 72 монолога (36 монологов-чтений сюжетного и 36 – несюжетного предтекстов);
- пересказ первичного текста – 204 монолога (101 пересказ сюжетного предтекста и 103 – несюжетного);
- описание изображения – 254 монолога (136 описаний сюжетного изображения и 118 – несюжетного);

- рассказ – 139 монологов.

Общее количество информантов, речь которых подверглась анализу, – 212 человек. Состав информантов с учетом их социальных и психологических характеристик:

1) по гендерному признаку (о влиянии гендера на речь см. раздел 1.6.1 настоящего исследования):

- 89 мужчин;
- 123 женщины;

2) по возрасту (о влиянии возраста на речь см. раздел 1.6.2 настоящей работы):

- 1 группа, поздняя юность (18–24 года) – 85 информантов;
- 2 группа, ранняя зрелость (25–34 года) – 41 информант;
- 3 группа, средняя зрелость (35–44 года) – 39 информантов;
- 4 группа, поздняя зрелость (45–54 года) – 13 информантов.

3) по уровню речевой компетенции (об УРК см. раздел 1.6.3 настоящего исследования):

- 43 информанта с высоким УРК;
- 54 информанта со средним УРК;
- 73 информанта с низким УРК;

4) по профессиональной принадлежности (о воздействии профессиональной занятости информанта на его речь см. раздел 1.6.4 настоящего исследования):

- 95 студентов (носителей русского языка и иностранцев);
- 48 юристов;
- 30 медиков;
- 7 преподавателей РКИ;
- 14 «компьютерщиков»;
- 6 преподавателей-философов;
- 12 информантов разных профессий.

5) по психологическим характеристикам (представлены не для всех групп информантов; общее количество говорящих, психологические характеристики которых известны – 97 человек) (о психологических характеристиках, влияющих на речь, см. раздел 1.7 настоящего исследования):

- 38 экстравертов;
- 31 амбиверт;
- 28 интровертов.

Данный материал анализировался с помощью традиционных для лингвистических работ описательного и сравнительно-сопоставительного методов. В качестве дополнительных привлекались методы слухового анализа, а также метод простых количественных подсчетов.

На *первом этапе* исследования был записан блок русской интерферированной речи носителей нидерландского языка. Информантам были предложены социологические анкеты и психологический тест Г. Ю. Айзенка (на английском языке). Затем от информантов были записаны на диктофон рассказы на тему «Ваши впечатления о Санкт-Петербурге». Полученный материал был расшифрован в орфографическом виде с расстановкой границ синтагм и использованием специальных помет для незаполненных (*П) и заполненных пауз хезитации (э-эм, м-м), а также паралингвистических явлений (смех (<смех>), кашель (*К) или <кашель>, причмокивания (*Г), цыканья (*Ц) и др.). Монологи информантов-голландцев (с метаданными говорящих) представлены в Приложении 1.

На *втором этапе* работы был составлен рабочий (пользовательский) корпус материала исследования. С помощью метода сплошной выборки из корпуса САГ были извлечены метакоммуникативные единицы, всего 908. Для каждой МЕ в рабочем корпусе есть данные о социальных и психологических характеристиках информанта, в монологе которого она встретилась. Указан также тип монолога, где была найдена та или иная метакоммуникативная вставка.

На *третьем этапе* работы на основе собранного материала была составлена функциональная классификация метакоммуникативных единиц, встречающихся в устной спонтанной речи.

Наконец, *последним этапом* многоаспектного анализа стало проведение количественных подсчетов. Социо- и психолингвистический анализ материала предполагал предоставление информации о частоте встречаемости метакоммуникации в речи мужчин и женщин, информантов с разным уровнем речевой компетенции, информантов разных психологических типов, разной профессиональной принадлежности и разного возраста. Важным аспектом работы стало формулирование общих представлений зависимости частоты появления метакоммуникации определенного типа от коммуникативного сценария, лежащего в основе спонтанного монолога.

Таким образом, многоаспектный анализ материала показал, как различается использование метакоммуникации говорящими с различными социальными и психологическими характеристиками в разных типах спонтанной монологической речи.

2. *Понятие метакоммуникации*

Метакоммуникация (МК) (от гр. *meta* – ‘после, за, между’; от лат. *communicare* – ‘делать общим, связывать, общаться’) – это «коммуникация по поводу коммуникации», которая относится к особому виду/уровню общения. Характерная черта МК заключается в том, что в качестве предмета коммуникации выступает сам процесс общения. Метакоммуникация направлена на пояснение коммуникации ее же способами и средствами и позволяет взглянуть на общение со стороны и осмыслить его (*Остапенко* 2013: 32). В. Б. Кашкин метафорически описывает МК: «Метакоммуникация это как бы “взгляд в зеркало”, призванный регулировать процесс общения, оценить его, договориться об условиях и условностях» (*Кашкин* 2010: 193).

В языкознании термин *метакоммуникация* появился в 1950-е гг. XX века (хотя сам феномен метакоммуникации, как и тесно связанные с ним

феномены метапознания, метатекстуальности и т. д., а также первые попытки осмыслить эти явления, возникли намного раньше). Появление и введение в употребление данного термина связывают, в первую очередь, с именем британского исследователя Г. Бейтсона (G. Bateson), для которого метакоммуникация представляет собой все высказывания и суждения, которыми обмениваются участники коммуникативного акта, относительно как кода, так и отношений между коммуникантами: «We shall describe “metacommunication” as all exchanged cues and propositions about (a) codification and (b) relationship between the communicators» (Мы будем определять метакоммуникацию как все реплики и суждения, которыми обмениваются участники коммуникативного акта, как о (а) коде, так и (б) об отношениях между ними) (Bateson 2009: 209) (перевод мой. – К. З.). Следовательно, метакоммуникация, по мнению Г. Бейтсона, подразумевает не только комментарий по поводу содержания коммуникации, но и отражение межличностных отношений между ее участниками (их мнение друг о друге, о ситуации, о предмете общения и т. п.). Ср. определение Д. Г. Трунова: «метакоммуникация будет пониматься как любое сообщение, имеющее своей целью комментарий, объяснение, констатацию или оценку человеком своих собственных коммуникативных действий. При этом в разряд коммуникативных действий попадает практически любая деятельность, проявляющаяся в контексте значимых контактов с другими людьми» (Трунов 2004: 80).

Р. О. Якобсон выделял шесть основных функций языка: *референтивную, эмотивную, конативную, фатическую, метаязыковую и поэтическую*, ориентированных на различные компоненты речевого акта: *контекст, говорящего, адресата, контакт, код и сообщение* соответственно (Якобсон 1975). Метакоммуникация выполняет *метаязыковую* функцию, ср: «метаязык – это не только необходимый инструмент исследования, применяемый логиками и лингвистами; он играет важную роль в нашем повседневном языке. <...> Мы пользуемся метаязыком, не осознавая

метаязыкового характера наших операций. Если говорящему или слушающему необходимо проверить, пользуются ли они одним и тем же кодом, то предметом речи становится сам код: речь выполняет здесь метаязыковую функцию. Эта функция является неотъемлемой составной функцией любой коммуникации, <...> задачей которой является, например, устранение помех также и в нормальном повседневном разговоре» (*там же*: 199).

Тесно связана с метаязыковой функцией *фатическая*, в речевом общении они часто выполняются одними и теми же языковыми единицами (например, контактными глаголами типа *знаешь(-те)*, *понимаешь(-те)* и др.). Фатическую функцию Р. О. Якобсон определял так: это «функция сообщения, основное назначение которой установить, продолжить или прервать коммуникацию, проверить, работает ли канал связи (“Алло, вы меня слышите?”), привлечь внимание собеседника или убедиться, что он слушает внимательно» (*там же*: 198).

В. В. Стрибижев отмечает синонимичность понятий *метакоммуникативная*, *контактоустанавливающая* и *фатическая* функции (*Стрибижев 2005*). В свою очередь, термин *фатическая коммуникация* был введён в научный обиход Б. К. Малиновским, который предлагал рассматривать единицы фатической коммуникации как неинформативные сообщения, которыми собеседники обмениваются в целях поддержания контакта – из уважения, из вежливости, для того, чтобы прервать молчание, и т. д. (*Malinowski 1930*). Ю. В. Матюхина включает фатическую функцию в состав метакоммуникативной: «Если фатическая функция сфокусирована на социальном контакте в ходе общения, то метакоммуникативная функция – на самом языковом коде» (*Матюхина 2004*: 5).

Опираясь на теорию Р. О. Якобсона, Е. Г. Арюхина определяет термин *метаязык* как особую семиологическую систему, «определённый уровень естественного языка (языка-объекта), язык второго порядка, специальный язык семантического описания, используемый тогда, когда надо говорить

о языке же, выступающем в качестве “языка-объекта”. Метаязык строится на основе тех же единиц, что и язык-объект, и характеризуется определенным набором лексико-грамматических средств. Выделяют разговорный метаязык и лингвистический метаязык, а также, в зависимости от объекта описания, можно выделить метаязык первой ступени и метаметаязык, или метаязык второй ступени. <... > Свое выражение метаязык находит в *метакоммуникации*. Неотъемлемой частью коммуникации является метакоммуникация, основной функцией которой является «восстановление и профилактическое поддержание согласия между партнёрами по коммуникации» (Арюхина 2005: 12). В процессе общения неизбежно возникают помехи или трудности понимания, и у коммуникантов появляется необходимость устранить их посредством определенных языковых средств.

Метакоммуникация – это сложное многоплановое явление, связанное с проблемами восприятия и интерпретации информации, а также с проблемами саморефлексии и межличностных отношений (Дубровченко 2011: 79). Метакоммуникация обладает такими свойствами, как аналитичность, асимметричность, субъективность, процессуальность, рефлексивность и интегральность. Аналитический характер МК проявляется в осмыслении индивидом коммуникативной ситуации в целом и отдельных ее частей, а также в оценке как своего коммуникативного поведения, так и поведения других участников интеракции. Рефлексивность подразумевает обращение коммуниканта к своим собственным коммуникативным действиям. Процессуальность означает, что предметом метакоммуникации является процесс протекания первичной коммуникации, из чего вытекает интегральный характер МК, т. е. ее связь с исходной коммуникацией. Асимметричность метакоммуникации заключается в том, что один из участников общения выступает в качестве субъекта, а другой или другие – в качестве объекта. Субъективный характер МК предполагает субъективный, индивидуально обусловленный, взгляд говорящего или пишущего на коммуникативный процесс (Дубровченко 2011: 82).

Г. Д. Трунов отмечает, что источником метакоммуникации является «способность видеть (слышать) свои действия (свои слова) со стороны собеседника, воспринимать их так, как, возможно, воспринимает их он. Другими словами, метакоммуникация имеет глубокую рефлексивную и эмпатическую основу. Метакоммуникация (больше, чем любая другая коммуникация) всегда ориентирована на собеседника. Только собеседник здесь скорее не явный, а воображаемый, и воображается здесь не столько собеседник, сколько его мысли и чувства. Именно это проективно-эмпатическое прогнозирование вызывает к жизни метакомментарии» (Трунов 2004: 81). Автор определяет метакоммуникацию как «ответы на предполагаемые вопросы собеседника: к чему ты это говоришь? ты зачем пришел? что ты делаешь? и многие другие» (там же). Исследователь подчеркивает социальную основу МК: «Метакоммуникация – это следствие социальных навыков прогнозирования чужого мнения и его оценки, это следствие заботы о сохранении образа себя в сознании значимых людей, потребности в понимании себя и своего поведения другими людьми» (там же).

Д. И. Остапенко рассматривает метакоммуникацию на примере письменного текста – переводческого предисловия к первой части сборника стихотворений «Шотландская слава» (Остапенко 2013). Специфика метакоммуникации как особого вида общения, по мнению исследователя, состоит в направленности коммуникации на самое себя. Метакоммуникативные элементы могут возникать в процессе любого акта общения, при этом метакоммуникация предполагает как непосредственное пояснение содержания коммуникативного акта, так и отражение отношений между его участниками, ср. широкое понимание метакоммуникации, предложенное Г. Бейтсоном.

С точки зрения структурной организации метакоммуникацию можно охарактеризовать по следующему ряду параметров (за основу взята классификация, предложенная Е. М. Дубровченко (Дубровченко 2010):

1) *вид кодирования информации*: метакоммуникация делится на *вербальную* (анализ и последующее комментирование каких-либо элементов коммуникативного процесса осуществляется при помощи языковых средств) и *невербальную* (комментарий или пояснение происходит посредством экстралингвистических способов);

2) *форма коммуникации*: выделяют *непосредственную* (участники ситуации общения сами анализируют и комментируют процесс коммуникации) и *опосредованную* метакоммуникацию (данные действия выполняет некое третье лицо или лица);

3) *время осуществления*: различают *моментальную* (анализ и комментарий составляющих коммуникативного процесса происходят сразу) и *отсроченную* метакоммуникацию (эти действия происходят позднее, уже после завершения акта общения);

4) *способ выражения информации*: существует *эксплицитная* (заключается в прямом указании на свое или чужое коммуникативное действие) и *имплицитная* (представляет собой косвенную ссылку на какой-либо компонент процесса общения) метакоммуникация;

5) *форма существования языка*: выделяют *устную* и *письменную* метакоммуникацию;

6) *наличие или отсутствие интенции*: метакоммуникация делится на *намеренную* (подразумевает осознанный комментарий и пояснение какого-либо элемента коммуникативного процесса) и *ненамеренную* (происходит неосознанно).

М. Л. Макаров, вслед за такими исследователями, как Р. Л. Ланиган (*Lanigan 1997*), Дж. Н. Лич (*Leech 1980*), М. Стаббз (*Stubbs 1983*) и др., определяет метакоммуникацию как «часть общения, которая направлена на самое себя, на общение в целом и его различные аспекты: языковую ткань дискурса, его стратегическую динамику, структуру обменов и трансакций – фаз интеракции, мену коммуникативных ролей, представление тем, взаимодействие с контекстом, регуляцию межличностных и социальных

аспектов взаимодействия, нормы общения, процессы обмена информацией и ее интерпретации, эффективность канала коммуникации» (Макаров 2003: 198). Следуя этому определению, можно выделить следующие функции метакоммуникации: обеспечение понимания между партнерами по общению, организация, регулирование и корректирование процесса протекания коммуникативного акта. В. Б. Кашкин, Д. С. Князева и С. С. Рубцов относят к метакоммуникативным функциям также «оценку коммуникативных сообщений – как своих, так и чужих» (Кашкин и др. 2008: 110).

К функциям метакоммуникации Е. Г. Арюхина относит обеспечение речевого общения и обмена информацией, установление понимания между коммуникантами, а также «восстановление и профилактическое поддержание согласия между партнерами по коммуникации». МК «обеспечивает реализацию определенных речевых стратегий и тактик, с помощью которых достигается коммуникативная цель. <...> Метакоммуникативные высказывания осуществляют установление логических связей, направляют процесс общения или повествование в определенное русло, обеспечивают полное понимание сообщаемой информации, устраняют помехи в коммуникации, а также позволяют коммуникантам дать оценку своей собственной позиции или позиции слушающего» (Арюхина 2005: 21-22).

Е. Б. Шавалиева подчеркивает психологическую функцию метакоммуникации и ее диалогический характер: «Метакоммуникативные процессы, таким образом, осуществляют системный контроль над коммуникативной ситуацией: говорящие переходят на уровень метакоммуникации в том случае, если нарушаются их коммуникативные ожидания. Востребованность метакоммуникации связана с необходимостью управления коммуникативным пространством, а именно для вовлечения в него Другого (коммуникативный энтузиазм) или его изгнания (коммуникативная нетолерантность); для коррекции своего коммуникативного пространства – путем конструирования нужного Себя и/или нужного Другого; для оценки “качества” коммуникативного

пространства – насколько оно стабильно или нестабильно (следовательно, носит угрожающий характер для говорящего); для отслеживания успешности понимания и коррекции непонимания по мере его возникновения» (Шавалиева 2012: 52). Ср. схожее высказывание В. Б. Кашкина: «В стандартных коммуникативных условиях отправителю и получателю нет необходимости заниматься метакоммуникативными рассуждениями – их основная задача состоит в удовлетворении потребности в координации взаимных действий посредством высказываний. Метакоммуникация в виде отдельных высказываний и целых текстов особенно интенсивна в тех случаях, когда общение встречает трудности, препятствия, барьеры, и необходимо договариваться о том, как будет протекать сам процесс коммуникации, какие взаимно понятные значения будут приписаны условным знакам, как оптимизировать понимание. Рано или поздно высказывания достигают более широкой степени обобщения: каким образом могут общаться люди, как устроен язык, чем различаются языки» (Кашкин 2010: 193–194).

К функциям метатекста относятся также конативная, фатическая, метаязыковая и эмотивная (Андрющенко 1981), текстоформирующая и метаязыковая (Ляпон 1986), иллокутивные, номинативная, орудийная (Шаймиев 1998) и др. Так, по Т. Я. Андрющенко, метасредства, подобные *так сказать, если можно так выразиться*, выполняют «эмотивную» функцию, под которой имеется в виду «эмоционально-субъективная оценка Говорящим формы собственного высказывания» (Андрющенко 1981: 71). Иллокутивные функции метакоммуникации выражаются в понятии *речевой шаг* – «ментально-модусные речевое действие по порождению текста» (Шаймиев 1998: 71).

Н. П. Перфильева выделяет три основных функции метатекста (предпочитая термин *метатекст* термину *метакоммуникация*): коммуникативную, семантическую и формальную, при этом коммуникативная функция является основной (Перфильева 2007). Общую

коммуникативно-прагматическую функцию метатекста называют по-разному: регулятивная, поскольку метатекст передает воздействие говорящего на адресата (Норман 1994), функция координации адресата в речевом потоке (Кормилицина, Ерастова 2000), функция отражения речевого поведения (Рябцева 1994), функция толерантного отношения к собеседнику (Вепрева 2002). Выделяются также частные *прагматические функции метатекста*:

- *портретирование языковой личности и языковой маски*: заботясь о своем реноме, говорящий создает свой имидж в том числе и с помощью метапоказателей, иногда намеренно надевая маску того или иного типа личности:
  - объективного комментатора, используя *объективно говоря*;
  - открытого и искреннего человека, с помощью *откровенно говоря*;
  - снижая категоричность, употребляя *мягко говоря* (Перфильева 2007: 57);
- *гармонизация общения*: говорящий стремится к взаимопониманию – заботится о соответствии формы текста ожиданиям адресата (*она же* 2006) и об адекватном декодировании своего текста;
- *экономия времени*: при наличии метакомментариев у адресата меньше времени уходит на декодирование сообщения;
- *актуализация и создание коммуникативного рельефа текста*: соединение вербальных и паравербальных метасредств на графике, например, выделение слова с помощью тире или жирным шрифтом (Перфильева 2007: 58);
- *эстетическая функция*: графические выделения, по-новому освещающие текст (*там же*: 59);
- не отрицается и *этикетная функция* некоторых метапоказателей: они часто отражают не столько рефлексия говорящего относительно вербальной формы выражения излагаемой информации, сколько его стремление к гармоничному диалогу, к взаимопониманию (*она же*

2002), а следовательно, к адекватному декодированию текста Адресатом.

Метапоказатели эксплицируют интеллектуальную деятельность говорящего: с их помощью осуществляется избирательная актуализация слова (предложения) в речевом ряду, упорядочиваются вновь полученные знания и связываются с ранее известными или со своими операциями в будущем, направляется линейное движение мысли говорящего при его рефлексии относительно вербальной формы выражения излагаемой информации (*подведём итоги, во-первых ... наконец*) (она же 2007: 54). Семантическая функция универсальна для метасредств: с их помощью говорящий сигнализирует о речевой рефлексии. В зависимости от внутренней формы метатекстовых показателей «одни выполняют номинативную функцию (*другими словами, первое, а главное, и ещё, например* и т. д.), а другие только указывают на рефлексия (*кстати, стало быть, так, таким образом* и т. д.) (там же). Формальная функция метапоказателей является необязательной. Ее основные разновидности: конструктивная, текстообразующая (текстоформирующая, по М. В. Ляпон), демаркационная функция. Формальные функции выполняют вербальные метапоказатели двух типов: 1) метаоператоры-скрепы (*иными словами, во-первых, наконец, стало быть, значит, кроме того*); 2) некоторые метапоказатели-квазиперформативы (*повторяю, подчёркиваю*) (Перфильева 2007: 53).

Ю. Д. Апресян подчеркивает интересное свойство метакоммуникации, возникающее в силу ее линейности: «хотя метатекстовые элементы нарушают непосредственное семантическое единство текста, они выполняют интегрирующие функции на высшем уровне, которые перекрывают их разрушительное действие» (Апресян 1995: 151). Таким образом, «...метатекст помогает оформить, “огранить” текст» (Перфильева 2007: 56). Основной смысл метакоммуникации заключается в том, что «...метатекстовые авторские “пометки на полях” направляют осознание текста адресатом по нужному

пути, указывают, в каких местах текста следует искать ту или иную информацию, определяют относительную информационную ценность различных его фрагментов. Это – своего рода прагматические инструкции по поводу того, как должно быть распределено внимание адресата при восприятии сообщаемой информации, чтобы она была усвоена оптимальным образом» (Апресян 1995: 151).

Е. К. Пигрова так говорит об МК: «Метакоммуникация возникает при риске нарушения гармонии общения: невыполнение конверсационных максим, в тексте это границы между различными единицами, высока вероятность появления метакоммуникации в реакциях» (Пигрова 2001: 6). Отметим как важную особенность частоту встречаемости МК в ситуациях коммуникативного напряжения (в монологе или в диалоге) в ситуациях коммуникативных неудач. Одна из наших гипотез постулирует появление метакоммуникативных единиц в трудной для говорящего речевой ситуации (например, выполнение им сложного коммуникативного задания).

При устном общении, как отмечает Д. И. Остапенко, метакоммуникация чаще всего представлена определенным набором клишированных выражений, например, при переспросе (*He могли бы вы повторить вопрос?, What did you say?, Could you repeat?*), уточнении (*Что вы хотите этим сказать?, Do you mean that...?, As far as I understand you...*), пояснении (*Вот, что я имел в виду, This is what I mean, That's what I wanted to say*), тематическом разграничении (*A теперь давайте поговорим о..., Firstly, ..., Secondly..., Now let's turn to...*) и т. д. (Остапенко 2013: 33).

В рамках письменного общения, помимо выражений такого рода, можно выделить более крупные формы проявления метакоммуникации: предисловия, послесловия, примечания, комментарии, сноски к тексту, критические статьи, обсуждения текста в интернет-ресурсах и т. д. (*там же*: 33–34).

О структурно-компонентном сходстве двух процессов – метакоммуникации и коммуникации – говорит Е. М. Дубровченко: «Являясь

особым типом коммуникации, метакоммуникация обладает рядом характеристик, свойственных коммуникации в целом. Как и любая коммуникация, метакоммуникация предполагает наличие отправителя и получателя информации, сообщение, передаваемое адресату, и обратную связь» (Дубровченко 2011: 79–80).

Т. Н. Скат пишет о том, что «в процессе метакоммуникации сознательно или бессознательно участвуют в равной степени как отправитель, так и получатель сообщения» (Скат 1991: 5). Автор усматривает задачу отправителя сообщения в инструктировании получателя информации «относительно своего высказывания». Задача получателя сводится к адекватной интерпретации высказывания собеседника в соответствии с его интенциями. Во время этого процесса, как указывает исследователь, «метакоммуникативные инструкции могут носить и эксплицитный, и имплицитный характер» (там же).

Различия метакоммуникации и коммуникации формулирует Е. М. Дубровченко:

1) во время осуществления первичной коммуникации поступление сенсорных стимулов в сознание реципиента происходит в результате взаимодействия коммуниканта с окружающим миром; во время осуществления метакоммуникации стимулы неразрывно связаны с первичной коммуникацией и поступают в результате ее анализа;

2) в процессе коммуникации адресант отправляет адресату сообщение; в процессе метакоммуникации адресант отправляет метасообщение (Дубровченко 2011: 80-81).

Е. М. Воробьева так описывает соотношение коммуникации и метакоммуникации: «Метакоммуникация заключается в передаче информации о коммуникативном процессе и в связи с этим занимает периферийное положение в системе коммуникации, проявляясь во всех видах общения» (Воробьева 2006: 3).

Метакоммуникацию принято также рассматривать как *вторую* коммуникацию (Дубровченко 2011: 81; Левицкий 2011). Под второй коммуникацией понимают «диалоги говорящего с самим собой» (Левицкий 2011: 159), в отличие от первой коммуникации, представляющей собой разговор с партнером-собеседником. Правда, эту вторую коммуникацию, «направленную от говорящего к говорящему, т. е. на самого себя», автор выводит за рамки обычной коммуникации и говорит в этом случае только о процессе познания (*там же*: 166).

Вслед за Г. Бейтсоном, в англоязычной научной традиции и в ряде отечественных работ понятие *метакоммуникации* используется в более широком смысле: под метакоммуникацией понимается не только набор языковых средств для комментирования собственной речи, но и определенные речевые или поведенческие схемы/стереотипы, а также риторические структуры, применяемые для достижения определенной цели говорящим/действующим. Например, А. U. Branco и J. Valsiner применяют термины *metacommunication strategies* (метакоммуникативные стратегии) для характеристики процессов общения родителя и ребенка, учителя и ученика, детей между собой (Branco, Valsiner 2004: 7–30), *metalogues* (металог, речь об обсуждаемой в диалоге проблеме) для обозначения различных коммуникативных сценариев, например, сценарий семейного обеда (Branco, Valsiner 2004: 33).

J. A. Levin и J. A. Moore представляют модель *Dialogue-Games*, распадающуюся на структуры и параметры, управляющие содержательной стороной коммуникации (Levin, Moore 1977). Заявленное в названии их статьи явление метакоммуникации трактуется в работе в виде самой коммуникации и тех смысловых отношений, которые возникают в коммуникативном пространстве.

W. Leeds-Hurwitz рассматривает метакоммуникацию в ряду других явлений, относящихся к анализу диалога (Leeds-Hurwitz 2014). Он выделяет *эксплицитную* МК, определяя ее, вслед за Г. Бейтсоном, как «коммуникацию

по поводу коммуникации», и *имплицитную* МК, определяемую как невербальные интерпретации участником диалога (в том числе культурного диалога) позиции другого: «Metacommunication can also be implicit, with tacit instructions given about how to interpret interaction» (Метакоммуникация может также быть имплицитной, что подразумевает невербальные указания на то, как интерпретировать взаимодействие) (*там же*: 9) (здесь и далее в разделе перевод мой. – К. З.). Об эксплицитной метакоммуникации в диалогическом аспекте исследователь замечает: «Explicit metacommunication requires that participants take a reflexive stance to activity, stepping outside of interaction in order to discuss what has been happening, rather than simply participating in activity» (Эксплицитная метакоммуникация требует, чтобы участники коммуникативного акта встали на позицию рефлексии, скорее отходя от непосредственного взаимодействия с целью обсудить то, что произошло, чем просто участвуя в разговоре) (*там же*).

W. W. Wilmot выделяет в диалоге несколько уровней метакоммуникации: *Relationship Level Metacommunication* (межличностный уровень метакоммуникации), который показывает «the relationship between the person involved» (отношения между вовлеченными в коммуникацию людьми), и *Episodic Level Metacommunication* (эпизодический уровень метакоммуникации) (например, *please, this is an order (в этом порядке), I'm only joking (я всего лишь шучу)*), т. е. высказывания, комментирующие причину действия, дающие характеристику сказанному, устанавливающие его взаимодействие с другими высказываниями, а также дающие директивы собеседнику: его возможный ответ или действие (*Wilmot 1980: 63-64*).

B. Frank-Bob использует термины *metacommunicative way* (метакоммуникативный способ), *metacommunicative use* (метакоммуникативное использование), *metacommunicative expression* (метакоммуникативное выражение), *metacommunicative comment* (метакоммуникативный комментарий) как синонимы, означающие способ выражения метакоммуникативного использования лексемы (*Frank-Bob 2006*).

Такая метакоммуникативная функция утверждается для дискурсивных единиц речи, что демонстрирует сближение метакоммуникативных и дискурсивных элементов в разговорной речи.

А. Вежбицка формулирует свою теорию метакоммуникации с опорой на понятие *метатекст*. Метатекст связан с текстом грамматическими связями: «В высказывании переплетается текст с текстом метатекстовым. Эти метатекстовые нити могут выполнять самые различные функции. Они проясняют “семантический узор” основного текста, соединяют различные его элементы, усиливают, скрепляют. Иногда их можно выдернуть, не повредив остального, иногда – нет» (Вежбицка 1978: 420).

О понятии *метатекст* пишет О. Н. Шаповалова: «Совокупность фрагментов речевых высказываний, не описывающих непосредственно предмет речи, а служащих либо средством облегчения понимания слушающим воспринимаемых сообщений, либо средством организации общения, мы будем рассматривать как *метатекст* по отношению к тексту, образованному компонентами, которые относятся к референту» (Шаповалова 2002: 6).

Меакоммуникацию можно также назвать *языковой рефлексией* говорящего. Языковая рефлексия проявляется «в актах вербализации метаязыкового сознания» (Вепрева 2002: 217). Одним из приемов языковой рефлексии является процесс «перевода слова» с одного языка или языковой подсистемы на другую. «Таким образом, субъект высказывания, обращаясь к актуализации какого-либо фрагмента лексической парадигмы, пытается оптимизировать общение путем представления своего текста в нескольких семантических плоскостях» (Басалаева 2007: 100) (маркеры такой рефлексии: *в переводе означает, говоря по-русски, выражаясь современным языком, проще говоря* и т. п.).

Интересен вопрос о статусе *юмора*, или *смеха*, как метакоммуникативного элемента по отношению к линейной коммуникации. Некоторые исследователи (Canestrari 2010, Brock 2010) относят смех

к метакоммуникативным единицам: например, А. Брок пишет: «Meta-humor, as in the parody of a humor pattern, is usually based on implicit metacommunication, as an explicit cue would destroy its subtlety. <...> Metacommunication always involves changing one's communicative position from a participant's to an observer's. While it is a common phenomenon of all kinds of communication, metacommunication plays a specific role in humorous discourse. <...> Methodologically, humor is seen as evidence of metacommunication, as there can be no humor without a minimum of metacommunication» (Мета-юмор, использующийся, например, в пародийной юмористической модели, обычно основан на имплицитной метакоммуникации, которая, будучи эксплицирована, разрушила бы тонкий юмор. <...> Метакоммуникация всегда включает смену чьей-либо коммуникативной позиции с участника на наблюдателя. Хотя это явление распространено в любых видах коммуникации, метакоммуникация играет особую роль в юмористическом дискурсе. <...> Методологически юмор представляется свидетельством метакоммуникации, ведь без минимальных метакоммуникативных включений его не может быть) (*Brock* 2010: 183–185).

Способы отражения метакоммуникации Д. Г. Трунов делит на вербальные и невербальные, относя к вербальным в письменном тексте кавычки, а к невербальным – улыбку при иронической фразе (*Трунов* 2004: 81).

Е. М. Воробьева выделяет такие аспекты невербального поведения, как визуальный контакт, смех, плач и молчание (*Воробьева* 2006: 18). Однако в рамках настоящего исследования было решено не включать отмечаемые в транскриптах паралингвистические реакции говорящего на собственные слова – например, смех, вздох или усмешки – в поле рассматриваемых единиц, во-первых, потому что это значительно (более чем в два раза) увеличивает массив материала, но с помощью не качественного разнообразия, а лишь количественного прироста, во-вторых, по причине сложности различения смеха, относящегося к реакциям говорящего на

предтекст (например, смех над эпизодами читаемого текста) и относящегося к собственным словам информанта (см., например, о функциях смеха в устном дискурсе: *Звуковой корпус...* 2014).

В настоящем исследовании под *метакоммуникацией* понимается особый вид общения, представляющий собой «коммуникацию по поводу коммуникации», выполняющий метаязыковую функцию и выражающий различные коммуникативные интенции говорящего, которые имеют добавочный по отношению к коммуникации характер. Таким образом, метакоммуникация понимается достаточно узко, как рефлексивный уровень языка, использующийся для проверки общности кода участниками диалога или коррекции, оценивания и т. п. собственного монолога одним говорящим. В понятие МК не включаются сведения об отношениях между говорящими и прямые операторы их регулирования, хотя этикетная направленность некоторых метакоммуникативных комментариев очевидна и действительно может влиять на отношения говорящих. Для выражения метакоммуникации в речи используются *метакоммуникативные единицы* как особые речевые элементы, которые описываются в следующей части работы.

3. *Понятие метакоммуникативной единицы*

В лингвистической литературе понятие *метакоммуникации*, как видно из предыдущего раздела, требует уточнения, ср. высказывание Р. Майер-Херман: «Многочисленные дефиниции метакоммуникации отличаются друг от друга постольку, поскольку они прямо или косвенно по-разному отвечают на вопрос, в какой степени в каждом отдельном случае метакоммуникация является неотъемлемой составной частью “о чём”, когда она является составной частью повседневной коммуникации» (*Meyer-Hermann* 1978: 24; цит. по: *Арюхина* 2005: 18). Но если наличие метакоммуникации в речи признают все исследователи, то споры о непосредственной единице метакоммуникации необычайно актуальны для современного языкознания. В теории коммуникации существует несколько терминов, представляющихся нам синонимами, так как за ними стоит одна функция:

метакоммуникативный компонент, метакоммуникативный маркер, метакоммуникативное высказывание, метасообщение, метаорганизатор, метакоммуникативная единица, метакоммуникативная фразеологическая единица, фатический метакоммуникатив, метакоммуникатив, метакоммуникативная вставная конструкция, метакоммуникативная конструкция и др. Рассмотрим более подробно каждый из приведенных терминов и отметим возможность их применения в настоящем исследовании.

О. Н. Шаповалова создает достаточно дробную классификацию *метакоммуникативных компонентов*, ср.:

1) *метаязыковые компоненты* (МЯК) речевых высказываний, под которыми понимаются фрагменты текста, интерпретирующие отдельные понятия, выраженные в речевом сообщении;

2) *метафразовые компоненты* (МФК) речевых высказываний, поясняющие целые мысли компоненты;

3) *вспомогательные метатекстовые компоненты* (ВМТК) – фрагменты высказываний, используемые говорящим для управления ментальной деятельностью слушающего, не относящиеся к первым двум видам;

4) *метакоммуникативные компоненты* речевых высказываний (МКК) – средства организации общения (Шаповалова 2002: 6–7).

С помощью названных способов выражения метатекста, по словам исследователя, в текстах проявляются синонимические замены, антонимические выражения, перифразы, сравнения, метафоры (*там же*: 1014). Такое широкое понимание метатекста рождает вопрос о том, не является ли вся коммуникация – метакоммуникацией. На этот вопрос невозможно ответить утвердительно, а значит, невозможно причислить такие средства выразительности речи к метатекстовым. К вспомогательным средствам автор относит элементы, указывающие на связи между компонентами высказывания (*как я уже говорила, во-первых, итак*), привлекающие внимание собеседника (*говоря о, что касается*), помогающие

говорящему оценить степень достоверности своих высказываний (*определенно, конечно, мне кажется*) и их форму (*как бы, что ли, так сказать, если можно так выразиться*) (*там же*: 14–15). Таким образом, в данной классификации смешиваются традиционные вводные слова, которые не всегда имеют свойство метакомментирования, и, например, дискурсивные маркеры. Этот подход представляется недостаточно обоснованным, так как он не учитывает функциональных различий выделяемых единиц.

Метакоммуникативные компоненты определяются О. Н. Шаповаловой достаточно узко: это средства, служащие для организации общения и необходимые говорящему для обеспечения возможности управления ментальной деятельностью собеседника (установление и поддержание контакта, ориентировка в мнении собеседника, возможность передачи сообщения и контроль результата речевого воздействия) (*там же*: 15–19). В приведенном исследовании с помощью эксперимента было доказано, что женщины применяют метаязыковые средства чаще, чем мужчины. На нашем материале статистически значимой разницы между речью мужчин и женщин выявлено не было (см. раздел 2.5 настоящего исследования).

По мнению Е. Г. Арюхиной, метакоммуникация осуществляет свои функции «*посредством метакommunikативных высказываний, конкретизирующих, уточняющих интенцию, регулирующих диалогический процесс*» (*Арюхина 2005*: 3). Разработанная исследователем классификация включает следующие единицы:

- 1) метакommunikативные высказывания (МВ) с интенцией побуждения к речи (в форме императива, интеррогатива, декларатива);
- 2) МВ с требованиями не отклоняться от темы разговора;
- 3) метакommunikативные высказывания с интенцией уточнения (собственных коммуникативных намерений и намерений говорящего);
- 4) МВ с интенцией смены разговора, выражающие заинтересованность и участие в разговоре (*там же*: 9).

Е. К. Пигрова на материале спонтанной речи выделяет *метакоммуникативные маркеры* – «специальные показатели, используемые говорящим для “свернутого” выражения метакоммуникативных значений» (Пигрова 2001: 3). В ее работе исследуются две группы этих слов, которые являются наиболее частотными в связи с потребностями устной речи:

1) маркеры, на метаязыковом уровне указывающие на приблизительность выбранной номинации (*так сказать, как бы, такой, там*), называемые метаязыковыми маркерами *приблизительности номинации*;

2) маркеры, которые сообщают об определенном отношении данного фрагмента речи к границам коммуникативного блока (*такие, как вот, ну, значит, да, нет, а, (ты) знаешь / (вы) знаете, слушай, слушайте, короче, в общем*), называемые *метатекстовыми* маркерами (*там же*).

Наиболее частотные значения метакоммуникативных элементов речи сгруппированы исследователем следующим образом:

1) условия разговора в широком смысле, в том числе канал связи, правила общения. Например: указание на несоответствие разговора обстановке (*Это не телефонный разговор*), помехи в контакте (*Плохо слышно, говори громче!*), невыполнение каких-либо правил коммуникации (*Вообще-то, я в этом не разбираюсь. Зачем же вы так грубо?*), отношения между собеседниками (*Да послушай же!*);

2) категории текстовой организации: тема, логичность, последовательность и т. д. Например: введение темы (*А сейчас я расскажу о...*), отношение фрагмента к тексту (*В качестве доказательства могу рассказать о..., Итак*), оценка с точки зрения правил текстового построения (*Я буду говорить несколько сумбурно, В твоём рассказе нет логики, Давайте обо всём по порядку*);

3) отношение к говоримому (содержательное). Например: оценка достоверности информации – сфера объективной модальности (*В том,*

что я рассказала, я уверена на сто процентов), оценка значимости говоримого (*Это очень важно, И что самое интересное*), эмоциональная оценка (*То, что ты говоришь, просто безобразие!*);

4) отношение к манере выражения и к коду. Например: оценка выражения с точки зрения удачности/допустимости/правильности и т. п. (*не могу подобрать более точного слова*), авторизация выражения (*говоря словами Пушкина, как говорят в Одессе*), проверка общности кода (*Что ты имеешь в виду «забыл соседей», Слово «линк» значит*);

5) интенции, в том числе индексирование типа речевых актов. Например, идентификация намерений (*Я ведь хотела тебя похвалить, Ну и зачем ты это говоришь?*), индексирование типа речевого акта (*честно говоря* (признание), *Это не угроза, а предупреждение!*) (Пигрова 2001: 5–6).

Данная классификация во многом отражает специфику устной спонтанной речи, хотя и более широка, чем определяемые в настоящем исследовании рамки понимания метакоммуникации. Е. К. Пигрова отмечает возможность контаминации нескольких метакоммуникативных значений в одном высказывании (Пигрова 2001: 7), что подтверждает анализ нашего материала. Такое свойство метакоммуникативных единиц можно назвать *полифункциональностью*.

Метакоммуникативные высказывания могут встречаться в тексте в виде *метаоператоров* (вопросительного речевого акта), в составе которых находятся глаголы со значением говорения с семой вопросительности, существительные со сходным значением; модальный перформативный акт с модальными перформативными операторами и эмоциональные метакоммуникативные высказывания (Арюхина 2005). Следует отметить, что данная типология разработана автором на материале английского языка, поэтому полностью солидаризироваться с ней в настоящем исследовании мы не можем в силу специфических особенностей русской спонтанной речи, которая является материалом для нашей работы.

Л. С. Гуревич использует также термин *метакоммуникативное высказывание (МКВ)*. О введении МКВ «сигнализируют метакоммуникативные стимуляторы, такие как непонятные слова (мысли, идеи и т. п.), требующие уточнения, двусмысленные высказывания, неточное формулирование мысли, невнятное произнесение слова» (Гуревич 2009: 150). Из вышеприведенной цитаты видно, что ядром любой метакоммуникации является провоцирование ее появления непонятым, незнакомым, или неопознанным словом или словосочетанием. В материале нашего исследования встретилось достаточное количество контекстов, где появление МК было спровоцировано именно такими, устаревшими, устаревающими, диалектными или жаргонными в широком смысле элементами языка. Информанты вводили метакоммуникативные высказывания в *монолог-чтение* или *пересказ* в том месте, где встречались такие лексемы.

Возможно использование в сходном значении термина *метасообщение*, определяемого как «сообщение о коммуникативном процессе участников общения». Основным отличием сообщения от метасообщения является их содержание: «Сообщение может заключать в себе информацию о любых предметах и явлениях: о погоде, об условиях работы, о новейших технологиях и т. п., в то время как содержанием метасообщения является информация только о коммуникативном процессе: о поведении собеседников и их отношениях к обсуждаемой теме» (Дубровченко 2011: 81).

А. Вежбицка называет метакоммуникативные сообщения *метаорганизаторами* (Вежбицка 1978). Среди метаорганизаторов высказывания существенное место занимают такие, которые играют роль темы высказывания (ср. *стартовый дискурсивный маркер* в настоящем исследовании). Исследователь рассматривает ментальные значения, возникающие в сознании слушающего при употреблении говорящим метаорганизаторов типа *кстати, впрочем, во-первых* и др. (там же: 415).

А. Н. Синицина рассматривает *метакоммуникативные единицы* в их функциональном аспекте – с точки зрения регуляции содержательной

и формальной сторон общения. МЕ передают «социально-дейктическую, контекстуализирующую, интересубъективную информацию. Информация, передаваемая метакоммуникативными единицами, всегда интенциональна, передается как эксплицитно, так и имплицитно, и обязательно декодируется реципиентом с помощью комплекса семантико-прагматических факторов общения» (Синицина 2005: 8). Исследователь различает контактоустанавливающие МЕ, характерные для начальной фазы взаимодействия коммуникантов (приветствия, обращения, представления, извинения), контактоподдерживающие метакоммуникативные единицы (неоценочные и оценочные) и контакторазмыкающие (предзавершающие и завершающие).

В. В. Стрибижев выделяет сходные виды *речевых клише*: инициализация, поддержание и размыкание речевого контакта (Стрибижев 2005: 17). Все вышеназванные единицы в терминологии, принятой в настоящей работе, можно назвать *дискурсивными маркерами*.

Е. М. Воробьева выделяет вербальные и невербальные средства выражения метакоммуникации. К вербальным средствам относятся глаголы, существительные, прилагательные, наречия, фразеологические единицы, частицы, междометия, а также вводные слова и обращения. Невербальные средства представлены фонационными, кинесическими, такесическими и графическими элементами (Воробьева 2006: 15). Единицами метакоммуникативных речевых действий исследователь признает *фразеологические средства*, фиксирующие проявления МК в устной речи, что немаловажно для настоящей работы.

Ю. В. Матюхина использует понятие *фатический метакоммуникатив*, определяемый как «прагматикализованный подкласс экспрессивов, предназначенный регулировать речевое взаимодействие в ситуациях установления, продления, размыкания контакта, реализуемый речевыми стереотипами, в которых нейтрализуется оппозиция прямой/косвенной реализации речевого акта» (Матюхина 2004: 8). Фатический метадискурс

подразделяется на транзакции установления, продления, размыкания речевого контакта, соответствующие стадиям (фазам) дискурса. Соответствующими транзакциям речевого акта фатические метакоммуникативы классифицируются на инхотативные (приветствия-междометия, осведомления, благословления, пожелания), процессные (поясняющие маркеры-модификаторы (пояснение и самокоррекция), конативные (сигналы обратной связи), апеллятивные, интродуктивные (введение темы), хезитационные и заполняющие паузы маркеры) и финитивные (*там же*). Исследование Ю. В. Матюхиной базируется на англоязычном материале, что накладывает определенный отпечаток на созданную ею классификацию.

В некоторых других работах можно найти также термин *метакоммуникативные вставные конструкции*. *Вставные конструкции* (ВК) – различные осложнения предложения словами и словосочетаниями, которые, находясь в составе этого предложения, не связаны, тем не менее, с его членами никакими грамматическими связями (см. о них подробнее, например: *Валгина* 2000; на материале Звукового корпуса русского языка такой материал активно исследуется в работах Е. В. Маркасовой – *Маркасова* 2009 а, б, 2010, 2011). Вставные конструкции, являясь одним из способов осложнения структуры простого предложения, содержат различного рода попутные замечания, уточнения, поправки, разъясняющие содержание предложения в целом или отдельных его частей. В отличие от вводных, вставные конструкции не только легко извлекаются из предложения, без ломки его структуры, но и не выражают никаких модальных или эмоциональных значений, не содержат указаний на источник сообщения, не являются контактоустанавливающими или обобщающими и т. п. (*Пешковский* 1938: 372; *Грамматика русского языка* 1960: 165; *Шапиро* 1974: 183-184; *Розенталь, Теленкова* 1976: 65). Основное назначение вставной конструкции заключается в передаче неограниченного по смыслу круга сведений, дополнительных по отношению к содержанию основной части предложения

или отдельного его члена. За счет этого увеличивается и объем самого предложения, в структуру которого входит ВК. Обычно ВК выделяются в письменном тексте знаками препинания – тире, скобки, запяты. При чтении же вставные конструкции выделяются, как правило, паузами или произносятся с понижением тона и ускорением темпа (Шapiro 1974: 184; Япон 1979: 49; Касаткин и др. 1995: 278). На слух, однако, такая интонация опознается менее чем в половине случаев, по данным перцептивного эксперимента, проведенного И. И. Гавриленко (Гавриленко 2004 а, б). Распознавание ВК в устной спонтанной речи, где отсутствуют не только знаки препинания, но и нет явных границ «предложений» как традиционной структурной единицы синтаксиса, весьма затруднено. С учетом подобных сложностей, основным принципом выявления вставных конструкций в таком специфическом материале, какой является спонтанная речь, Н. В. Богданова предложила использовать *характер информации*, передающейся вставной конструкцией: это должны быть именно дополнительные, попутные замечания, как правило, выбивающиеся из общей грамматической структуры «предложения» (Богданова 2011). Автор разрабатывает типологию вставных конструкций на материале спонтанной речи по характеру передачи добавочной информации, представленную на рисунке 3 (Звуковой корпус... 2014: 57).

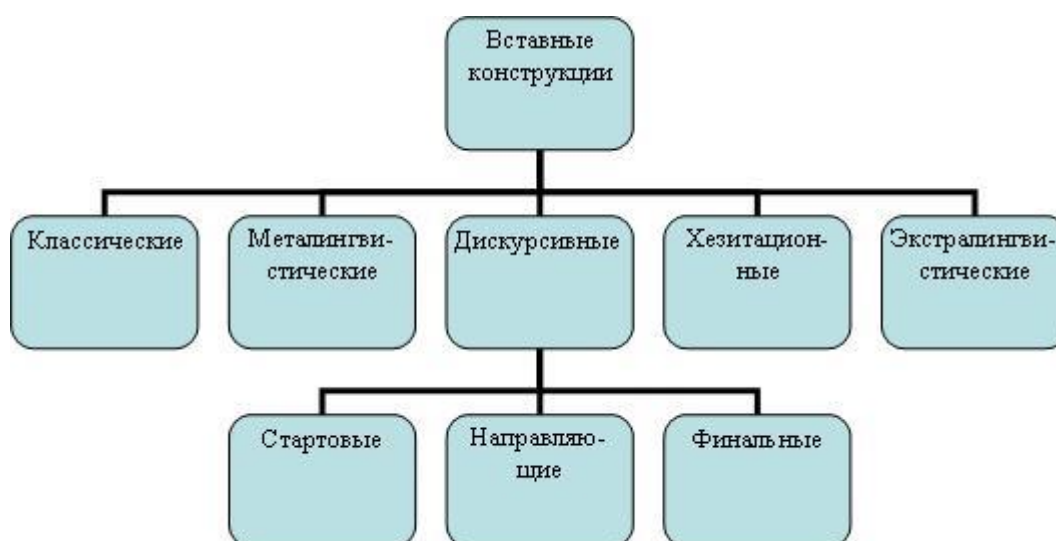

Рис. 3. Типология вставных конструкций в спонтанной монологической речи

Под *классическими* (КВК) понимаются вставные конструкции, которые наиболее приближены к ВК письменного текста, описанным в грамматиках русского языка. Извлечение подобного рода вставки из «предложения» обычно не нарушает ни семантических, ни синтаксических связей последнего. Классические ВК несут дополнительную информацию, связанную, прежде всего, с содержательной стороной текста (Хан 2013: 151). *Металингвистические* вставные конструкции (МВК), содержат оценку говорящим самого «речевого сценария или своих способностей его реализовать (своего рода «текст о тексте», помещенный говорящим внутрь основного текста или развивающийся параллельно ему). *Дискурсивные* вставные конструкции (ДВК) маркируют границы текста или этапы его построения, его развития и разделяются на три типа: стартовые, направляющие и финальные. *Хезитационные* вставные конструкции (ХВК) заполняют собой достаточно протяженные паузы хезитации, хотя и выполняют еще функции других – металингвистических или дискурсивных – ВК. *Экстралингвистические* вставные конструкции (ЭВК) связаны исключительно с ситуацией, в которой проходила запись.

Как отмечает Н. В. Богданова, метакоммуникативные конструкции, так же как классические вставные конструкции, «выбиваются из общей синтаксической структуры предложения, тоже передают некую дополнительную информацию (обнаруживают “присутствие субъекта речи”), но характер этой информации оказывается весьма специфичен – это реплики не просто “в сторону”, а по преимуществу адресно – в сторону собеседника-экспериментатора и по поводу того речевого сценария, в рамках которого произносится тот или иной монолог. Чаще всего это сетования информанта на трудность задания (своеобразная “борьба” с текстом), оценка своих способностей выполнить его или разговор с самим собой по ходу реализации этого сценария (вставной “текст о тексте”)» (Богданова 2010б: 30; она же 2012а: 330–331).

Уточненная типология вставных конструкций имеет вид, представленный на рисунке 4 (*Звуковой корпус...* 2014: 112).

Последняя из приведенных типологий представляется более точной, поскольку в спонтанной речи чисто *метакоммуникативные, или металингвистические, вставные конструкции* (МВК) встречаются редко; чаще всего метакоммуникативную функцию выполняют и дискурсивные, и хезитационные, или поисковые, и экстралингвистические ВК: «Часто хезитация в спонтанном тексте сопровождается еще и метакоммуникацией, когда с помощью дискурсивных единиц говорящий выражает сомнения в своих способностях правильно выразить ту или иную мысль, реализовать то или иное коммуникативное задание» (*Богданова 2012б: 78*).

Во избежание ассоциаций с так называемой *грамматикой конструкций* (*Лингвистика конструкций 2010*), а также вследствие невставного характера метакоммуникативных элементов речи, вплетенных в сам текст, ср. уже упомянутое выше: «В высказывании переплетается текст с текстом метатекстовым. Эти метатекстовые нити могут выполнять самые различные функции. Они проясняют “семантический узор” основного текста, соединяют различные его элементы, усиливают, скрепляют. Иногда их можно выдернуть, не повредив остального. Иногда – нет» (*Вежбицка 1978: 421*), в настоящем исследовании было решено отказаться от применения термина *метакоммуникативные конструкции* для всех типов метакомментирования речи, однако, как будет видно далее, некоторые метакоммуникативные вставки тяготеют по структуре и частоте фиксации в речи именно к конструкциям.

Рис. 4. Типология вставных конструкций в русской устной речи

Последняя типология дискурсивных единиц, включающая метакоммуникативные маркеры, предложена Н. В. Богдановой-Бегларян (Богданова-Бегларян 2014). По этой классификации, к дискурсивным единицам речи относятся: *хезитативные* маркеры, маркеры *поиска*, *рефлексивы*, *дискурсивные* маркеры, *дейктические* маркеры, *метакоммуникативные* маркеры, маркеры *самокоррекции*, маркеры-*ксенопоказатели*, *ритмообразующие* маркеры, маркеры-*аппроксиматоры*. Последний из введенных в научный обиход терминов – *метакоммуникатив*, под которым понимаются повторяющиеся метакоммуникативные единицы устной спонтанной речи (Богданова-Бегларян 2015).

В настоящем исследовании избираются и используются как синонимы нейтральные термины, не указывающие на синтаксические признаки исследуемого явления: *метакоммуникативная единица*, *метакоммуникативный элемент*, *метакоммуникатив*, *метакомментарий*. Под метакоммуникативной единицей понимается такой компонент речи, который выражает ее (речи) метакоммуникативную функцию, т. е. лексема,

«предложение» или текст, комментирующее речь, выстраивающие ее композицию, – представляющее в виде метатекста по отношению к тексту.

4. **Классификация метакоммуникативных единиц русской устной спонтанной речи**

Несмотря на то что явление метакоммуникации широко обсуждается в научной литературе, всеохватная классификация метакоммуникативных единиц до сих пор не была предложена исследователями; не были также описаны специфические метакоммуникативные единицы устной спонтанной монологической речи. Можно предложить несколько ведущих параметров для создания типологии метакоммуникативных элементов.

Во-первых, основываясь на том, является ли данная МЕ рефлексией, появившейся *перед* осмысляемым фактом речи (в препозиции) или уже *после* него (в постпозиции), можно выделять *ретроспективную* (1) и *проспективную* (2) метакоммуникацию:

- 1) *(аа) [наверно именно такую погоду / желает / для своей работы / землешаец // всё наверно / больше ничего / не запомнил [И10, м., 26, высокий УРК, юр., амб., пересказ несюж.]¹⁶;*
- 2) *я должен составить пер... рассказ по этим картинкам / ну вот / ну начну с первой картинки где / я вижу / котёнка или может уже кошку играющегося с бабуш... с бабочкой [И13, м., 20, низкий УРК, студ., описание несюж].*

Иногда рефлексия говорящего прерывает основной текст, в таком случае ее можно назвать *онлайн-метакоммуникацией*, использующейся непосредственно в момент формулирования речи:

- 3) *кот / воровал у нас практически всё // но мы ре... / можно кратко // мы решили / э-э значит чтобы его поймал / кто-то [И4, ж., 44, низкий УРК, мед., пересказ сюж].*

Во-вторых, главным критерием для разграничения различных типов метакоммуникации может служить их функциональный, прагматический,

---

¹⁶ Все иллюстрации в работе атрибутируются с указанием номера информанта в том или ином блоке материала, основных характеристик говорящего – гендер, возраст, профессия, уровень речевой компетенции и психотип (где это было возможно), – а также типа текста. Об особенностях орфографического представления материала (расшифровок, транскриптов) см., например: *Русская спонтанная речь* 2008.

аспект речевого употребления. В настоящей работе предлагается типология метакомментариев, основанная на различении их основных функций в речи.

В первую очередь, метакоммуникативные единицы в монологах можно различать по их коммуникативной направленности. Так, выделяются МЕ, ориентированные на сам текст монолога, на осознание тех особенностей речи, которые привлекли внимание информанта, то есть, обращенные говорящим к самому себе; и МЕ, ориентированные на слушателя монолога (экспериментатора, записывающего речь на диктофон), на привлечение и направление его внимания и т. п. Внутри этих двух больших групп заключены различные типы МЕ, различаемые по функциям. В таблице 1 представлена общая функциональная типология МЕ.

*Классификация метакоммуникативных единиц устной спонтанной
монологической речи*

Обращенные к себе МЕ (ориентированные на текст/text-oriented)	Дискурсивные МЕ	1) Вопросно-ответная форма рассуждения; 2) Дискурсивные маркеры; 3) Подтверждение собственных слов
	Корректирующие МЕ	1) Самокоррекция
	Эксплицирующие МЕ	1) Сомнение; 2) Забывание (и припоминание); 3) Затруднения в построении речи
	Оценивающие МЕ	1) Собственную речь; 2) Ее соответствие коммуникативному сценарию монолога
	Поисковые МЕ	1) Поиск слова; 2) Поиск <i>что еще сказать</i>
Обращенные к другому (ориентированные на слушателя/hearer-oriented)		Вопрос
		Извинение
		Обращение
		Обвинение

В следующих разделах работы подробно описывается каждый из типов метакоммуникации, помещенных в данную классификацию. Частотность различных функциональных типов МЕ в спонтанных монологах, составляющих материал исследования, показана на рис. 5.

Из рисунка 5 видно, что наиболее частотными МЕ в спонтанной монологической речи оказались *дискурсивные маркеры* (35 %), элементы, способствующие *поиску слова* (9 %) и осуществляющие *самокоррекцию* (7 %). Наиболее редко в спонтанных монологах встретились *извинения* (1 %),

обвинения (1 %) и обращения (2 %), т. е. ориентированные на другого, по своей природе – диалогические метакоммуникативы, что в полной мере отражает монологический характер материала исследования.

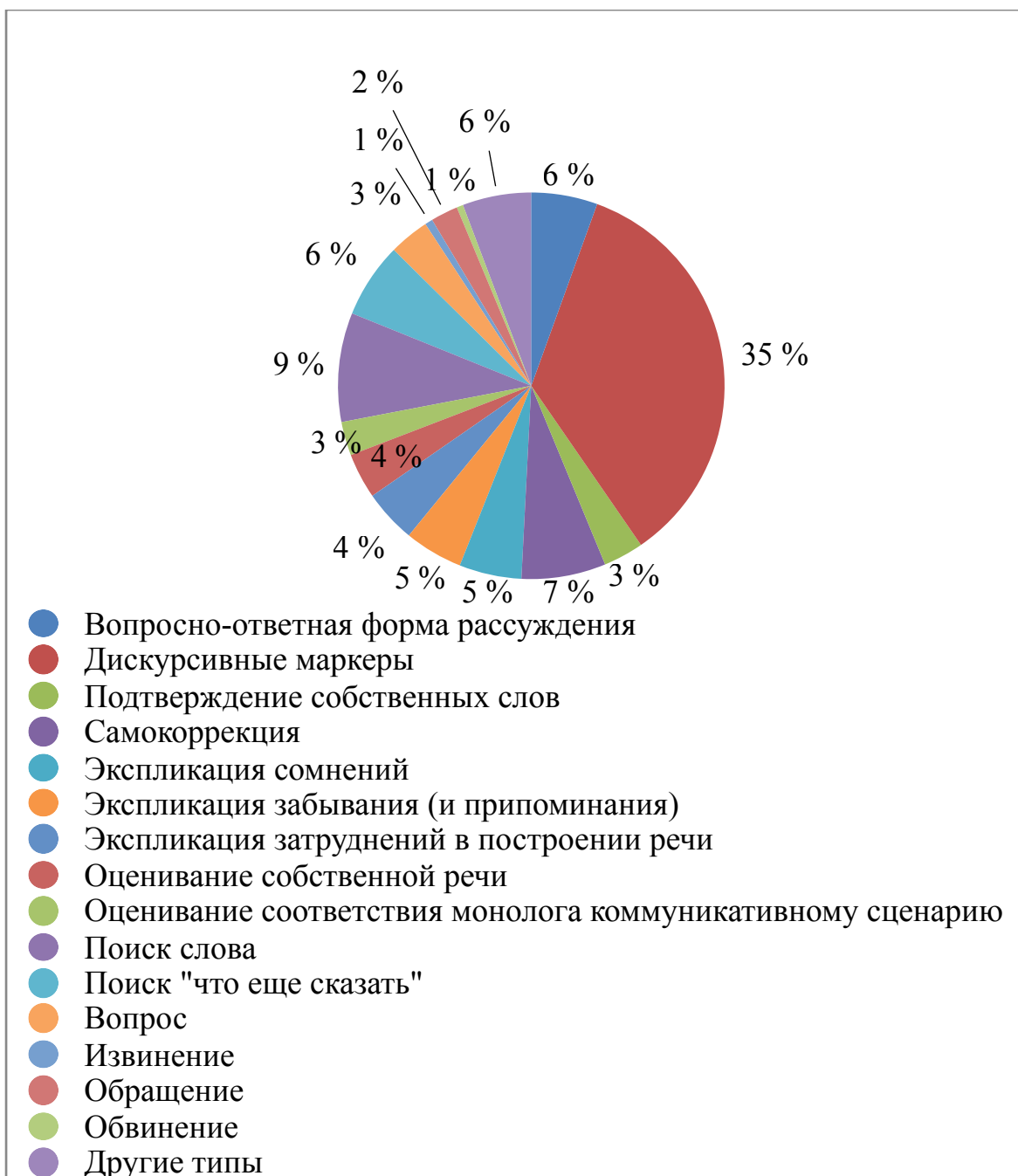

Рис. 5. Соотношение различных типов метакоммуникативных единиц в спонтанных монологах

4.1. Обращенные к себе метакоммуникативные единицы

МЕ, обращенные говорящим к самому себе или ориентированные на текст, преобладают в монологическом материале, что объясняется недиалогическим характером рассматриваемых спонтанных текстов

(858 контекстов / 93 % всех типов метаединиц). Рассмотрим подробнее каждый функциональный тип таких метаэлементов.

1) **Вопросно-ответная форма рассуждения (51/6 %)**

Вопросно-ответная форма рассуждения (доля в материале исследования – 51/6 %) представляет собой метакоммуникативное высказывание или цепочку высказываний, направленных на структурирование монолога. Это один из типов дискурсивных метакоммуникативных единиц, основная функция которых – регулирование построения речи. Несмотря на то что основным критерием выделения этого типа метакоммуникации является формальная организация речевого потока, этот формальный компонент, очевидно, сопровождает и поддерживает дискурсивную функцию рассматриваемых единиц, поэтому его можно рассматривать как функциональный тип метакоммуникации.

Вопросные реплики в таких МЕ содержат вопросительные слова: *что?* (также в составе устойчивой конструкции *что мы видим (на картинке?)*), *как?*, *какой?*, *почему?*, *куда?* (самоответ говорящего на собственный вопрос, в контекстах подчеркнут; собственно вопросительный знак в расшифровках иногда отсутствует, что не меняет сути дела):

- 4) *но это невозможно / потому что так много воды // и / думаю что было ужасно тогда // но (э-эм) // ну что я смотрела? конечно я смотрела (э-э) Петропавловский крепость / и Эрмитаж / и Русский музей / и Петергоф <смех> // (э-эм) да но эф... / я не знаю название этот мост / но здесь (э) Петропавловский крепость и там налево мост [И2, ж., 27, нидерл., ТРКИ В1, интр., рассказ]¹⁷;*
- 5) *что мы / на ней видим? мы на ней видим / именно ту самую / золотую осень [И24, м., 36, юр., низкий УРК, экстр., описание несюж.];*
- 6) *Коля ещё её даже не видел // а мы уже приехали туда / а там как? у них соответственно / подведена вода [И12, м., 43, юр., высокий УРК, интр., рассказ];*
- 7) *вдалеке какие-то строения / старая Гатчина / какой это век? // начало девятнадцатого века [И1, ж., 40, преп. РКИ, высокий УРК, описание несюж.];*

¹⁷ В атрибуции текстов, записанных от носителей других языков, кроме русского, указан также родной язык говорящего и уровень его владения русским языком (ТРКИ).

- 8) *но / картина не производит грустного впечатления // почему // потому что вокруг / зелёная листва* [И19, ж., 32, мед., высокий УРК, описание несюж.];
- 9) *еду [...] куда я еду? то есть могу отдохнуть и на природе также могу отдохнуть и на работе* [И28, ж., 29, юр., низкий УРК, экстр., рассказ].

На рис. 6 представлено количество вопросительных конструкций, составляющих вопросно-ответную форму рассуждения, с разными видами вопросительных слов.

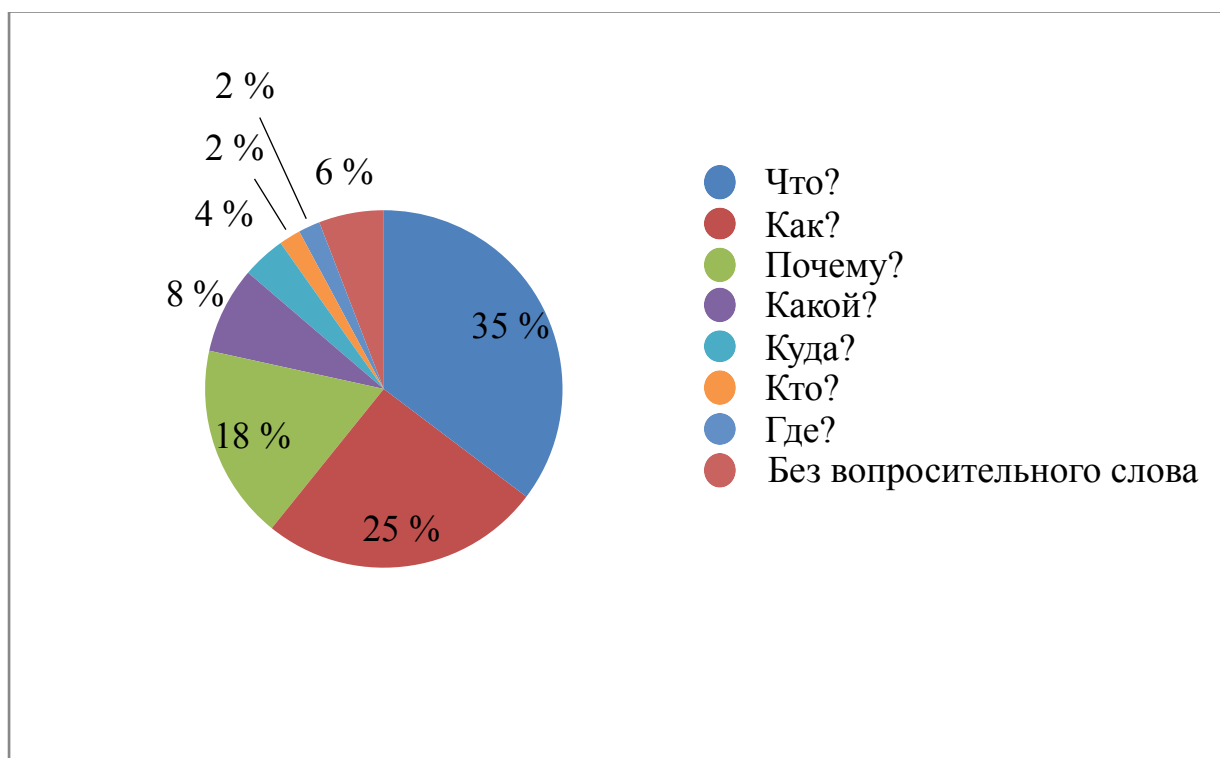

Рис. 6. Разные виды вопросительных слов в составе вопросно-ответной формы рассуждения в спонтанной речи

В большинстве случаев информанты используют вопросы *что?* и *как?*, самым редким в материале исследования оказались вопросы *кто?* и *где?*

Иногда (в 10 % случаев, обычно в рассказе) вопросно-ответная форма рассуждения встречается в самом начале текста, при формулировании коммуникативного задания, выполнением которого является само производство монолога. МЕ такого типа одновременно могут функционировать и как *дискурсивные маркеры старта*, начала говорения, речь о которых идет в следующем разделе:

- 10) *мои выходные // как проходят мои выходные? // я жду не дождусь когда наступит суббота* [И24, м., 36, юр., низкий УРК, экстр., рассказ];
- 11) *ну как я провожу своё свободное время / ну во-первых его бывает не очень много* [И7, ж., 21, студ., средний УРК, интр., рассказ];
- 12) *ну что я поняла // жил был рыжий кот / вечно голодный / вечно всё воровал* [И7, ж., 39, мед., средний УРК, пересказ сюж.].

Вопросно-ответная форма рассуждения обычно содержит комментарии говорящих о том, что они собираются сказать, в какой последовательности и с какой целью:

- 13) *аа [куда бы я хотела] съездить? где бы я хотела побывать? и что бы я хотела] например запланировать / себя для себя на [ээ следующий отпуск? ну позволю себе помечтать как / так как этот разговор / ни к чему по большому счету не обязывающий // ну куда бы мне хотелось съездить? мне хотелось бы побывать] в Израиле* [И7, ж., 30, юр., высокий УРК, интр., рассказ].

Среди главных функций таких МЕ можно выделить заполнение паузы хезитации, структурирование, упорядочивание речи. Часто вопросно-ответное построение речи содержит мотивирование того, что уже сказано, некоторых выражаемых говорящим оценок; оно также связано с подбором верного, уместного слова или выражения:

- 14) *я вижу / котёнка или может уже кошку играющегося с бабуш... с бабочкой / почему я решил котёнок / потому что наверное всё-таки у котят / игривый возраст* [И13, м., 20, низкий УРК, студ., описание сюж.].

Описание изображения как тип монолога часто провоцирует говорящих использовать вопросно-ответное рассуждение при попытке понять, что именно изображено на картине, и объяснить происходящее в своем монологе:

- 15) *рядом с ни... рядом с ними / н-н [это / высокое-е [дерево [ы-н [высокое дерево // н-н [[а-а [рядом с де... [н-н [с дере-вом / это [м-м [это [ща-ас [м-м / это что? // м-м [а [это с... степь / и-и [м-м [мм [а [всё это очень [м-м [кра-асивый [весной [пейзаж* [И1, ж., 23, кит., ТРКИ В2, экстр., описание несюж.];
- 16) *ну отдыхает человек в общем / а потом что? а потом / потом в больничку попал [смех] наверное* [И2В, смеш. группа, низкий УРК, описание сюж.].

Безусловно, наличие вопросно-ответных рассуждений в тексте свидетельствует о сомнениях информанта в произнесенных словах, и тогда такая метакоммуникация классифицируется как ретроспективная¹⁸:

- 17) *Ц *В я попробовал-л *П борш *П и(:) а это не... это не русское ? да это русское а-а что еще м-м пель... пельмени м-м *Ц э-э м-м *П пирожки *П ввот [А(И)М(2), м., франц., ТРКИ А2, амб., рассказ];
- 18) так (э) / на картине (э) изображён пейзаж // (э) центральная часть пейзажа / водное пространство // какой-то видимо не очень / не очень большой / но довольно **глубокий** водоём видимо / или большое озеро или залив // **почему глубокий?** // потому что довольно большой корабль на этом (э-э) озере / ну скажем озере [И2, м., 25, преп. РКИ, высокий УРК, описание несюж.].

Некоторые преподаватели-философы, чьей речи в целом свойственна отвлеченность и абстрактность, используют вопросно-ответную форму рассуждения в ее исходной риторической функции, применяя ее как осознанный принцип построения текста:

- 19) **что такое отдых / человека / в урбанистической ситуации / спешащего с одной работы / на другую работу / не имеющего возможности / расслабиться / кроме как / в поезде метро // это всего лишь / полчаса / закрытых / глаз / в / переполненном вагоне / стоя / прижавшись к стеклу / лбом / или носом / или затылком / поджимаемый (а) / соседями** [И1А, преп.-филос., высокий УРК, рассказ].

В вопросно-ответной форме рассуждения происходит вербальная экспликация ментальных процессов построения речи, формирования и порождения высказываний. Наличие таких МЕ мотивировано спонтанностью, неподготовленностью речи, а также характером такой формы устной речи, как монолог. Говорящий в диалоге строит высказывание практически без предварительного обдумывания, поскольку обычно сама логика разговора подталкивает его к определенным стереотипным коммуникативным шагам. В монологе же ему приходится проявлять бóльшую заботу в формулировании речи, что выражается именно в вопросно-ответных рассуждениях, «диалогах с самим собой».

---

¹⁸ Характеризуемое слово, на которое направлена метакоммуникация, выделено в примерах также полужирным шрифтом.

2) **Дискурсивные маркеры (321/35 %)**

Дискурсивный маркер (ДМ) определяется как «языковой инструмент структурирования дискурса – от фонетических и интонационных показателей до лексем и специфических синтаксических конструкций. <...> Это слова, фразы или звуки, которые не имеют реального лексического значения, но вместо этого обладают важной функцией формировать разговорную структуру, передавая намерения говорящих при разговоре» (Михальченко 2006: 61), ср. определение В. И. Подлесской и А. А. Кибрика: дискурсивные маркеры – незначительные слова или словосочетания, регулирующие дискурсивный процесс между говорящим и адресатом (Подлесская, Кибрик 2009: 390). Функции ДМ находятся «в сфере организации и регулирования дискурсивного потока» (там же). Подчеркнем, что употребление дискурсивных маркеров фиксируется не только в диалогической, но и в монологической речи, формально не имеющей адресата, а следовательно, ДМ регулируют не только процесс общения нескольких говорящих, но и процесс построения любого текста, вне зависимости от наличия/отсутствия слушающего/собеседника.

Метакоммуникативные ДМ, помимо структурирования высказывания, также выполняют метаязыковую функцию, то есть направлены на осмысление произносимой речи самим говорящим. Важно отметить, что понятие ДМ шире, чем понятие метакоммуникативного ДМ, который является объектом анализа в настоящей работе. Далее под термином *дискурсивный маркер* будет подразумеваться именно метакоммуникативный маркер.

При составлении типологии дискурсивных маркеров мы опираемся на классификацию прагматических единиц речи, созданную Н. В. Богдановой-Бегларян (Богданова-Бегларян 2014), различающей три типа ДМ: *стартовые*, *направляющие* и *финальные*, в зависимости от места, которое они занимают в тексте. Распределение дискурсивных маркеров разного типа в монологическом материале показано на рис. 7.

ДМ *финала* преобладают в монологическом материале: как минимум каждый третий (3,22 %) монолог завершается с помощью этого типа МЕ. При этом лишь каждый шестнадцатый (15,56 %) монолог открывается ДМ *старта*, что говорит о том, что маркирование конца текста, завершения процесса говорения, более важно для информантов в условиях открытой диктофонной записи. ДМ старта необходим говорящему только в случае некоторых возникновения заминок, затруднений в построении речи. Наличие *направляющих* ДМ также необязательно для всех типов монологической речи: они встретились приблизительно в каждом десятом (9,56 %) монологе, являющимся материалом для настоящего исследования.

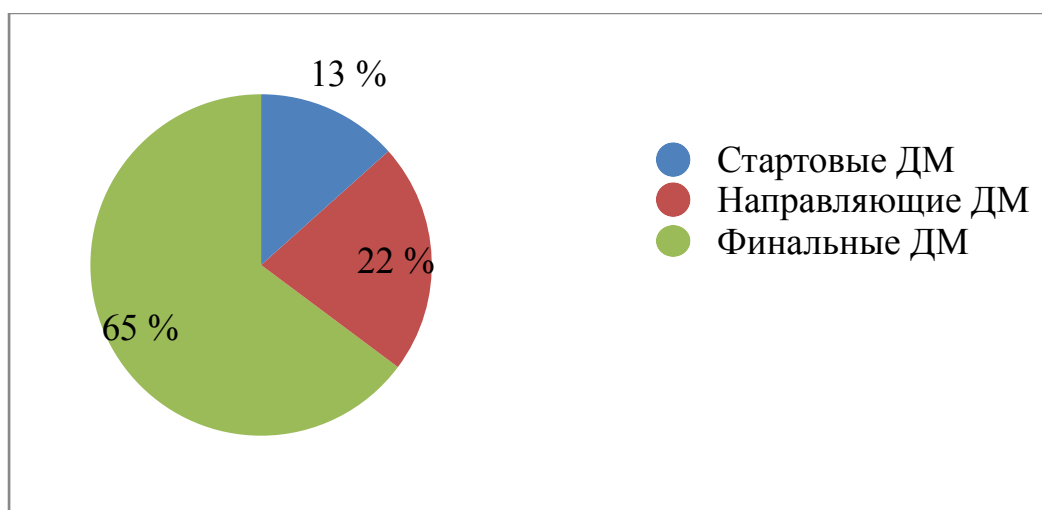

Рис. 7. Количество дискурсивных маркеров разного типа в спонтанных монологах

Стартовые ДМ могут открывать любой тип монолога, включая чтение. В чтении стартовым ДМ является само название рассказа, которое именуется весь произносимый текст. В следующем примере (20) метакоммуникативный характер ДМ старта (*рубашка фЭнтези* («Рубашка фантази») – неверно прочитанное название рассказа М. М. Зощенко) подчеркивается вводящим его (неметакоммуникативным) дискурсивным маркером, отмечающим начало процесса чтения (*ну ладно*), показывающим, как именно говорящий приступает к воспроизведению текста:

- 20) *ну ладно / э-э рубашка / фЭнтэзи // в прошлую субботу после службы заскочил я в магазин // мне надо было рубашку купить* [И4, м., 21, студ., средний УРК, экстр., чтение сюж.].

С помощью ДМ старта говорящий подготавливается к выполнению определенного коммуникативного сценария, фокусируется на том, что ему необходимо (с его точки зрения) сказать. В составе таких маркеров обычно присутствует модальный глагол (или иная единица) со значением долженствования. Отметим, что такие единицы распространены в речи студентов, что связано, видимо, с их постоянной готовностью к проверке знаний в соответствии с некоторой оценочной шкалой, включая даже такую «проверку», как продуцирование монологов в экспериментальных условиях:

- 21) *Щас я должна рассказать о школе и о универе / о моей учёбе в школе замечательной нашей школе / и о моём учёбе / о моей учёбе в замечательном универе // ну / когда я училась в школе / это было так давно* [И1, ж., 20, студ., низкий УРК, экстр., рассказ];
- 22) *Я должен составить пер... рассказ по этим картинкам / ну вот / ну начну с первой картинки где / я вижу / котёнка или может уже кошку играющего с бабуш... с бабочкой* [м., 20, студ., низкий УРК, описание сюж.].

Внутри ДМ старта также может использоваться глагол (или иная единица) с модальностью возможности или желательности в отношении процесса говорения (в составе как личного (25), так и безличного (23)-(24) «предложения»):

- 23) *Ну что можно сказать по этой картинке / [кашель] / два приятеля беседуют что как хорошо бы съездить на курорт покататься на горных лыжах* [И2Б, смеш. группа, средний УРК, описание сюж.];
- 24) *с чего можно нача... [начать описание данного текста / это с того что здесь] ну / автор / да / написал [...]] описывает природу / природу / погоду* [И28, ж., 29, юр., низкий УРК, экстр. пересказ несюж.];
- 25) *значит я хочу рассказать об / моём отдыхе / последнее лето // так как я работаю врачом в детской поликлинике / лето у нас немножечко более свободно чем вся зима* [И28, ж., 36, мед., средний УРК, рассказ].

Некоторые ДМ старта содержат определение коммуникативного задания, выраженного именной темой. Первая группа таких ДМ комментирует заданную для свободного рассказа тему говорения:

- 26) (э-эм) *Ц **мои впечатления** / (э-эм) *Петербург* (э) (э) *очень хорошо* // (э-э) *в последнем году я была* (э) *в Москве тоже* / *и в Ижевске* [И14, м., 24, нидерл., ТРКИ В1, экстр., рассказ];
- 27) **мои выходные** // *обычные выходные* / *где я делаю то же самое* // *то же самое что и в обычный день* [И37, м., 22, юр., низкий УРК, рассказ].

Особенно частотны ДМ старта с определением темы, данной для рассуждения, в речи иностранных студентов. По-видимому, это связано с тем, что студентам, изучающим неродной для них русский язык, часто предлагается такой тип заданий, как говорение на определенные темы. Формулирование темы изложения помогает инофону подобрать нужные слова, заполнить паузу хезитации, взять некоторое время для размышления:

- 28) **тема** / *как проводить свободное время на каникулах* / <вдох> *но для меня каникулах* / *как любой там выхОдный день* / *ну* [*ну* [*я так люблю там во время каникулах там* [*с друзьями встречаться поскольку* <вдох> [*когда я* [*я ещё учусь* [*ну у меня вообще мало времени* / *с друзьями* / *общаться* [И8, м., 23, кит., ТРКИ С1, амб., рассказ];
- 29) **как проходит свободное время на каник... на каникулы** [*ы-н на каникулы* / *разные люди существует разные спосоБы* / *сл... но-о для меня я думаю что* / *ы обычно я вернусь в Китай* / *и-и в Китае* / *обычно я созвонился с друзьями* / *и-и мы поехали в другой* [*город* [И10, м., 25, кит., ТРКИ С1, экстр., рассказ].

Ключевую тему текста-монолога информанты успешно вычленяют сами (особенно часто – при пересказе несюжетных текстов) и используют ее как ДМ старта, ср.:

- 30) **итак о погоде** // *был один из тех дней* / *когда погода может установиться надолго* // *относительно* // *зари можно сказать* / *что она характеризуется некоторым румянцем* [И6, м., 33, комп., средний УРК, интр., пересказ несюж.];
- 31) **ну** [**там от рассвета до заката** / *понятно* / *человек просыпается* / *и видит хорошую погоду* / *такую как должна быть* <усмешка> *не так как у нас в Питере* [И37, ж., 36, юр., низкий УРК, экстр., пересказ несюж.].

Своеобразное «поименование» своего монолога встретилось не только в речи студентов, но и в речи представителей других профессиональных и возрастных групп. В качестве заглавия, открывающего монолог, информанты выбирают название текста, предложенного для пересказа, или изображения, предложенного для описания, а иногда, в рамках темы «Как Вы проводите свободное время?», озаглавливают и свой рассказ:

- 32) *маленький кусочек из Собачьего Сердца Булгакова / собственно когда бедного ещё будущего Шарикова ловят // э-э сюжет / двоеточие // неназываемая женщина которая потом оказалась Зиной / заманивает / бедного больного пса / больной на один бок // э-э в квартиру [И8, м., 34, комп., средний УРК, амб., пересказ сюж.];*
- 33) *рыбалка // (мм) рыбак пытается вытащить / большую рыбку / наконец / ему это удалось [И30, ж., 48, юр., высокий УРК, амб., описание сюж.];*
- 34) *поездка на природу / да // *П вот () / значит / мой отдых сейчас / неотъемлемо связан с / ребёнком / маленьким / да [И6А, преп.-филос., высокий УРК, рассказ].*

Вторая группа ДМ старта называет сам тип коммуникативного сценария, предложенный говорящему (пересказ текста, описание изображения или рассказ):

- 35) *значит [пересказ // женщина] и собака вошли в тёмный / узкий коридор [И5, ж., 31, юр., высокий УРК, интр., пересказ сюж.];*
- 36) *так рассказ по картинке / ну предположительно главный герой находится / на приёме / у доктора [И28, ж., 36, мед., средний УРК, описание сюж.];*
- 37) *свободный монолог // так // меня зовут *** // я учусь на третьем курсе и свободного времени у меня нет // конец // (смеется) шутка // на самом-то деле свободного времени у меня действительно нет потому что во-первых у меня ещё я сейчас буду жаловаться (смеясь) [И4, м., 21, студ., средний УРК, экстр., рассказ].*

Как уже было отмечено, ДМ старта могут представлять собой вопросительную конструкцию, входящую в состав вопросно-ответной формы рассуждения. Основная функция таких МЕ – маркирование с помощью вопроса момента начала говорения, а также заполнение паузы хезитации. Они

помогают информанту сконцентрироваться на продуцировании речи, соотносят последующий текст с изначальным замыслом говорящего:

- 38) *итак / как провел лето? лето я провёл хорошо* [И14, м., 30, юр., высокий УРК, амб., рассказ];
- 39) *как же я / провожу отпуск? отпуск бывает у меня очень редко* [И21, ж., 28, юр., низкий УРК, амб., рассказ].

Итак, можно заключить, что некоторые метакоммуникативные единицы полифункциональны в своем использовании в речи: они играют роль дискурсивных операторов как в структурном отношении (ДМ старта), так и в формальном (вопросно-ответная форма рассуждения).

Направляющие ДМ регулируют построение речи в любом месте текста, кроме его начала и конца. Используя такие МЕ, говорящий выстраивает план речи, которого затем он будет придерживаться, намечает основные моменты планируемых к произнесению частей монолога:

- 40) *например встретилась вам женщина с пустым ведром / там / хорошо это или плохо // некоторые считают что очень плохо // некоторые не обращают на это внимания // ну поговорим о тех приметах о которых шла речь в этом тексте // в этом тексте сля... / шла речь в основном о приметах / погодных* [И12, ж., 45, мед., высокий УРК, пересказ несюж.];
- 41) *Щас я расскажу / выражу своё мнение // на тему / мои мечты // или что-то в этом духе // ну я хотела б начать с того / что /м-м-м / вряд ли я б /м-м / говорила б о том / что я о чём-то мечтаю / потому что мечта это что-то такое недостижимое / мне всё-таки хочется верить в то / что то что мне хочется когда-нибудь в жизни да исполнится /// поэтому я наверное буду говорить о моих желаниях и о том чего я просто хочу* [И1, ж., 20, студ., низкий УРК, экстр., рассказ];
- 42) *я заметил может мне так везёт // (э) третий год группа состоит примерно из одних и тех же персонажей // (э) обязательные персонажи // (э) ну так по степени убывания убывания хорошеести расположим их // обязательно в группе должна быть одна девушка / обязательно одна / не больше* [И2, м., 25, преп. РКИ, высокий УРК, рассказ].

Такого типа дискурсивные маркеры также называются *навигационными*: их основная функция лежит в области ориентации в частях текста. Интересно, что лишь в 6 % случаев (2 примера из 32) информанты не

следуют заявленному плану, т. е. не освещают в полной мере все его пункты. Ниже приводится пример успешной реализации плана, заявленного говорящим в первой части монолога-описания:

43) *значит / (ээ) судя [по картинке / я её опишу по частям / а потом я могу сделать определённый вывод / и / рыбакочек пришёл естественно / ловить свою рыбку / вот / вижу что поймал;*

и, спустя страницу текста, говорящий предпринимает попытку сделать вывод:

44) *а тут уже масса / толпа // ну всё же тоже не дурачки / им тоже хочется / такой рыбы поймать / и быть прославленным / то есть тоже / в газету / хотят одним словом попасть / ну и всё / для него здесь места нету // и вот как бы такое описание / картинке могу дать // ну и общее / что вывод / что? что такого могу сказать <кашель> связано всё это с рыболовством / а также [с желанием / значит один пошёл / ну и коллектив / коллективизацией / и все прочитали / и все за ним пошли / туда же вслед [И28, ж., 29, юр., низкий УРК, экстр., описание сюж.].*

Кроме того, с помощью направляющих ДМ человек выражает свое нежелание говорить о чем-либо, интенцию молчания, используя конструкцию *не будем(-у) (говорить/рассказывать) (об X)* (отметим, что, безусловно, в таких случаях проявляется так называемое лексическое самоубийство – отрицание будущего факта говорения с помощью самой речи):

45) *все эти природные явления весьма благоприятны // для произрастания полыни / ржи и прочих злаков / которые // автор хотел упомянуть в данном сочинении // о землянице не будем [И6, м., 33, комп., средний УРК, интр., пересказ несюж.];*

46) *ну и решили что с ним делать наказать выпороть // нет решили его накормить как следует // ну / накормили // хороший ужин / дали // не буду рассказывать что там было // ну вот // ну и кот после этого долго мылся мурлыкал тёрся головой [И25, ж., 45, мед., низкий УРК, пересказ сюж.];*

47) *но надо сказать что-о студенты и сами (э) довольно значительный источник (э) ситуаций комизма и юмора // (э) иногда довольно неприличного // особенно когда они путают в написаниях букв (э) ну не буду цитировать [да можно процитировать пожалуйста] вот например в сочинении индуса // один из моих любимых (э) сюжетов // в сочинении одного индуса читаем // (э) чисто графическая ошибка // Пётр первый много делал бля политики / экономики // ну не в ту сторону хвостик у*

буквы (э) «д» завернул // ну и вот так [И2, м., 25, преп. РКИ, высокий УРК, рассказ].

В речи студентов, напротив, рядом с направляющими ДМ (или в их отсутствии), встретились метакоммуникативные единицы, которые отражают сам факт говорения в настоящий момент, использующиеся с юмористической функцией, то есть осмысляющиеся информантом как языковая избыточность:

- 48) *так мне н-н-н я расскажу про тему семья / говорю / прям как на английском как в школе / но это было ш-ш в теме ш-школа / у меня вообще семья не такая большая / у многих людей там дядь тетя пятнадцать человек всё / а это только по линии мамы по линии папы ещё двадцать пять [И1, ж., 20, студ., низкий УРК, экстр., рассказ];*
- 49) *Вижу лес / докладываю / вижу лес красивый картинку прекрасную [И10, ж., 21, студ., средний УРК, описание несюж.].*

Выстраивание своей речи с помощью направляющих комментариев иногда принимает вид, сближающий письменную речь с устной, когда информант структурирует высказывание, используя отсылки к графическим знакам препинания (эта особенность характерна для речи «компьютерщиков» – программистов и системных администраторов):

- 50) *маленький кусочек из «Собачьего сердца» Булгакова / собственно когда бедного ещё будущего Шарикова ловят // э-э сюжет / двоеточие // неназываемая женщина которая потом оказалась Зиной / заманивает / бедного больного пса / больной на один бок // э-э в квартиру [И8, м., 34, комп., средний УРК, амб., пересказ сюж.];*
- 51) *неизвестное лицо мужско... мужское лицо // которое бросается к шкафчику / открывает его / потом комнату заполняет тошнотворный запах // вот // потом бросается на пса / и его / усыпляет // точка // это про / сюжетную линию [И8, м., 34, комп., средний УРК, амб., пересказ сюж.].*

Как видно из характера направляющих ДМ, кроме структурирования будущей речи, говорящим также важно с помощью них:

– отметить композиционные составляющие своего монолога (введение, заключение):

- 52) *ну в качестве введения // в данном отрывке взято [...]] взят] скажем так] (э-э) кусок сельской или деревенской местности [И8, м., 30, юр., низкий УРК, интр., пересказ несюж.];*

- 53) *вот это явно служба пожарников / вот / ну и приходим конечно / заключая к заключительной картинке где мы видим /ээ пожарную машину останови... да вот собирающуюся уже отъезжать но не тут-то было* [И13, м., 22, студ., низкий УРК, описание сюж.];
– сделать определенный вывод в своем монологе:
- 54) *предположение будет такое наверное что он её задавил / вот / бедная кошка / жалко её / конечно грустная история / ничего не скажешь* [И5, м., 21, студ., средний УРК, описание несюж.];
- 55) *всё нормально / всё едет всё / вот но потом / не так всё хорошо как рисовалось на рекламе / оказывается возникают проблемы // и в конце итог сей басни таков / что / вот вы доктор не то мне советовали* [смех] *не тем путём я пошёл* [И12Б, смеш. группа, средний УРК, описание сюж.];
- 56) *подведем итог / значит (аа) название данного [...] данных рисунков «Плоды рекламы»* [И32, м., 32, юр., высокий УРК, экстр., описание сюж.];
- 57) *ну вообще как бы отпуск если делать вывод отпуск для меня ээ самое главное это выезд / куда-то выезд* [И28, ж., 29, юр., низкий УРК, экстр., рассказ].
– указать на повторение информации (с помощью конструкции *как/это я (уже) сказал(-а)/говорил(-а)*):
- 58) *для меня это не первый раз в России // [угу] // но(:) это первый раз в Петербурге // [угу] // и(:) это (м) / как сказал / очень красивый город* [И12, м., 25, нидерл., ТРКИ В1, экстр., рассказ];
- 59) *и такое грустное настроение // холодно // ну] то есть (ээ) ну вот в принципе / ничего не могу сказать / ну небо мрачное / ну это я уже говорила* [И28, ж., 36, юр., низкий УРК, экстр., описание несюж.];
– завершить тематический блок (с помощью конструкции *ну ладно*):
- 60) *здесь нет *П Овощей и (эм) мне очень трудно готовить здесь / потому что (эм) ин.. ингрие... ингри.. ингридиентов не хватает // [угу] // ладно *С // и (э) музеи // Русский музей мне очень нравится / потому что (э) там (э) с... совершенное искусство* [И10, ж., 20, нидерл., ТРКИ В1, интр., рассказ];
- 61) *лес не смешанный // следовательно зимой все листья опадут и-и / будет не так красиво но при этом будет какой-то определенный / ладно опя... опяь же не об этом* [И4, м., 21, студ., средний УРК, экстр., описание несюж.];
- 62) *так значит // вот турист какой-то идёт / солнышко светит турист идёт / на лыжах катается / да / на рыбалку вроде шлёпает или куда*

там / ну ладно а тут что у нас ещё / а / приболел он маленько / насморк наверное у него [И8В, смеш. группа, низкий УРК, описание сюж.];

– переместить некоторые уже сказанные фрагменты на другое место в своем монологе, «отсрочить» высказывание:

63) *так / на земле // на земле внизу // э-э жарко // даже парит / но при этом / лёгкий ветер развеивает // это в конец текста // э-э // небо // единственно // приобретает бледно-лиловый цвет [И8, м., 34, комп., средний УРК, амб., пересказ несюж.];*

– при описании дать персонажу, изображенному на картинке, имя (которое, к слову, может затем варьироваться в тексте монолога (*мистер Томпсон «превращается» в мистера Симпсона*)):

64) *этот человек / назовём его мистер Икс / отправился на альпийский курорт // *П захватив с собой / целый чемодан / *П колбасы / булочек / вина / пива [И2, преп.-филос., высокий УРК, описание сюж.];*

65) *давление / *П не знаю / скажем у Джона / привело к тому / что он пришёл / на приём / к своему врачу [И3, преп.-филос., высокий УРК, описание сюж.].*

Направляющие ДМ играют важную роль в структурировании дискурса, помогая говорящему упорядочивать мысли и их лексико-грамматическое выражение в тексте.

Финальные ДМ служат для того, чтобы отмечать завершение процесса говорения, конец монолога. ДМ финала выполняют структурирующую текст функцию, маркируя окончание реализации информантом коммуникативного сценария. Этот тип метакоммуникативных единиц является самым распространенным в материале исследования (208 МЕ / 34 %). Абсолютное большинство таких МЕ в монологах информантов представлены маркером *всё* (185/89 %), как одиночным, так и в составе различных конструкций, ср.:

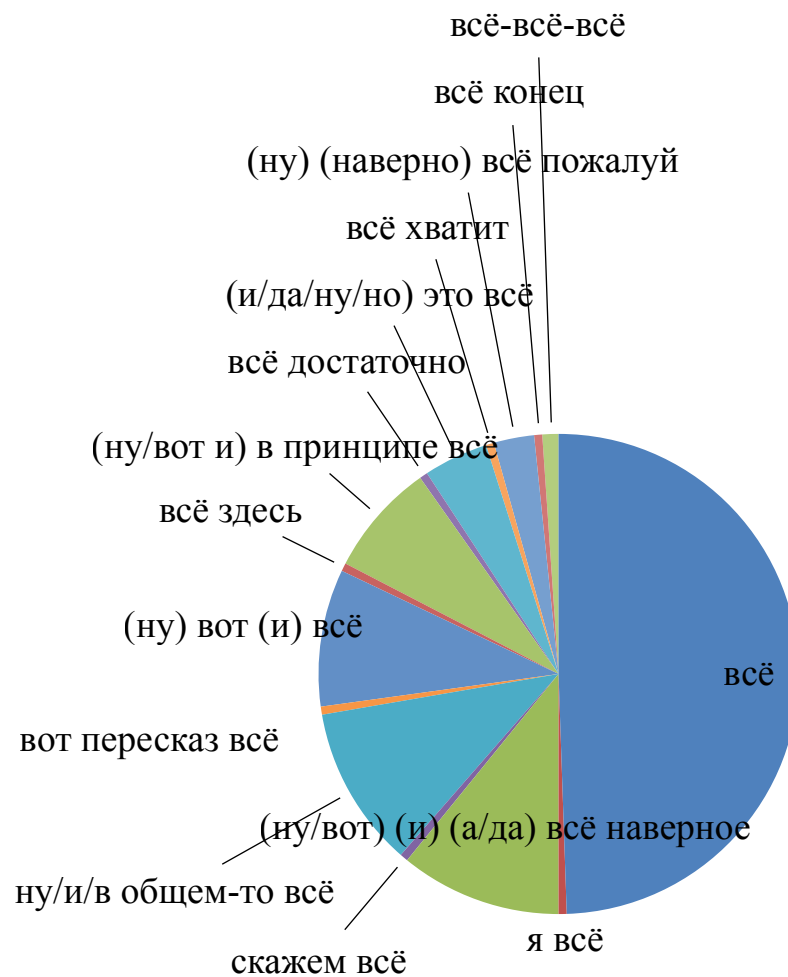
66) *настоящая дверь распахнулась / в неё вошёл какой-то мужчина в белом халате / затем появился ещё один / навалился животом на собаку / которая почувствовала тошнотворный запах какой-то // всё [И4, ж., 20, комп., низкий УРК, амб., пересказ сюж.];*

67) *телега по ней едет / поднимая клубы пыли / за собой / потому что давным-давно не было дождя // как бы **наверно всё** [И39, ж., 38, юр., низкий УРК, экстр., пересказ несюж.];*

- 68) *всё это печально закончилось для него // вот / в результате оказался / <смех> у врача // **всё наверно*** [ИЗЗ, ж., 42, мед., низкий УРК, описание сюж.];
- 69) *но в целом картина спокойна умиротворяющая обычный день и прелесть природы / **пожалуй всё*** [Иб, м., 47, преп. РКИ, высокий УРК, описание несюж.];
- 70) *ну и картина производит очень хорошее впечатление / то есть это действительно ясный / солнечный день / э-э в который хочется погулять по этому лесу // **ну вот и всё*** [И13, ж., 36, мед., высокий УРК, описание несюж.];
- 71) *я люблю Санкт-Петербург / надо сказать / да // я люблю Санкт-Петербург и ... // (а-а) может быть (э-э) я могу (а) жить здесь на несколько лет / не зн... / пока не знаю // **и это всё*** [И1, ж., 21, нидерл., ТРКИ В2, амб., рассказ].
- 72) *отрываюсь от мира (...) который] происходит] аа] на работе у меня и вообще даже в семье (...) ухожу от него таким образом аа вот (...) **всё-всё-всё** <смех>* [ИЗЗ, ж., 22, юр., низкий УРК, амб., рассказ].

В монологах встретились двусоставные «предложения» с предикатом *всё* (я *всё*, это *всё*), однако более распространенными являются односоставные «предложения» (*всё пожалуй / пожалуй (наверно) всё, (ну) вот (и) всё, (ну) (наверно)* и др.), часто включающие вводные слова и обороты. На рис. 8 приведены данные о количестве различных реализаций ДМ финала *всё*: в виде одиночного маркера и в составе конструкций.

Рис. 8. Реализации конструкции (...) всё (...) в составе дискурсивных маркеров финала

Самым распространенным видом, который принимает ДМ финала в монологах, является одиночное конечное употребление предикативного наречия *всё* (49 %). Самые типичные конструкции для этого маркера – *(ну/ вот) (и) (а/да) всё наверное* (11 %) с вводным словом *наверное*, сопровождающимся частицами *(ну, вот, да)* и союзами *(и, а)*, где возможна мена компонентов *всё* и *наверное*; и *ну/и/в общем-то всё* (11 %), где маркеру *всё* предшествуют либо частица *ну*, либо союз *и*, либо вводное слово *в общем-то*. Указательная частица *вот* находится в составе четвертой и пятой по частотности конструкций *(ну) вот (и) всё* (9 %) и *(ну/вот и) в принципе всё* (8 %), осложненной вводным разговорным оборотом *в принципе*. Указательное местоимение *это* входит в состав шестой по распространенности конструкции *(и/да/ну/но) это всё* (4 %), а частица *пожалуй* – в состав седьмой по распространенности конструкции *(ну) (наверное) всё пожалуй* (3 %).

Метакоммуникативный характер ДМ финала осознается самими говорящими: при его употреблении информанты семантически «развертывают» порой емкую конструкцию *всё* до распространенного «предложения», выражающего идею окончания процесса речепроизводства, ср.:

- 73) *вот это прекрасное было бы дополнение к пейзажу // ну всё / я пожалуй завершаю свой монолог / описательный* [И13, м., 22, низкий УРК, студ., описание несюж.];
- 74) *настроение было великопепное // ничто не предвещало беды / кроме того что это мой] окончательный результат / всё! больше не помню! <напевает>* [И23, ж., 35, юр., низкий УРК, экстр., пересказ несюж.].

Помимо этого, завершать монолог могут и иные метафразы информантов – конструкции *(больше) нечего сказать, (ну) вот (как-то) так (наверно)*, дискурсив *хорошо* и др., составляющие всего 11 % от всех ДМ финала:

- 75) *наверно ещё / по ловле рыбы когда вот рыбу ловят и она не клюёт это всё-таки к ненастной погоде это я тоже знаю // а так даже / а больше наверно ничего и не скажу* [И25, ж., 45, мед., низкий УРК, пересказ несюж.];
- 76) *ну так что вот война это такое серьёзное дело / к которому надо очень ответственно готовиться / чтобы не пришлось подчиняться / и прислуживаться / а пришлось командовать и возглавлять / вот как-то так* [И1, ж., 20, студ., низкий УРК, экстр., пересказ несюж.];
- 77) *потом стало всё гораздо хуже он выехал на склон и помчался / с огромной ско... скорости с горы явно не умея кататься на лыжах и кончилось это всё / естественно / переломом // ну вот в двух словах* [И2Б, смеш. группа, описание сюж.].

ДМ финала часто предшествуют поисковые метакоммуникативные единицы, такие как *что ещё ((я могу/можно) сказать)* (подробнее о них см. далее):

- 78) *ну вообще мне кажется интересная работа с цветом у х... / художника / что ещё можно сказать // ну наверное всё* [И1, ж, 20, студ., средний УРК, описание несюж.]
- 79) *вот // что ещё / можно так рассказать? здесь же / здесь же рядом / с домом никакого] присутствия человека / видимо здесь и хлев есть // всё* [И12, м., 43, юр., высокий УРК, интр., описание несюж.]
- 80) *юноша очень / порывист // очень / темпераментен // что я ещё могу сказать об этом // а пожалуй и всё // всё Оленька // нечего мне больше сказать // описывать их не надо было наверное* [И1, ж., 40, преп. РКИ, высокий УРК, описание сюж.].

В примере (80) после ДМ финала *а пожалуй и всё* стоит одиночное *всё* (то есть маркер удваивается), затем конструкция, также используемая для завершения монолога – *ничего сказать*, а далее информант оценивает соответствие своей речи сценарию описания изображения (*описывать их не надо было наверное*) (об оценивании коммуникативного сценария как метаединице см. ниже). Метакоммуникативным единицам в целом свойственно следовать друг за другом, образовывать связанные ряды и цепочки метавысказываний, что демонстрируют многие контексты. Иногда и поисковые конструкции могут наблюдаться уже после маркера финала:

- 81) *скорее всего наверно / прославиться / в большей степени / нежели порыбачить // вот и всё // не знаю что ещё тут* [И16, ж., 46, юр., высокий УРК, экстр., описание сюж.];
- 82) *просто веет от неё / такой [...] таким спокойствием / вот хочется очень / в это место / хотя бы на недельку //-// ну и всё // а что? что ещё? //-// приятная энергетическая картина* [И6, м., 40, юр., высокий УРК, амб., описание несюж.]

За ДМ финала *всё* часто следуют и жалобы информанта на забывание информации из пересказываемого текста (об экспликации забываний см. ниже):

- 83) *наверно именно такую погоду / желает / для своей работы / землешаец // всё наверно / больше ничего / не запомнил* [И10, м., 26, юр., ювысокий УРК, амб., пересказ несюж.]

В заключение можно отметить, что важность структурирующей функции, которую выполняют ДМ финала в устной речи, особенно ясно прослеживается в спонтанных монологах разного типа. Проанализированный лишь в первом приближении диалогический материал корпуса ОРД показывает, что в бытовой, максимально естественной, речи такие МЕ, отмечающие конец реплики, пусть и довольно крупной, практически не встретились. Употребление метакоммуникативных ДМ финала (как и ДМ старта) – это характерная черта монологической речи, в основном, публичной (ср. структурирование лекций, научной устной речи с помощью направляющих ДМ: *далее будет сказано, впоследствии мы рассмотрим* и т. п.).

3) **Подтверждение собственных слов (31/3 %)**

Роль метакоммуникативной единицы, являющейся подтверждением собственных слов говорящего, в монологическом материале играет частица *да*. Эта МЕ может разграничивать тематические блоки в монологе, маркировать переходы от одного к другому:

- 84) *так значит // вот турист какой-то идёт / солнышко светит турист идёт / на лыжах катается / да / на рыбалку вроде шлёпает или куда там / ну ладно а тут что у нас ещё / а / приболел он маленько / насморк наверно у него* [И8В, смеш. группа, низкий УРК, описание сюж.].

Доказательством того, что данная единица действительно является метакоммуникативной, может служить следующий пример (85), в котором говорящий поясняет ее использование в качестве маркера подтверждения своих слов:

85) *но такая приятная оставляет хорошее впечатление картина // да // я согласна со своими словами <смех> / спорить не буду <смех>* [И1, ж., 20, студ., низкий УРК, экстр., описание несюж.].

Однако чаще всего в спонтанной речи МЕ *да* употребляется с вопросительной интонацией в ситуации сомнения говорящего, которое он так или иначе разрешает сам. *Да* после какого-либо слова может сигнализировать о том, что информант, чаще всего инофон, говорящий на неродном для него языке, привлекает внимание экспериментатора (носителя изучаемого языка) к своей речи, к тому, насколько верно он использовал то или иное слово или выражение или грамматическую форму, ср.:

86) *но я думаю когда я (э-э) вернуться в Голландию / тогда (э) я раздражаю (э-э) на то / что люди в Голландии всегда очень / как сказать / громкие думаю // громкие / бла-бла-бла-бла-бла-бла / да // громкие // [угу] // (ам-м) и / (ам-м) // они мешают / другие люди / например в поезде / или на улице / или ах! // мне вот не нравится!* [И2, ж., 27, нидерл., ТРКИ В1, интр., рассказ];

87) [может быть / про кухню какую-то / блюда? // про жизнь / как здесь адаптация?] // (э-эм) ну (э) про кухню я не очень *С / да / нравится русский кухня // [угу] // русская кухня / да // и я (э-э) *Ц (э-эм) // (м) я (ээ) живу в (э-эм) *П с русским семье / [угу] // в русской семье [И9, ж., 21, нидерл., ТРКИ В1, экстр., рассказ];

88) *да / (ам) мне больше понравилась / *П я думаю / первый раз / я / ездила в (ам) *П *ц не Павловске / *П те (а) *П (ам) *П Летний дворец / где это / *П о / Петергоф / (?) да* [И7а, ж., амер., ТРКИ В1–В2, рассказ].

Нередко *да* как подтверждение своих слов используется говорящим в ситуации сомнения в верном припоминании слова из пересказываемого им текста или в трактовке происходящего на картинке, ср. сомнения по поводу лежащих в шкафу вещей, определения места действия на изображении и т. п.:

89) *опрокинул там шкаф с какими-то (...) медицинскими по всей видимости средствами / да / вот //// ну и тут началась охота на пса чтобы он не вырвался / и всё-таки } своё дело довести для чего его*

и заманили собственно туда / вот / и всё / в принципе [И39, ж., 38, юр., низкий УРК, экстр., описание несюж.];

90) *девушка и / молодой человек / они / совершают это действие // (смех) // и что // кажется мне что в небольшом коридорчике / да / или в каком-то / (э) небольшой комнате может быть [И7, ж., 26, преп. РКИ, высокий УРК, описание сюж.];*

91) *там на ней на нём на этой рекламе нарисована симпатичная девушка на лыжах / и написано э что й-й ну приглашение / э-э / в Норвегию съездить / да / наверное / [смех] вот [вздых] / мужчина пошёл / э-э / купил лыжи / и довольный приехал / в горы [И1Б, смеш. группа, средний УРК, описание сюж.].*

Эксплицитное выражение согласия с вышесказанным помогает говорящему при поиске слова, при разрешении сомнений об уместности его использования. Рефлексия над словом становится одним из обязательных шагов для успешной реализации коммуникативного сценария, грамотного построения речи и достижения коммуникативной цели.

Помимо метакоммуникативной функции, *да* заполняет паузу хезитации, помогает информанту в продвижении и структурировании речи, играет ритмообразующую роль в некоторых типах речи и т. п. (о различных функциях прагматемы *да* см.: Шершнева 2015). Иногда употребление *да* может быть характерным признаком устной публичной речи или речевой привычкой конкретного говорящего. Такие случаи использования *да* мы не учитывали в настоящем исследовании, так как они не носят метакоммуникативного характера.

Роль дискурсивного оператора, структурирующего речь (направляющий ДМ), отсылающего к уже сказанному, но при этом подтверждающего собственные слова говорящего, играет и метакоммуникативная конструкция *как (я) уже сказал(-а) / было сказано*:

92) *врач конечно эндокринолог // беседует с мужчиной страдающим избытком веса // ну ожирение у него равномерное как здесь уже говорили как раз то которое вредное ожирение // так / абдоминальное [И18, ж., 42, мед., высокий УРК, описание сюж.];*

93) *ну в общем закончили все счастливо школу / все счастливо поступили <смех> // все счастливо поступили / все закончили школу / как я уже сказала [И1, ж., 20, студ., низкий УРК, экстр., рассказ].*

Метакоммуникативное *да* с дискурсивными функциями позволяет говорящему продолжить монолог в том случае, если он не совершил ошибки в речи. В ситуации неточности ему необходимо исправить свою речь с помощью операции *самокоррекции*, средства выражения которой рассматриваются в следующем разделе.

4) Самокоррекция (65/7 %)

Самокоррекция – исправление ошибок и неточностей в собственной речи – свойственна любым спонтанным текстам, особенно монологам, в силу их неподготовленного характера, сиюминутного порождения. Метакоммуникативные единицы, осуществляющие самокоррекцию, связаны с теми элементами в речи, которые квалифицируются самим говорящим как ошибка. Стремление к самокоррекции отражает высокий уровень рефлексии информанта по поводу собственной речи. По частотности МЕ самокоррекции находятся на третьем месте после дискурсивных маркеров и метаединиц, отражающих поиск говорящим слова.

Существует ряд метакоммуникативных маркеров-конструкций, вводящих самокоррекцию, характерных для спонтанных монологов. Ниже представлены виды МЕ, помогающих информанту осуществлять самокоррекцию сказанного.

1. Самокоррекция, которая осуществляется с помощью отрицательных единиц *не* или *нет* (59 % всех видов корректирующих МЕ), является самым простым для говорящего способом опровергнуть предыдущее суждение (94), отменить выбор слова (95), уточнить значение слова (96) или перестроить синтаксис «предложения» (97):

- 94) *Лёнька с удовольствием пришёл / взял / леску / и предложил нам / а-а / нет // последовательность событий / нарушена // сначала мы / трясли дерево / но у нас ничего не получилось* [И12, ж.,45, мед., высокий УРК, пересказ сюж.];
- 95) *это другой (э-э) город / но в прошлом был очень важный город / потому что там (э) там был (э-эм) *Г / нет океан но (м) (э) / море // [угу] // море // но сейчас там около / этот город очень большой ()*

дамба / да? // [угу] // и сейчас (э-э) это закрыт / и только озеро и там / м... море [И2, ж., 27, нидерл., ТРКИ В1, интр., рассказ];

96) всё это [...] как конфетка всё сделано // приятно **нет** / **интересно** [И27, м., 43, юр., высокий УРК, интр., рассказ];

97) он тянулся к окошку краешком глаза <смех> **не** / **не так** / он тянулся к окошку / чтобы краешком глаза увидеть хотя бы небо / <смех> [И1, ж., 20, низкий УРК, студ., экстр., пересказ сюж.].

Конструкции с отрицанием – самый распространенный способ реализации самокоррекции говорящего в спонтанных монологах. В некоторых случаях при использовании отрицания информант (обычно инофон) не может подобрать новый элемент вместо старого (слова или фразы), однако сама метакоммуникативная попытка такого рода осуществляется:

98) я думаю что там был тоже (э) военный (э-эм) военный флот и военный музей / о / военный ф... флот // **но нет флот** / **но другой слов** // *Г но я не была внутри / там / в этом музее [И2, ж., 27, нидерл., ТРКИ В1, интр., рассказ].

В большинстве случаев говорящему, использующему МЕ самокоррекции, все-таки удается завершить процесс исправления и подобрать верное слово (форму слова):

99) в эт... в этой картине / мы можем / н-н // видь... [[н-н [[предпо... предпологало... предполо... предполо... га... лось что // ы-н [[это весной / и [[ы-н [всё [ы-н [все [ы-н [[стало / м-м [[жи... [ы-н [живы-ми // и-и ещё [м-м [ну [м-м [[м-м [на этой [ы-н [на [э-э на [э-э [[в этом дво... двор... цу // **нет** // ы-н [[на [на дворе... на дворец / ы-н [существуют / м-м [[красивое озеро м-м [И1, ж., 23, кит., В2, экстр., описание несюж.];

100) в общем / лопухи были <смех> / верхушки лопухов / что-то там / колыхались под ветром в поле / **ну не в поле** / **а на берегу Ветлуги** // как говорят на Ветлуге / какого-то цвету / не двери / ворота / что там / борта старой лодки [И1, ж., 20, низкий УРК, студ., экстр., пересказ несюж.].

Пограничным случаем можно считать следующий пример (101), где искомое слово (удочка), корректирующее неверное, отсутствующее в предтексте (невод), так и не находится информантом и заменяется описательным оборотом:

101) *вы забросили / не невод // нет // невод это в старину // ну / обычно / там / крючок / леска / червячок / на конце / а рыба не клюёт* [И12, ж., 45, мед., высокий УРК, пересказ несюж.].

2. В роли маркеров самокоррекции могут использоваться вводные слова *вернее, точнее* или *скорее*, указывающие на замену лексемы или уточнение ее значения, наиболее подходящего в данном контексте, по мнению информанта (13 %):

102) *сгу... сгущались тучки / **вернее**] **плыли** (...) то открывая небо / то закрывая небо* [И22, ж., 22, юр., низкий УРК, экстр., пересказ несюж.];

103) *мы **не знали** как его наказать // **вернее** / э-э ну **советовались** друг с другом / как его наказать* [И33, ж., 42, низкий УРК, мед., пересказ сюж.];

104) *вот в этом году **я** / э-э-э // **плавала** / на какой-то лодке // **точнее я-то не плавала** на лодке / **ехала** лодка/ а я была прицеплена к ним на парашюте / конечно здорово / но скучновато / я думала **пострашней** будет* [И1, ж., 20, низкий УРК, студ., экстр., пересказ несюж.];

105) *ааа у листвы дуба / помимо того что здесь три дуба дальше идёт / **деревья там** / **скорее на лес похоже** / значит поляна освещённая солнцем* [И15, м., 21, студ., низкий УРК, описание несюж.].

Вводные слова, такие как *вернее, точнее* и *скорее*, в спонтанной речи имеют метакоммуникативные функции, помимо традиционно выделяемых для них функций уточнения, служат для того, чтобы скорректировать сказанное, помогая информанту продвигаться в построении монолога и улучшать оформление своих высказываний.

3. Самокоррекция, имеющая языковое выражение в виде «предложения» с союзом *или* (8 %), наиболее ярко отражает сомнения информанта по поводу сказанного. В таких случаях МЕ не отменяет того, что говорящий уже сказал, но ставит это под сомнение. Информант с помощью *или* предлагает альтернативную трактовку описываемых или пересказываемых событий:

106) *вдалеке виден небольшой дом / **дом или небольшой дом** / **или это может быть даже большая беседка*** [И2, м., 25, преподаватель РКИ, высокий УРК, описание несюж.].

Показателен следующий пример (107), в котором информант начинает предлагать альтернативный вариант описания изображения, но уже в момент произнесения отменяет эту возможность и соглашается с первым произнесенным вариантом (*дубы – да дубы*):

- 107) *дубы такие стоят / **или да** / дубы по листикам судя дубы* [И10, ж., 21, студ., средний УРК, описание несюж.].

Рефлексия говорящего над произносимым им текстом происходит также с использованием глагола говорения (ср. определение метакоммуникации как «текста о тексте») с зависимым обстоятельством (*правильнее*), что отражает метакоммуникативный характер описываемых маркеров:

- 108) *забросив удочку / он **вытащил** / или **правильнее сказать** / выловил замечательную / огромную рыбу* [И24, м., 36, юр., низкий УРК, экстр., описание сюж.].

Сомнения в произношении того или иного слова также эксплицируются говорящим с помощью коррективного противительного союза *или*, см. пример (109), в котором информант затрудняется в постановке ударения в имени собственном:

- 109) *но ещё Чѳ́клин / Чиклѳ́н Чѳ́клин / Чиклѳ́н / мне так больше нравится / но ещё Чиклѳ́н и Елисей / так **Чиклѳ́н** или **Чѳ́клин** / действительно* [И1, ж., 20, низкий УРК, студ., экстр., чтение сюж.].

4. Самокоррекция, реализуемая усилительной частицей *всѳ-таки* в сочетании с единицами, выражающими сомнение, например, с вводным словом *наверное* и с союзом *но* (3 %):

- 110) *и хотя есть проблески солнца и где-то вдали проглядывается / такое голубое немножко покрытое дымкой / сероватой дымкой небо / **вероятно это не осеннее** / **это наверное летнее всѳ-таки** небо / **хотя вот** желтоватые краски уже / появились / на кронах деревьев / **но всѳ-таки осеннее небо бывает более ярким*** [И12, ж., 45, высокий УРК, мед., описание несюж.].

Здесь всё построение синтаксической конструкции носит противопоставительный характер: *вероятно это не – это наверное, хотя вот – но всѳ-таки*, и оно усиливается уступительным придаточным с союзом *хотя*.

Всё-таки маркирует окончательный выбор говорящего в пользу скорректированного варианта, который он предлагает после ошибочного (подчеркнем, что ошибочного не с точки зрения литературной нормы, а в рамках языковой компетенции говорящего и его представлений о речевой норме):

111) *да / видимо / пациент пришёл к доктору // и видимо насчёт / похудения всё / похудания всё-таки* [И25, ж., 45, мед., низкий УРК, описание сюж.].

5. Самокоррекция может осуществляться также введением в речь восклицательного междометия *а!*, с помощью которого говорящий выражает понимание того, что он неверно произнес то или иное слово (3 %). Этот тип введения самокоррекции встретился только при чтении текстов:

112) *сии столь оклеветанные см<...> а! оклеветанные <...> нет <...> оклеветанные с<...> ладно / оклеветанные смотрители вообще суть мирные <...> люди от природы услужливые / склонные к общежитию / скромные в притязаниях на почести и не слишком сердо<...> сребролюбивые* [И7, м., 24, низкий УРК, студ., чтение несюж.].

6. Междометие *ой!* также маркирует самокоррекцию говорящего при неверном произнесении слова или фактической ошибке:

113) *очень я люблю иногда такое настроение находит что / хочется ну так полежать / ну / прям ничего больше и не надо / особенно вот у меня бывает бывает такое / э-э-э / какая-то депрессия видимо начинается / особенно между осенью // ой / ну да / от осени к зиме // прям ужас какой-то* [И1, ж., 20, низкий УРК, студ., экстр., рассказ];

114) *значит / здесь рассказывается об одном дне // (аа) который был не очень жарким / не очень холодным // (ээ) [потому что небо] ой / не небо [...] сол... солнце / не так жарило* [И22, ж, 22, юр., низкий УРК, экстр., пересказ несюж.].

Используя восклицательные междометия (в материале исследования встретились только *а!* и *ой!*), информант реагирует на неточность в речи и исправляет ее. Ошибки такого рода можно называть замеченными и исправленными.

Вместе с маркерами самокоррекции *не* или *нет* может использоваться и развернутый рефлексив. Часто он представлен конструкцией с глаголом говорения (иногда модальным глаголом возможности), например:

- 115) *я бы сказала тополь какой-нибудь / две таких больших широких / **нет** / **широких нельзя сказать** / ну вот тут два таких / достаточно крупных* [И6, ж., 21, средний УРК, студ., описание несюж.];
- 116) *или у них там просто наверно беда с пожарными / недостаток / вот поэтому всего лишь по двое пожарных ездят на ээ пожарных машинах / может это просто были спасатели / **хотя я бы так не сказал** / **потому что** у них пожарные каски шлемы / такие обычно у спасателей* [И13, м., 20, студ., низкий УРК, описание сюж.].

В группу метакомментариев при маркерах самокоррекции включаются также и почти словарные дефиниции лексемы – малоупотребительное, сниженное, устаревшее, — которые дают сами носители языка:

- 117) *вы забросили / **не невод** // **нет** // **невод это в старину** // ну / обычно / там / крючок / леска / червячок / на конце / а рыба не клюёт* [И12, ж., 45, высокий УРК, мед., пересказ несюж.].

Информант при коррекции своей речи может объяснять произошедшую заминку, связанную с длительной (по мнению говорящего, а не в абсолютной мере) паузой при чтении, а также с невозможностью однозначно решить проблему произношения того или иного слова, ср.:

- 118) *Берестов и стремян<...> и стремянный <...> стремянный <...> **стремной я бы сказала** / закричали во всё горло / пустили собак следом / поскакали во весь <...> опор // лошадь Муромского / не бывшая никогда на охоте / испугалась и понеслась <...> и понесла* [И21, ж., 23, высокий УРК, студ., чтение сюж.].

Интересно, что говорящий стремится защитить изначальную точку зрения даже после совершения самокоррекции:

- 119) *на / заднем / фоне картины / по-видимому источник света расположен / я думаю что всё-таки это закат // **хотя можно думать нет** / скорее всего закат **хотя если кто-то со мной может поспорить то можно было бы думать что это и раннее** / очень утро / но я склоняюсь в сторону заката потому что очень такие жёлтые тона насыщенные* [И23, ж., 43, средний УРК, мед., описание несюж.].

В монологах может встречаться развернутая защита собственной позиции, компетентности в каком-либо вопросе, связанная с совершением фактической ошибки, например, мена названий государств:

120) *потом очень бы хотела бы съездить в Южную Америку / там в Португалию или Аргентину /// ой / <смех> не в Португалию / а в Бразилию / я думала про Бразилию / а сказала Португалия <смех> // очень хотелось бы в Бразилию или Аргентину / я не то сказала / по географии у меня 5 было всю жизнь / практически / так что я в курсе дела где Португалия где Бразилия* [И1, ж., 20, низкий УРК, студ., экстр., рассказ].

Метакоммуникативные единицы, вводящие самокоррекцию, неизбежно употребляются в любых типах спонтанной речи, помогая говорящему упорядочить ее и тем самым справиться со стихией устной речи.

5) Экспликация сомнений (48/5 %)

Один из типов эксплицирующих (выражающих какие-либо выводы говорящего относительно собственного монолога) метакоммуникативных единиц – это экспликация говорящим сомнений, возникающих в ходе построения речи.

Чаще всего сомнения говорящих по поводу фактов, приводимых ими в речи, выражаются с помощью вводных конструкций *как/насколько я понимаю, насколько я знаю, боюсь соврать, если не ошибаюсь*:

121) *трёхэтажный домик или двухэтажный // окружённый деревьями /// это как я понимаю...* [И2, м., 21, средний УРК, студ., экстр., описание несюж.];

122) *так / ну как я понимаю / значит / где-то / существует шалаш / какой-то в лесу* [И4, ж., 44, мед., низкий УРК, описание несюж.];

123) *в таких домиках дрова хранятся насколько я знаю // ну может быть там ещё какие-то / мм пули картечины чем вот они там пользуются* [И23, ж., 43, мед., средний УРК, описание несюж.];

124) *мой выходной // выходной } ээ боюсь ээ соврать но / четвёртой заповеди // Моисеева закона / должен быть посвящён Богу* [И16, ж., 46, высокий УРК, юр., экстр., рассказ];

125) *самый красивый пляж / который раньше стоил вход / когда я был там семьдесят седьмом / году / он стоил если не ошибаюсь } чуть ли не рубль* [И12, м., 43, высокий УРК, юр., амб., рассказ];

- 126) *а вот там вот ещё вижу / по-моему это лебеди / два / **хотя может быть я ошибаюсь** / но кажется что они так плывут грациозно // всё / хватит* [И7, ж., 26, преп. РКИ, высокий УРК, описание несюж.].

Более характерной для спонтанной речи является постпозитивная конструкция *я так понимаю / так я понимаю*, своеобразный рефлексив с оценкой сказанного как вероятной трактовки, одной из возможных, а не абсолютной, единственно верной:

- 127) *значит / толстый мужчина / пришёл / на приём [да-да] к врачу // [хорошо] // **так я понимаю** // [да-да] // врач // пришёл к врачу* [И6, ж., 46, низкий УРК, мед., описание сюж.];
- 128) *а дальше это видимо должно быть продолжение **я так понимаю** / почему-то человек тот же / но перо у него одно // оста... / а это он да / а почему у него причёска другая / ну в общем этот стражник какой-то непонятный* [И1, ж., 20, студ., низкий УРК, экстр., описание сюж.];
- 129) *ну хозяйка рада / **я так понимаю** за / хочет вознаградить хозя... / пожарников* [И15, м., 19, студ., низкий УРК, описание сюж.];
- 130) *он значит идёт] (ээ) домой / через село / **я так понимаю** / потому что тут вон куча / уже толпа стоит* [И28, ж., 29, юр., низкий УРК, экстр., описание сюж.].

Метакоммуникативная единица, выражающая сомнение, встретила в контекстах припоминания информации в монологах-пересказах и выражена конструкцией *насколько я помню*:

- 131) *потом кот / э-э **насколько я помню** попал в подвал и из подвала тоже было его никак не выманить* [И23, ж., 43, мед., средний УРК, пересказ сюж.];
- 132) *колбаса у кота **насколько я помню** / выпала э... вот / значит // и-и кот соскочив с этого дерева м... куда-то под дом э... заскочил / в какую-то значит там / лаз* [И4, ж., 52, преп. РКИ, высокий УРК, пересказ сюж.].

В монологах-чтениях вероятны экспликации сомнений информанта по поводу произношения того или иного слова, обычно имени собственного, связанные также с вводом самокоррекции в речь (о маркерах самокоррекции см. предыдущий раздел работы):

- 133) *сии столь оклеветАнные см<...> а! оклеветАнные <...> нет <...> оклеветАнные с<...> ладно / оклеветАнные смотрители вообще*

суть мирные <...> люди от природы услужливые / склонные к общежитию / скромные в притязаниях на почеЕсти и не слишком сердо<...> сребролюбивые [И7, м., 24, студ., низкий УРК, чтение несюж.];

- 134) *далее высились красивые // осокОри (спрашивая) // и величавые сосны // осОкори наверно // (вздыхая) в одном месте на вырубке белели клади досок свежие брёвна и срубы а в нескольких сАженях... [И4, м., 21, студ., средний УРК, экстр., чтение несюж.].*

Выражение сомнений в ходе построения речи позволяет информанту снизить категоричность своих оценок и суждений, снять с себя ответственность за произносимое, размыть значение фразы (ср. функции маркера неуверенности *как бы* в устной речи). В диалогической речи эти функции иногда более заметны (подробнее об этом см.: Якубова 2016), однако и в монологической речи говорящий часто использует метакоммуникативные единицы, выражающие сомнение в постулируемой информации, со сходными коммуникативными намерениями.

б) Экспликация забывания и припоминания (45/5 %)

Метакоммуникативные единицы, выражающие тот факт, что говорящий забыл какой-либо факт или слово, структурно связаны с такими МЕ, которые выражают припоминание этой информации или лексемы; это типичный пример парных элементов метакоммуникации. В спонтанных монологических текстах неизбежно возникают моменты забывания информантом слова или факта текста, сталкиваясь с которыми говорящий может эксплицировать свои ментальные затруднения или свое отношение к ним. Экспликация забывания и припоминания обычно демонстрируется информантом с помощью типичных конструкций, которые рассмотрены ниже.

Основная функция МЕ, выражающих забывание, – это указание информантом на утрату необходимого для построения текста элемента с интенцией его восстановить. Все типы экпликации забывания можно разделить на две смысловые группы: забывание какого-либо слова, необходимого для построения речи (135), или забывание факта предтекста

(136) (предтекста в широком смысле – пересказываемого текста, описываемого изображения, жизненного события):

135) *ну я конечно люблю очень я уже не помню / когда так здорово / ходила я гулять к Петро... / к Петра... /// к Петропавловской /// крепости // забыла как это называется надо пройтись по музеям // <смех> и ходила я / ну там же эта река Нева типа / все дела [И1, ж., 20, студ., низкий УРК, экстр., рассказ];*

136) *позвали / соседнего / парнишку / Лёньку // кем он был // сыном / не помню кого уже <смех> Лёнька с удовольствием пришёл [И12, ж., 45, мед., высокий УРК, пересказ сюж.].*

Экспликация забывания слова (24/53 %) встретилась в спонтанных монологах разного типа чуть чаще, чем выражение забывания факта (21/47 %).

Существует несколько основных метакоммуникативных конструкций, с помощью которых говорящие показывают забывание слова или факта в тексте.

1. МЕ, эксплицирующие забывание, могут быть выражены глаголами со значением забывания – *забыл(-а)* или *не помню*:

137) *мы не знали как поймать рыжего кота который каждую ночь нас обворовывал // вот забыла // [ну что помните] последний раз он украл значит колбасу [И25, ж., 45, мед., низкий УРК, пересказ сюж.];*

138) *я *П пробу... я про-бы-ла(:) э-м *П пельмени(:) *П борщ *П водка *П пиво *С *П блины *П не помню [ЭЖ, ж., франц., ТРКИ В1, экстр., рассказ].*

Этот тип конструкций, служащих для экспликации забывания, является самым частотным в устной монологической речи (16/43 %).

2. Конструкция *как его называют / это называется* также может эксплицировать забывание в устной речи (4/11 %). Такого типа МЕ может иметь как максимально сжатый вид – до одного слова *как* (139), так и максимально развернутый – *как же они называются* (140), ср. также просторечный вариант реализации конструкции – *как его/ее/их звать* (141):

139) *э-э приметы бывают простые и сложные и наибольшее / э-э более / э-э пожалуй к более сложным относятся / м-м как в тексте // конец //*

и к наиболее сложным относятся пожалуй наш взор / э-э
окружающую / природу [И12, ж., 45, мед., высокий УРК, пересказ
сюж.];

140) *вообще я люблю конечно такие игровые семинары / где интересно
проводить время / всякие у нас / э-э-э / **игры / же как они
называются / ой ролевые игры / ролевые игры всякие оч интересно***
[И1, ж, 20, студ., низкий УРК, экстр., рассказ];

141) *не знаю / психотерапевт / или кто он / но по крайней мере ведёт
себя / явно не как / *П врач / который там / *П как его звать /
который выслушивает / прислушивается и прописывает что-то*
[ИЗА, преп.-филос., высокий УРК, описание сюж.].

В диалогах конструкции *как это, как его/ее/их* встречаются чаще, чем
в монологах (Верховцева 2016). Функция этой конструкции не
ограничивается только демонстрацией забывания, говорящие используют ее
также для поиска слова (о поисковых МЕ см. ниже). Разграничение этих
тесно взаимосвязанных функций данных конструкций в реальном материале
живой речи, по-видимому, невозможно.

3. Второй по распространенности в монологическом материале
является контаминация двух вышеописанных конструкций: *не помню/
забыл(а), как (это) называется* (9/24 %), которая является
сложноподчиненным «предложением»:

142) *Лёнька был э... сыном деревенского сапожника / и славился своим
бесстрашием / э... Лёнька прибежал / привяз... э... / притащил с собой
лазку / деску или лазку / не помню как это называется / и привязал к
ней маленькую плотвицу / рыбку* [И7, ж., 26, преп. РКИ, высокий УРК,
пересказ сюж.];

143) *(э) я бы(:)л была в Танжи(:)н и(:) в(:) / (а-а) / я забыла как
называется / но (э-э) недалеко от Приморской / метро (эм-м) это
суши бар* [И5b, ж., амер., ТРКИ А2, рассказ].

Интересно, что сходную конструкцию *я забыл(-а) как (это) (будет) по-
русски*, с помощью которой говорящий на неродном языке экплицирует
забывание и поиск слова, иногда используют не только инофоны (144), но
и носители русского языка (145). В последнем примере (145) (для сравнения
использовался подкорпус «Истории о подарках и катании на лыжах» из
коллекции «Рассказы о сновидениях и другие корпуса звучащей речи»

А. А. Кибрика, В. И. Подлесской и др.; отсюда и несколько иные принципы расшифровки материала) это явно мотивировано отсутствием односложного глагола в русском языке для выражения процесса катания на лыжах:

- 144) *В (ам) (м) *П *ц я была в *П Дубае / *П и(:) *П *ц (а(:)) *П это ресторан *П *ц Невский проспект / *П (ам) *П называется / **я забыла как по-русски** / *В но(:) по-английски называется *Welby bar* *П очень вкусны(:)й (ээ) *П вс... штейк [И5b, ж., амер., ТРКИ А2, рассказ];
- 145) *Мужчина просыпается утром. Такой прям, правильный у него день, он проснулся, решил пойти (м-м) покататься там-м == Ски. Я забыла как это по-русски будет. {СМЕХ} А, решил короче на лыжах покататься!* [И7, ж., 24].

4. Последний, наименее распространенный, способ экспликации забывания в речи осуществляется с помощью конструкций (*я забыл(-а) что там было дальше* (5/13 %), которые помогают информанту, например, возобновить пересказ, не упуская деталей сюжета, сконцентрироваться на ключевых событиях предтекста:

- 146) *такое действие наше // и / что дальше // что было // так что там было дальше // про кота // (нрзб.) то что позвали Лёньку / то что он / посоветовал по... / вытащить его* [И33, ж., 42, мед., низкий УРК, пересказ сюж.].

Существуют и устойчивые метакоммуникативные единицы, служащие для экспликации припоминания того, что было забыто. Однако в 70 % проанализированных примеров такое припоминание никак не маркируется, кроме паузы:

- 147) *з-зелень всяческая приятно дышать очень хорошо // и-и-и деревянная / э-э-э я забыла как называется / беседка деревянная* [И1, ж., 20, низкий УРК, студ., экстр., описание несюж.];
- 148) *э-э приметы бывают простые и сложные и наибольшее / э-э более / ээ пожалуй к более сложным относятся / м-м как в тексте // конец // и к наиболее сложным относятся пожалуй наш взор / э-э окружающую / природу* [И18, ж., 42, высокий УРК, мед., пересказ несюж.].

В спонтанной монологической речи встретились два маркера, сопровождающие припоминание элемента. Один из них реактивный глагол *вспомнил(-а)*, а также *помню* в переносном употреблении:

- 149) *слова́ [...]] слово предпоследнее //// самая хорошая погода для земледельца <смех> это я помню!* [И38, ж., 36, юр., низкий УРК, экстр., пересказ несюж.];
- 150) *оправдать желания моих родственников и близких тоже в плане моего / э-э-э / само... / ой / са-амо... / ой ой / слово забыла / самооо... / ну в общем ладно / вспомню скажу* [И1, ж., 20, студ., низкий УРК, экстр., рассказ];

и спустя страницу расшифровки монолога информант все-таки вспоминает слово, обрабатывающееся в его оперативной памяти на протяжении всего процесса говорения:

- 151) *но конечно и добиваться хочется / самореализация / я вспомнила это слово / очень хочется самореализоваться* [И1, ж., 20, студ., низкий УРК, экстр., рассказ].

Говорящий (в последнем примере), рассказывая о своих мечтах, забывает слово *самореализация* и обещает себе (и экспериментатору) сказать его, когда вспомнит (*вспомню – скажу*). Это происходит, но спустя уже 1,5 минуты развития монолога, что демонстрирует скорее большой объем оперативной памяти информанта, позволяющий обрабатывать сигнал «вспомнить слово» в течение долгого времени, параллельно с процессом порождения речи, чем о плохом ее качестве, что могло бы показаться при первичном анализе причин забывания слова.

Восклицательное междометие *а!* также позволяет маркировать наше неожиданное припоминание. Восклицание позволяет прервать текущее построение речи, оставить незаконченным или приостановленным предыдущее высказывание и произнести то, что вспомнилось, именно сейчас, не помещая его снова в фоновый фокус кратковременной памяти:

- 152) *ну а так вот в Тауэр я не попал / потому что надо было куда-то ещё] идти... я уж не п... аа! был праздник / был праздник / мм Успенья Божьей матери* [И27, м., 43, юр., высокий УРК, интр., рассказ];
- 153) *весь день / весь день погода производит ощущение кротости / спокойствия / ласковости // э-э // лёгкости / светлости // куча подобных прилагательных разбросанных по тексту // э-э иногда / в такой де... / а! // там / ещё серебристый дождик там падал* [И8, м., 34, комп., средний УРК, амб., пересказ несюж.].

Принято говорить об успешности того или иного речевого акта, о достижении говорящим изначальной коммуникативной установки. Сходным образом и процесс припоминания может завершиться по-разному, в соответствии с изначальной интенцией говорящего вспомнить слово или факт. Может быть совершен эксплицитный отказ от припоминания:

154) *собачка почувствовала (э-э)] какой-то тошнотворный сладкий запах // всё в голове закрутилось / перемешалось // всё! не помню! ведь это мое любимое кино между прочим / и не читайте советских газет* [И23, ж., 35, низкий УРК, юр., экстр., пересказ сюж.].

Интересно, что в примере (154), несмотря на формальный отказ от припоминания, есть сопровождающие его аргументы в пользу компетентности информанта, некоторая защита успешности речевого акта. Так, вводящееся с помощью *между прочим* замечание о том, что «Собачье сердце» является любимым фильмом информанта и цитирование фразы из него («Не читайте за завтраком советских газет!») позволяют говорящему, несмотря на своеобразную коммуникативную невозможность успешного припоминания, не позволяющую полностью выполнить речевое задание пересказа, удачно завершить свой монолог.

На рис. 9 представлено количество случаев в спонтанных монологах, когда забытое слово восстанавливается. На рис. 10 показано количество припомненных фактов из предтекста.

Как видно из рисунков, в монологической речи гораздо чаще вспоминается забытое говорящим слово, чем эксплицированный как забытый факт предтекста.

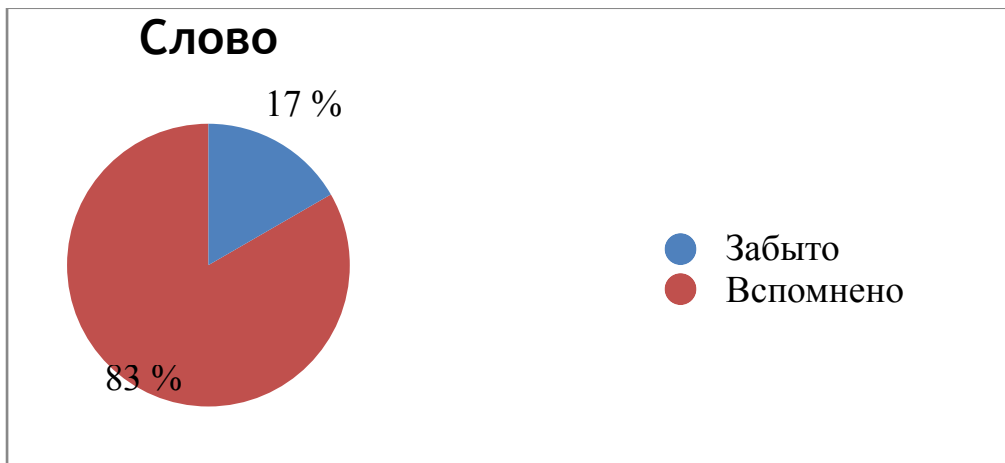

Рис. 9. Количество забытых и припомненных слов в спонтанных монологах

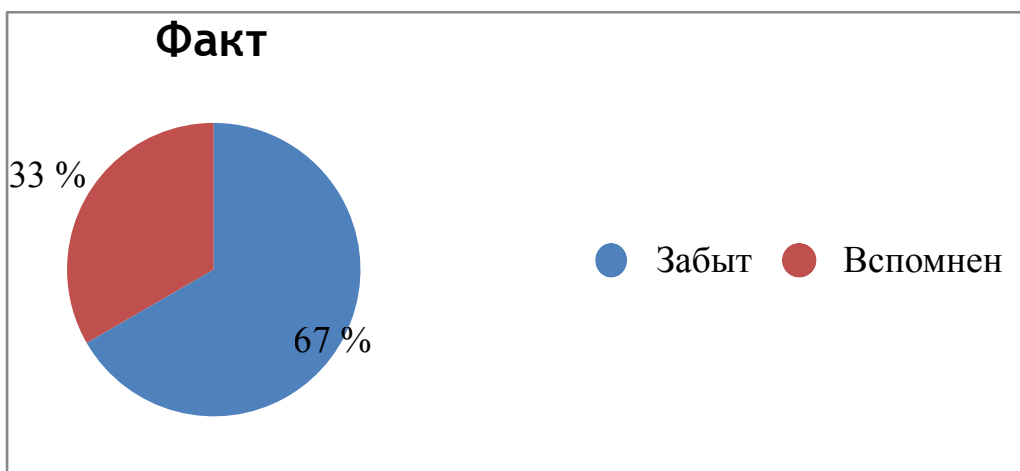

Рис. 10. Количество забытых и припомненных фактов в спонтанных монологах

Припоминание в речи может быть точным и неточным. Оценка точности восстановления слова может производиться путем сравнения исходного текста для пересказа и той лексемы, которая была употреблена во вторичном тексте информанта:

- 155) *привёз печальную / печальное известие печальную новость о том что около могилы Арины Петровны был найден // <смех> труп холодный / гоголевский персонаж этот <смех> // убей не помню как же его там ещё раз называли / Порфирий // Владимирович // Порфирий Владимирович был найден около могилы [И1, ж., 20, студ., низкий УРК, экстр., пересказ сюж.].*

В случаях неточного припоминания чаще всего вместо забытого слова используется описательный оборот, ср.:

- 156) *о таком дне] (aa)] может мечтать только (...) забыла кто может мечтать / тот <смех> который убирает хлеб* [И21, ж., 28, юр., низкий УРК, амб., пересказ сюж.].

Рис. 11 показывает частотность точного и неточного припоминания слова в монологической речи.

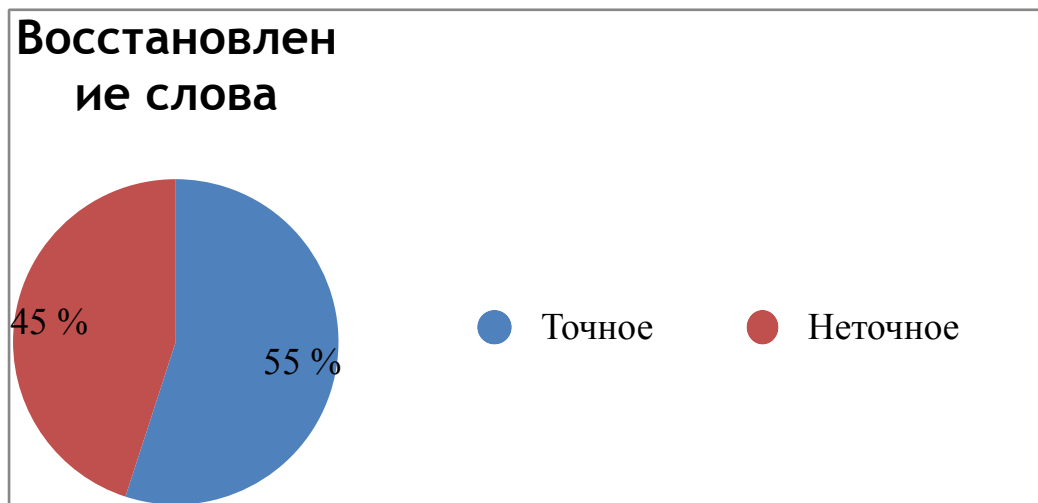

Рис. 11. Соотношение типов припоминания слова в устных монологах

В монологической речи забытое слово восстанавливается точно несколько чаще, чем с помощью описательного оборота. Припоминание факта в исследуемых спонтанных текстах всегда было точным, поскольку в ином случае говорящий просто отказывался от припоминания и констатировал собственное забывание.

7) Экспликация затруднений в построении речи (41/4 %)

Метакоммуникативные единицы, с помощью которых информант выражает затруднения, возникающие у него в ходе построения речи, чаще всего представляют собой комментарии по поводу сложности речевого сценария (пересказа или описания, особенно несюжетных текстов и изображений), лежащего в основе монолога:

- 157) *э-э в городе приметы нам заменяют / ээ назв... / э-э огненную рябину нам заменяют синие эмалированные таблички с названием улицы // приметы передаются по радио // э-э господи // как / <смех> сложный текст // приметы передаются по радио* [И20, ж., 32, мед., высокий УРК, пересказ несюж.];
- 158) *что это? это наверно отдельный домик / это скорее всего / это не деревня / я так понимаю // это как] небольшой уезд / своего рода //--//*

ну] в принципе / да / **тяжеловато конечно** / **описывать такую картину** // ну скажем так / ещё неглубокая осень / не совсем глубокая осень / скаж... нам... может быть / даже начало осени [ИЗ8, ж., 36, юр., средний УРК, описание несюж.].

Сюжетные тексты также рожают неуверенность информанта в собственных силах в отношении пересказа:

159) **ну этот текст рассказывать посложнее / потому что с одной стороны вроде бы м... здесь (э) описание действий таких (э) активных со стороны кота** // (э) вот (э) // **но с другой стороны / они описаны настолько подробно что уже казалось бы / кажется что и пересказывать нечего** // хотя ситуация очень конечно забавная // (м) (э) где-то по всей вероятности за городом значит / вероятно у дачников / (м) поселился / или жил там всё время (э) рыжий кот [И4, ж., 52, преп. РКИ, высокий УРК, пересказ сюж.];

160) **затем распахнулась дверь** //// (аа)] **засиял свет ии**] (мм) / **да! сложновато так!** значит (аа)] **засиял свет ии** (ээ) [ИЗ, ж., 29, юр., высокий УРК, амб., пересказ сюж.].

Отметим, что основными маркерами экспликации затруднений являются характеризующие текст лексемы с семантикой трудности: *трудно* (*описывать*), *сложно(-ый)* (*текст*), *тяжелое* (*задание*):

161) **трудно рассказывать когда не помнишь чья картина / стыдно** // так (э) на картине (э) изображён пейзаж // (э) центральная часть пейзажа / водное пространство // какой-то видимо не очень не очень большой / но довольно глубокий водоём видимо // или большое озеро / или залив [И2, м., 25, преп. РКИ, высокий УРК, описание несюж.];

162) **ну существует ещё ряд очень / более / про природу мне конечно сложно очень** // м-м очень сложных / примет [И4, ж., 44, мед., низкий УРК, пересказ несюж.];

163) **иногда ему удаётся удачно скатиться с горы** // иногда его постигает большая неудача // что отражается на его эмоциональном поведении / и самочувствии в конце концов он / **тяжело извините пожалуйста** // так в конце концов настроение испорчено окончательно / похоже что несмотря на то что он находится один он кричит [И28, ж., 36, мед., средний УРК, описание сюж.].

Помимо этого, для выражения затруднений в речи используются конструкции *не знаю, не понимаю / не понятно, не могу (пере-)сказать* или *описать*:

- 164) *ам мм три дерева // трою / трава // слушай я не знаю что говорить просто* [И7, ж., 21, студ., средний УРК, описание несюж.];
- 165) *ну например по костру можно / определить погоду видимо // потому что так написано немножко очень между прочим не очень понятно написано когда не знаешь примет то читать это не запоминается / а это когда ты их знаешь то это между прочим легче* [И25, ж., 45, мед., низкий УРК, пересказ несюж.];
- 166) *честно говоря / я очень плохо / воспринимаю такого рода искусство // *П вот / поэтому кроме / так сказать / *П для меня / относительно бессмысленных / (э) рисунков / этого белого человечка // *П вот / который видимо / катается на лыжах // *П я / особо / ничего про этот рисунок / сказать не могу* [И5А, филос., высокий УРК, описание сюж.];
- 167) *после того как кот получил великолепный ужин / даже не могу пересказать // <смех> он был сытый / и заснул около печки // и с тех пор он больше никогда / не воровал* [И1, ж., 41, мед., средний УРК, пересказ сюж.];
- 168) *занудство какое / я не могу пересказывать / реально // у меня пересказ две секунды займет наверно / серьёзно // я не знаю с чего начать / честно говоря /// могу вот так слова подряд все рассказать / ну не все / конечно /// <смех> в общем* [И1, ж., 20, студ., низкий УРК, экстр., пересказ несюж.].

МЕ, выражающие трудности при (вос-)произведении текста, встретились и в монологах-чтениях, при прочтении вслух длинных синтаксических построений исходного текста или в ситуации столкновения информанта с незнакомым словом или новым для него употреблением известного слова:

- 169) *Муромский не мог отказа<...>ться / ибо чувствовал себя обязанным / и таким образом Берестов возвратился домой за <...> со славою / затравив зайца и ведя своего противника раненым и почти <...> военнопленным // мать моя* [И21, ж., 23, студ., средний УРК, чтение сюж.];
- 170) *велел оседлать куцую свою <...> кобылку и рысью а-а <...> и рысью поехал сквозь <...> блин! // и рысью поехал около своих* [И20, ж., 24, студ., средний УРК, чтение сюж.].

В примере (169) информанта могли смутить как длина предложения и сложность его синтаксического построения, так и необычное, переносное употребление лексемы *военнопленный* в сочетании с наречием *почти*.

В примере (170) жаргонный эвфемизм *блин* включается в речь по нескольким причинам: во-первых, информант только с третьего раза смог правильно прочесть слово *рысью* (это устаревающая лексема с ограниченной фразеологической связанностью), во-вторых, имело место иное коммуникативное ожидание информанта при прочтении сочетания глагола с предлогом: *поехал сквозь* вместо *поехал около*. Эти факторы и побудили говорящего использовать экспрессивное междометие при чтении отрывка из повести А. С. Пушкина.

В свободном рассказе затруднения по поводу построения речи встретились чаще всего у иностранцев, для которых русский язык не является родным, однако в монологе двух женщин-медиков также встретилась такого рода МЕ:

- 171) [расскажите о Ваших впечатлениях о Санкт-Петербурге] // (э-эм) *Ц ну это трудно по-русски но(:) *С // мне очень нравится Петербург / и (э-эм) // я раньше была в Москве / и но думаю что я (э-эм) / мне больше нравится (эм) здесь да *С [И9, ж., 21, нидерл., ТРКИ В1, экстр., рассказ];
- 172) *С (аам) / *П как / *П (а-а) / как не все здания / как Спас Спас-на-Крови // *С *В (а-а) / *П (и-и) / даже переделали многих () зданий / в аптеках / аптеки // *П и так далее // *П (ам) / *П и / *П ну я не знаю / это / сложно / *П сказать / и чт... / я не(:) *П надо *П / *П надо подумать / чтобы сказать точно / но / тоже // *В просто / может быть / темп / жизни или / *П но(:) / например / *П (а-а) / так много движения на улице / *П я просто / этого не представляла [И3а, ж., амер., ТРКИ В1–В2, рассказ].
- 173) за ягодами ходим в лес // за грибами / ну так по дому / де... / по дому / в общем-то // вот / ну так / <смех> так это сразу / не это самое / (нрзб.) [не сообразишь] / сразу как-то вот / не связать // вот // потом значит / на рыбалку / так ходи... / на рыбалку ходим [И5, ж., 43, низкий УРК, мед., рассказ].

Рефлексия говорящего обычно проявляется после возникновения затруднений в речи, в примере (174) информант (преподаватель РКИ) компетентно связывает сложности, возникшие при продуцировании монолога, с его спонтанным характером, оценивая свою речь как

неподготовленную (об оценивании своей речи как метакоммуникативе см. далее):

174) князь Андрей увидел на: / краю дороги дуб / такой старый дуб / огромный // (э) с длинными (м-м) // **не-не я я / я не могу // так и будет / да / так и будет // спонтанно / это спонтанно // так / это был огромный дуб / м-(м) / с корявыми / (м-м) / с несимметричными ветками** [И1, ж., 40, преп. РКИ, высокий УРК, пересказ несюж.].

Оценивая свою способность к построению связного монологического текста-описания, информант может связывать ее с собственными когнитивными умениями:

175) что здесь написано? «Золотой сентябрь» / я его даже / не прочитала <смех> **больше не могу моего вооб... воображения не хватает** [И34, ж., 35, юр., низкий УРК, экстр., описание несюж.].

Одной из стратегий информанта при экспликации трудностей может служить юмористический комментарий по поводу невозможности продолжения речи:

176) так / картинка в общем она не фотография / хотя очень похоже / нарисовано Шишкиным / очень красиво я бы хотел там сейчас оказаться // ну большое количество фрактальных объектов // с нашей зимой такое лето // ну что красиво и всё // **я много не умею говорить / могу красиво молчать // удивительно / людей нет** [И14, м., 20, студ., низкий УРК, описание несюж.].

Такой метакомментарий позволяет снизить коммуникативное напряжение, возникшее в результате совершения ошибки при выборе лексемы, передаче факта текста, запинки и т. п.

Экспликация трудностей часто встречается в текстах информантов, использующих также экспликацию сомнений и забывания слова или факта текста. Допуская ошибки в речи, человек может проговорить ту трудность, которая возникает, тем самым взяв время для обдумывания последующих мыслей и избежав заминки или неловкости в трактовке того или иного факта текста. Эксплицирующие МЕ образуют цепочки, которые, с одной стороны, прерывают текущий тематический фрагмент в монологе, а с другой, помогают информанту выстроить текст, подобрать нужное слово или уточнить свое отношение к высказываемому.

8) **Оценивание собственной речи (35/4 %)**

Прототипический случай метакоммуникации в устной речи – это оценивание различных элементов своего монолога, от фонетических и лексических до синтаксических и стилистических. Такие МЕ демонстрируют языковой вкус говорящего, его представления о речевой норме, его собственную оценку своей речи с точки зрения грамотности, вариативности, лексического и синтаксического разнообразия:

- 177) *но ещё Чиклин / Чиклѐн Чѐклин / Чиклѐн / мне так больше нравится / но ещё Чиклѐн и Елисей* [И1, ж., 20, студ., низкий УРК, экстр., чтение сюж.];
- 178) *так вкусно / самые вкусные овощи это своерожденные / вот // какое интересное словцо* [И1, ж., 20, студ., низкий УРК, экстр., рассказ];
- 179) *а можно воспринимать совершенно иначе // как возможность / и это не высокие слова / а возможность общения с природой* [И12, ж., 45, мед., высокий УРК, рассказ];
- 180) *на картине изображены дубы // глубокомысленная мысль* [И9, ж., 19, студ., средний УРК, описание несюж.].

Рефлексия говорящего по поводу своей речи выражается также с помощью конструкций, комментирующих уже подобранное слово и оценивающих его как уместное в данном контексте, однако выражающих и сомнение говорящего в правильности такого употребления лексемы. Эти конструкции связаны с поисковой функцией (о которой см. далее), но располагаются они не до искомого элемента, а уже после найденного. Это своеобразный речевой рефлексив *скажем так* (15 контекстов / 43 % всех оценок речи):

- 181) *но приобретением своим / скажем так / этим прудом / уже воспользоваться не смог / в итоге* [И6, м., 40, юр., высокий УРК, амб., описание сюж.];
- 182) *потому что она вся в таком жёлто-зелёном тоне / когда / зелень уже не яркая а довольно / ну не первой свежести скажем // а / такая / пожухлые листочки немножечко* [И23, ж., 43, мед., средний УРК, описание несюж.];
- 183) *то есть [отдохнули душой / и телом в бане так скажем* [И20, м., 35, юр., низкий УРК, экстр., рассказ].

МЕ *скажем так* является одним из средств, которым говорящий маркирует совершенный выбор слова или выражения, оценивая его семантический и стилистический потенциал. Разрешая сомнения информанта и завершая процесс подбора слова, оценивающие МЕ позволяют человеку продвинуться далее в построении своей речи (см. подробнее об этой единице: Богданова 2012в; Звуковой корпус... 2013).

9)   Оценивание соответствия собственной речи коммуникативному сценарию монолога (26/3 %)

Другой тип оценивающих МЕ направлен на соотнесение текста монолога информанта с тем коммуникативным сценарием, который лежит в его основе. Говорящий в процессе построения устного монолога оценивает его соответствие «идеалу», нормативному образцу, отражающему его собственные представления о структурированном монологическом тексте, о том, что нужно осветить в монологе, а что можно было опустить:

184) *юноша очень / порывист // очень / темпераментен // что я ещё могу сказать об этом // а пожалуй и всё // всё Оленька // нечего мне больше сказать // **описывать их не надо было наверное*** [И1, ж., 40, преп. РКИ, высокий УРК, описание сюж.];

185) *сначала я общалась с какой-то / ну ни какой-то / девочкой общалась она такая интересная была / колоритная дама / **ну вообще-то я должна рассказывать про учёбу / я так понимаю / а рассказываю всё не про учёбу*** [И1, ж., 20, студ., низкий УРК, экстр., рассказ];

186) *даже видим часть пруда / и неба / **ну конечно / так как / описать картины наверное / описывается (неразб.) сначала передний план / за... / задний план / эээ передний фон*** [И13, м., 20, студ., низкий УРК, описание сюж.].

Так, можно заметить, что говорящие стремятся следовать теме, предложенной для рассказа (185), не отклоняться от основной сюжетной линии, их монолог должен отвечать представлениям о том, как, по их мнению, необходимо выстраивать описание изображения – (184), (186). Более того, информанты могут квалифицировать такой тип речевого сценария, как описание, как по большей части тренировочное задание, выполнение которого типично для учащихся (школьников). Такое заключение позволяет

информанту снизить степень ответственности за нестройность своей речи либо за употребление слишком простых лексики и синтаксиса:

187) *здесь какой-то ручеёк / это в общем-то больше для / детей которые пишут сочинение // но вот на меня вот это картина / вот это полотно / произвело именно такое вот впечатление [И7, ж., 39, мед., средний УРК, описание несюж.].*

Монолог-рассказ как наименее мотивированный предтекстом (вопросом экспериментатора) тип монолога позволяет информантам чаще отвлекаться от основной темы, что находит отражение в их рефлексивных комментариях об отступлениях в речи (в примере (188) они сопровождаются МЕ с оценкой *особых конструкций языка информанта*, т. е. синтаксического построения речи):

188) *а меня вот как-то устраивает мой университет почему-то / я наверное одна-единственная кто им довольна / кто им доволен / но не так всё совсем / в общем мне единственной кому // о господи зачем я начала это говорить / вот и мои особенные конструкции <вздых> / моего языка [И1, ж., 20, студ., низкий УРК, экстр., рассказ].*

С помощью такого рода МЕ говорящие оценивают то, в какой степени тот или иной отрывок их монолога соотносится с основной темой, является ли он значимым для структуры и смысла текста:

189) *лыжи были куплены / палки к ним / правда лыжные ботинки / по моему он не приобрёл // ну да это детали // так / солнце на том же уровне / над горизонтом [И12, ж., 45, мед., высокий УРК, пересказ сюж.];*

190) *вот не забывать конечно прошлое / нуу ээ и не делать ошибок там какие ты делала ранее / ну это мы уже полезли там в дебри / отпуск (?) меня не касается <смех> [И28, ж., 29, юр., низкий УРК, экстр., рассказ];*

191) *лежать на солнце / потом не знаю там / выпить заку... закусить / да / в общем мысли уже такие какие-то пошли [И13, м., 20, студ., низкий УРК, описание несюж.].*

Среди оценивающих метаединиц частотны те, которые завершают текст, с помощью которых говорящие осмысливают степень успешности выполнения того или иного коммуникативного сценария монолога, т. е.

рефлексируют над уровнем своей речевой компетенции, реализующимся во владении нормами построения монологической речи:

- 192) *э-э по вечерам же таких дней / как правило не сыро / пахнет // неубранной рожью / абсен... тьфу / полынью // э-э сам... такие дни // чертовски подходят кре... крестьянам / крестьянам / желающим убрать / хлеб // всё // **меня прёт** [И0, м., 21, комп., низкий УРК, амб., пересказ несюж.];*
- 193) *кошка прыгнула прямо под машину / вот такая кошка невезучая / **пойдёт** [И2, м., 22, студ., средний УРК, описание сюж.];*
- 194) *потом стало всё гораздо хуже он выехал на склон и помчался / с огромной ско... скорости с горы явно не умея кататься на лыжах и кончилось это всё / естественно / переломом // **ну вот в двух словах** [И2Б, смеш. группа, средний УРК, описание сюж.];*
- 195) *он теперь не может / свободно проводить время / за рыбалкой // **надеюсь я был не скуп** [И26, м., 29, юр., высокий УРК, экстр., описание сюж.].*

Оценка своего текста с точки зрения соответствия его коммуникативному сценарию пересказа, описания или рассказа представляется важным для информантов. Через метаязыковой уровень текста можно проследить, какие представления говорящего о структуре монолога нашли отражение в его речи: идея наличия нормы реализации коммуникативного сценария, степень детализации пересказа или описания предтекста, наличие или количество отступлений от основной темы, оценка идеальной длины монологического текста и т. п.

10) Поиск слова (84/9 %)

Структурирование, выстраивание спонтанной речи происходит в сам момент ее порождения. В связи с этим в устных текстах встречаются фрагменты, формирование которых в конкретный момент времени не завершено. К ним можно отнести случаи затруднения говорящего в подборе слова. Метакоммуникативные единицы, отображающие поиск говорящим подходящего по контексту слова или выражения, являются вторыми по распространенности в монологическом материале после дискурсивных маркеров (в частности, после финальных ДМ). Они представляют собой эксплицитный (вербализованный) поиск говорящим последующего

в линейной коммуникации слова или выражения, т. е. выполняют хезитативную и метакоммуникативную функции, заполняя паузы хезитации при обдумывании высказывания и отображая рефлексия говорящего. Поисковые единицы в монологической спонтанной речи обычно представляют собой конструкции *как (это) (сказать/называется)* с вопросительной интонацией:

- 196) *достал оттуда [какую-то жидкость которая (...) не очень хорошо пахла // повлияла на собаку / что у собаки / в голове всё / закружилось / завертелось // и он [...] как? отключился* [И22, ж., 22, юр., низкий УРК, экстр., пересказ сюж.];
- 197) *эта работа трудная в основном / вероятно всё-таки из-за своей психологической специфики / потому что мы работаем / с людьми разных национальностей / и важно учитывать / вот этот н... / как сказать / национальный фактор да* [И3, ж., 39, преп. РКИ, высокий УРК, рассказ];
- 198) *был прекрасный июльский день / такой день который [(эм)] называют [(ээ) <вздых> когда погода / как это сказать / устанавливается* [И18, м., 25, юр., низкий УРК, экстр., пересказ несюж.];
- 199) *а я всё время сидела / наблюдала / за / ээ как это называется // за тем кто объявляет все эти номера и ведёт само представление потому что у него были накрашены глаза и приклеены ресницы* [И15, ж., 36, мед., высокий УРК, рассказ].

Во всех случаях информант находит искомое слово, его аналог или заменяет его описательным оборотом (199). Спонтанный монолог не может продолжаться, если слово не найдено, поэтому говорящий старается как можно быстрее его подобрать. В диалогической речи искомое слово иногда может подсказать собеседник (такие примеры встречаются в корпусе ОРД), что облегчает процесс построения речи. При построении монолога отбор всех языковых средств полностью лежит на говорящем, и поисковые МЕ помогают информанту достраивать речь, заполняя паузы колебания и указывая (потенциальным) слушателям или экспериментатору, что монолог будет продолжен.

Наиболее частотная поисковая конструкция в монологической речи – *как сказать* (13/45 %), на втором месте по частотности – *как это*

называется / называют (8/28 %), далее следует сочетание *как это сказать* (4/14 %), наиболее «свернутая» конструкция – *как* (3/10 %) и единичный случай употребления – *как называются* (3 %).

Интересно, что поисковая конструкция *как можно сказать* встретила только в речи инофонов, отражая и поиск слова, и колебания говорящего относительно его формы, и незнание информантом точной формулировки высказывания:

200) *(а-ам-м) и теперь я живу на Бухарестской улица и там <смех> там (а) (э) это наоборот / нет садов / ничего // [угу] // (а) ну мне тоже нравится (ам-м) это (ам-м) *Ц / как можно сказать / эта сторона (а) Питера потому что / теперь я тоже (ам-м) могу видеть (ам-м) как () жизнь для (ам-м) простых (э) жителей (а) Питера [И1, ж., 21, нидерл., ТРКИ В1, амб., рассказ];*

201) *я очень рада что я м... могу здесь быть / ну / долго // [угу] // вот это всё // [угу] // и я не знаю как *П как можно сказать вот это вот // (эм-м) // Москва мне больше нравится я думаю // (эм) но Петербург очень красиво [И10, ж., 20, нидерл., ТРКИ В1, интр., рассказ].*

Специфическая поисковая конструкция в речи инофонов – *как (это) (будет/называется) по-русски* – встретила в материале исследования лишь один раз:

202) **В (ам) наша кухня / *П слишком маленькая / это просто (э) не кухня / у нас / *П неть / (м) *П не знаю / как называется по-русски / как вещь / в которой можно // *П готовит / духовка / да / нет духовки / это мне нуужно // *П (ам) особенно потому что / я как строгая веге... вегетарианка / и я не ем ничего / из животных [И8а, ж., амер., ТРКИ В1–В2, рассказ].*

МЕ что называется, как говорится, так скажем/скажем так и так сказать сочетают поисковые функции и функции маркера нетривиальности, вводящего в текст слово или выражение, которое осмысливается информантом как неожиданное в данном контексте. Поисковые конструкции, описываемые выше, употребляются в тот момент, когда информант понимает, что найденное им слово не соответствует контексту и его невозможно оставить без метакомментария. Например, метакоммуникацию может провоцировать стилистическая окрашенность слова (принадлежность высокому стилю (*поселить в себе мечты*) (203), официально-деловому (*задержан*) (206), его

жаргонность или разговорность (*на убой, до упора*) (204), (208), а также переносное или неверное (порождающее грамматическую ошибку) употребление выражения, которое может производить юмористический эффект (*специалист по этим делам, деревья средней старости*) (205), (207):

- 203) *когда он должен был сам для себя (м) понять / как ему действовать / что ему делать в его жизни / либо ему (эм) что называется поселить в себе мечты / и постараться (м) жить по-прежнему* [И4, ж., 52, преп. РКИ, высокий УРК, пересказ сюж.];
преп. РКИ, высокий УРК, пересказ сюж.
преп. РКИ, высокий УРК, пересказ сюж.];
- 204) *значит люди работают пять лет на себя / ээ работают / ээ ну наверно это называется на убой // потому что они начинаются / начинают работу в семь часов утра* [И20, ж., 32, мед., высокий УРК, рассказ];
- 205) *позвали / парнишку / Лёньку / деревенского парнишку / сына / сапожника // он <смех> как говорится специалист по этим делам / вот Лёнька что придумал* [И25, ж., 45, мед., низкий УРК, пересказ сюж.];
- 206) *в этом отрывке / рассказывается о том как [пса который впоследствии стал Полигра...] Полиграф Полиграфом Полиграфовичем Шариковым <смех> впервые заманили к профессору Преображенскому [колбасой // и впоследствии был [так скажем] задержан* [И26, м., 29, юр., высокий УРК, экстр., пересказ сюж.];
- 207) *а деревья скажем так / средней старости / покрыты мхом* [И12, м., 21, студ., низкий УРК, описание сюж.];
- 208) *из последних сил доползли до телевизора [и так сказать] до упора // смотрели // пока не пришло время спать // всё* [И39, м., 23, юр., низкий УРК, рассказ].

Частотность поисковых конструкций различного типа, выступающих также в функции маркеров нетривиальности, представлена на рис. 12.

Видно, что чаще всего информанты используют в функции маркера поиска и маркера нетривиальности устойчивые конструкции *скажем так* и *так сказать*, чуть реже – *как (это/там) говорится* и *что называется*. Реализации конструкции *скажем так* с меной компонентов (*так скажем*) и без местоименного компонента (*скажем*) встречаются в монологической речи достаточно редко. Еще реже в функции поиска используются выражения

грубо говоря и *так называемый(-ая/-ые)*, предваряющие и характеризующие найденное информантом слово или выражение.

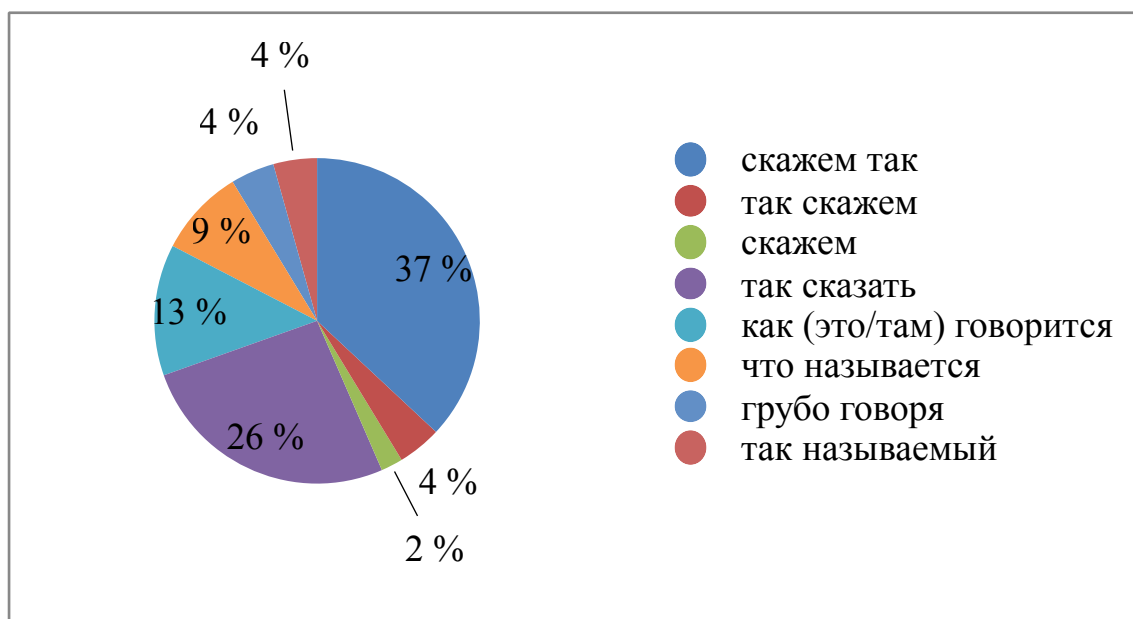

Рис. 12. Количество поисковых метакоммуникативных единиц (с функцией маркера нетривиальности) в спонтанных монологах

Эксплицитный поиск следующего слова является неотъемлемой составляющей спонтанного монологического текста. Однако в монологах информанты сталкиваются не только с вопросом *как* говорить, но и с незнанием, *что* говорить дальше.

11) Поиск *что ещё сказать* (58/6 %)

Четвертая по распространенности группа метакоммуникативных единиц – это метаэлементы, направленные на поиск последующих мыслей для озвучивания, так называемый поиск *что ещё сказать*. Группа МЕ получила это название по типичной конструкции, выражающей этот поиск в речи, – *что ещё (можно) (сказать)*:

209) *вода голубая / но что ещё сказать / река // какой-то замок виднеется / вполне такой средневековый какой-то пейзаж* [И5, ж., 24, преп. РКИ, высокий УРК, описание несюж.];

210) *пёс вывернулся и выскочил на чёрную лес.. лестницу / где он попытался найти выход // (тихо) что там ещё / появилась вторая личность мужского пола / но она бросилась не ко псу / а к шкафу* [И5, ж., 40, комп., средний УРК, экстр., пересказ сюж.];

- 211) *самое главное вот такие искренние чувства / все чувства / должны быть искренними // вот // **что ещё** / а ещё мне всегда хотелось / я как-то думала / видимо мне наверное этого не хватает / любви наверно какой-то* [И1, ж., 20, студ., низкий УРК, экстр., рассказ];
- 212) *через которое проникало солнышко //// (аа) **что ещё б сказать?** (...) (ээ) **ну такая погода нравится / земледельцу / возделывать что-то на земле // скорее всего / всё*** [И22, ж., 22, юр., низкий УРК, экстр., пересказ несюж.];
- 213) *очень хорошие там бытовые условия / гиды очень хорошо ведут группу / **ну что там ещё можно сказать** // программа хорошая* [И30, ж., 43, мед., низкий УРК, рассказ];
- 214) *вот // **что ещё / можно так рассказать?** здесь же / здесь же рядом / с домом никакого **присутствия человека*** [И12, м., 43, юр., высокий УРК, интр., описание несюж.].

Некоторые информанты употребили в своей монологической речи просторечный вариант МЕ *что ещё – чего ещё* (правда, он сопровождается самокоррекцией и рефлексивным смехом информанта, что можно связать с его высоким УРК):

- 215) *солнце светит сквозь листья / красивый лес / **не знаю чего ещё** / <смех> **что ещё*** [И14, ж., 30, мед., высокий УРК, описание несюж.];
- 216) *а вот тут ещё лужа какая-то / или не лужа а пру... черт знает торчит просто из-за угла ну вот / **а чего ещё там** / кусты какие-то прямо за деревьями* [И3, м., 21, студ., средний УРК, описание несюж.].

Что в составе данной конструкции в спонтанной монологической речи может редуцироваться:

- 217) *в общем / **чё ещё** /// бабушка всегда мне готовила всякие вкусности* [И1, ж., 20, студ., низкий УРК, экстр., рассказ].

Конструкция *что ещё (можно) (сказать)*, как видно из приведенных примеров, в спонтанной речи может иметь разные реализации, от наиболее короткого вопросительного «предложения» с опущением *что ещё* до самой развернутой реализации – *что ещё можно сказать*. Количество различных видов рассматриваемой конструкции представлено на рис. 13.

Видно, что в большинстве случаев в роли маркера поиска продолжения речи в материале исследования используется конструкция *что ещё*, в два раза реже – *что ещё сказать* и *что ещё можно/могу сказать*. Наименее частотны

такие реализации без наречного компонента *ещё*, как *что сказать* и *что можно сказать*.

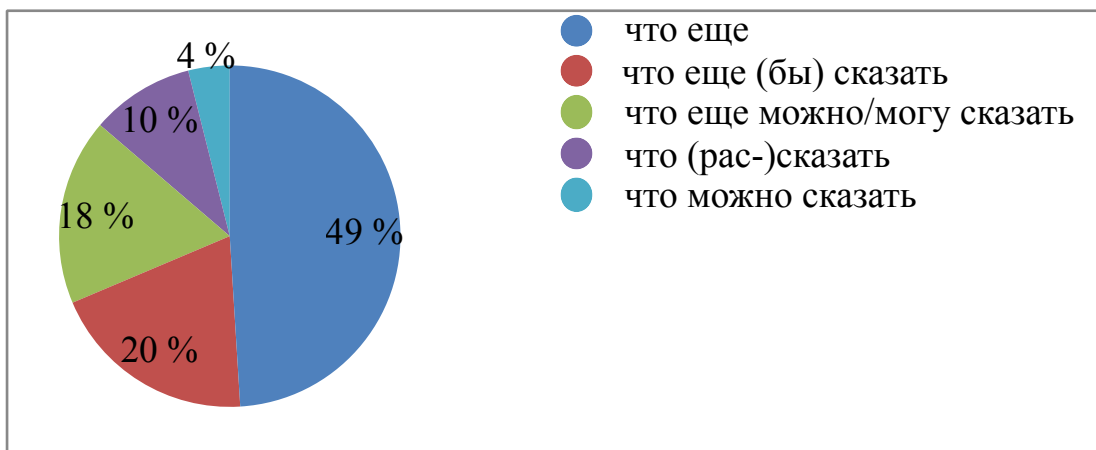

Рис. 13. Частотность различных реализаций поисковой конструкции **что ещё**

МЕ поиска *что ещё* часто встречается в конце текста монолога, который затем завершается дискурсивным маркером финала *всё*. Таким образом, информант вербализует поиск путей продолжения речи, и, не найдя их, завершает свой монолог:

218) *ручей течёт // мостик через ручей // (нрзб.) ну что ещё // всё* [И24, ж., 49, мед., низкий УРК, пересказ сюж.];

219) *лужа какая-то / подорожники цветочки беленькие // ну что тут можно сказать // больше тут сказать и нечего* [И19, ж., 21, студ., низкий УРК, описание несюж.];

Встретились и обратные случаи, когда информант сначала завершает монолог с помощью ДМ финала *всё* или МЕ, служащей в качестве ДМ финала и оценивающей соответствие порожденного монолога коммуникативному сценарию, а затем аргументирует окончание монолога тем, что сказать больше нечего (с помощью МЕ *что ещё*):

220) *вот нужно думать / прежде чем что-то делать // всё // что ещё можно сказать* <смех> [И6, м., 40, юр., высокий УРК, амб., описание несюж.];

221) *скорее всего наверно / прославиться / в большей степени / нежели порыбачить // вот и всё // не знаю что ещё тут* [И16, ж., 46, юр., высокий УРК, экстр., описание сюж.];

222) *а зелёные листья / а как бы просвечивают от солнечных лучей и создается ощущение / что это даже не картина а фотография /*

столько хватит / хорошо / не знаю что ещё сказать [И2, м., 21, студ., средний УРК, описание несюж.].

В монологах иностранцев, изучающих русский язык, встретилась интересная ненормативная конструкция *как больше сказать* в значении *что ещё сказать*, чем дополнить свою речь:

223) *и мне так ... тогда очень нравится этот сторона Питера тоже // (ам-м) и / как ... / как много (...) можно ска... / как больше сказать // (м-м) // ну // в Пи... моё в... / (а-а) первое впечатление о Пите... Пите... // очень хорошо!* [И1, ж., 21, нидерл., ТРКИ В1, амб., рассказ].

Поисковые единицы, отражающие рефлексия говорящего относительно того, как продолжить свой текст, распространены во всех типах спонтанных монологов и, как видно из описания, характерны в большей степени для монологических текстов, в силу их большей линейной протяженности, чем для реплик диалога. В диалоге стандартным коммуникативным ходом является смена ролей говорящего и слушающего, если один из них не знает, что говорить дальше. Таким образом, речевой сценарий монолога может провоцировать появление метакоммуникативных единиц с функцией поиска.

12) **Иные метакоммуникативные единицы**

В материале исследования встретились отдельные МЕ, которые не укладываются в приведенную классификацию. Некоторые из них являются спорными, пограничными случаями между коммуникацией и метаязыком. Разберем подробнее каждый из таких примеров.

Первый тип метакоммуникации, который можно рассмотреть в данном разделе, это конструкции с модальным глаголом и глаголом говорения, в которых модальный глагол характеризует возможность, с которой реализуется высказывание с глаголом говорения (*можно сказать, надо сказать, нельзя сказать*). МЕ с модальным глаголом связаны с функцией поиска слова, рефлексии над подобранным словом, однако направлены не только на оценивание высказывания, но и на заполнение паузы хезитации, разрешение колебания говорящего:

- 224) *надо сказать* что таксы / они / вообще очень / ээ внимательны к противоположному полу / и / ээ ну **даже можно сказать** озабочены по отношению к противоположному полу / поэтому для него было великим счастьем что у него были жёны [И19, ж., 32, мед., высокий УРК, рассказ];
- 225) *то есть отдых и отпуск для меня можно сказать / КЛАССНО!* [И28, ж., 29, юр., низкий УРК, экстр., рассказ];
- 226) *как считают что (э) здесь больше (э-эм) *Ц / ну (эм) / *Ц надо сказать / с русскими (э-э) *Ц не так очень быстро дружится / но если дружится тогда хорошо и глубоко / это да / эт... это мне нравится* [И13, м., 21, нидерл., ТРКИ В1, амб., рассказ];
- 227) *лес такой достаточно разреженный / нельзя сказать что это совсем лес / нечто такое / скопище деревьев* [И12, м., 21, студ., низкий УРК, описание несюж.].

Конструкции с модальным глаголом и глаголом говорения составляют 49 % (26 контекстов) в группе МЕ, которые выше обозначены как иные. Такие МЕ, с одной стороны, принадлежат к разряду типичных вводных словосочетаний, повторяются в текстах любых жанров, как устных, так и письменных, и являются *речевыми автоматизмами* (см.: *Верхолетова 2010*), устойчивыми фразеологическими сочетаниями. С другой стороны, нельзя не отметить их отчетливую метакоммуникативную природу. Вследствие этого в настоящей работе такие конструкции были выделены, несмотря на некоторую стертость их метаязыкового употребления.

Ко второй группе «иных» МЕ можно отнести комментирование предтекста, предложенного информантам для чтения и пересказа, или оценивание оговорок, совершенных информантом при чтении (15/23 %). С одной стороны, прочитываемый информантом текст представляет собой репродуцирование отдельного речевого произведения, автором которого не является сам говорящий, однако, с другой стороны, произнося этот текст, информант «присваивает» его себе – нередко изменяет его синтаксическую структуру, трансформирует слова исходного текста и реагирует на собственные ошибки:

- 228) *будет она стираемая и глаженая с двумя / пристежными воротничками // бред* [И4, м., 21, студ., средний УРК, экстр., чтение сюж.];
- 229) *то расставленные полукружиями и сложными кривыми фасады / сложными кривыми фасады / запятой не хватает / и сложными кривыми / фасады общественных зданий которыми / как пунктирными мазками обозначалось направление набережных или крупных магистралей* [И1, ж., 20., студ., низкий УРК, экстр., чтение несюж.];
- 230) *давно ли ты стала <...> так застенчива / или ты к ним питаешь наследственную ненависть / как романтическая героиня? // оу! // полно / не дурачься... // нет / папа / ни за что на свете / ни за какие сокровища не явлюсь я перед Берестовыми* [И15, ж., 22, студ., низкий УРК, чтение сюж.];
- 231) *Берестов проводил его до самого крыльца / а Мурестов <...> Мурестов! <смех> Муромский а-а-а <смех> уехал не прежде / как взяв с него честное слово на другой же день / и с Алексеем Ивановичем / приехать отобедать по-приятельски / в Прилучино* [И19, ж., 22, студ., средний УРК, чтение сюж.].

Таким образом, если признать, что информант индивидуализирует читаемый им текст, становясь его «соавтором», тогда такие комментарии в его устном монологе можно считать условно метакоммуникативными.

Последний неоднородный тип метаединиц выражает различного рода пояснения информанта по поводу своей речи, своих знаний, своих когнитивных способностей, в форме комментариев:

- 232) *можно определить на завтра будет хорошая или плохая погода / также можно по закату / лично знаю из своего опыта / если закат очень яркий то будет ветреная погода* [И23, ж., 43, мед., средний УРК, пересказ несюж.];
- 233) *эээ изображены три дерева / честно говоря конечно солгу что не знаю их названия / да / это дубы / там взади написано про них* [И13, м., 20, студ., низкий УРК, описание несюж.];
- 234) *у меня высокая [нрзб] // сам себя не похвалишь никто не похвалит естественно / с самокритикой у меня тоже хорошая поэтому (...) чувство юмора присутствует* [И28, ж., 29, юр., низкий УРК, экстр., рассказ].

Такие пояснения (11 контекстов, 22 %), отсылающие к знаниям и умениям информанта, отражаются в речи в виде метакомментариев со

значением экспликации ментальных процессов в речи (например, относящаяся к этому типу уточняющая конструкция *я имею в виду*), однако не всегда можно с точностью определить, является ли эта экспликация единицей метауровня языка.

4.2. **Обращенные к другому метакоммуникативные единицы**

МЕ, ориентированные на слушателя монолога, в случае записи информантов для корпуса САТ, на экспериментатора, занимают небольшую долю (63 контекста / 7 % всех типов метаединиц) по сравнению с теми метакоммуникативными элементами, которые обращены говорящим к самому себе. Рассмотрим подробнее возможные типы «диалогической» метакоммуникации в спонтанных монологах.

1) **Вопрос (31/3 %)**

Метакоммуникативные вопросы, т. е. «предложения», оформленные как вопросительные, касаются различных аспектов, связанных с процессом говорения. В отличие от вопросно-ответной формы рассуждения, являющейся разновидностью метакоммуникации, обращенной к самому себе, реальные вопросы информантов адресованы записывающему их речь экспериментатору и подразумевают его ответ:

- 235) *я здесь на второй раз // и (эм) (э) я думаю что (э) Питер очень красивый город / и (э) я себя здесь чувствую на (э) своей тарелке <усмешка> // можно сказать? // [угу // да] // и (эм) (э) архитектура мне очень (э) нравится / и (эм) (э) я люблю то / что здесь много парков и садов [И8, ж., 20, нидерл., ТРКИ В1, экстр., рассказ];*
- 236) *так как хочу так пересказываю / да? ну в данном произведении / автор описывает [(ээ) июльский день с хорошей погодой [И29, м., 27, юр., низкий УРК, экстр., пересказ несюж.];*
- 237) *можно [отт] первого лица / да? угу // -// однако сегодня / у меня удачная рыбалка [И1, м., 48, юр., низкий УРК, экстр., описание сюж.];*
- 238) *хотя когда я вот хотел / я не много говорю (спрашивает) // н-ну ну ладно хорошо просто н-наконец-то выговорился (смеется) сейчас всё тебе поведаю [И4, м., 21, студ., средний УРК, экстр., рассказ];*
- 239) *я бы хотела вам рассказать про свою собаку // можно // [конечно] у меня собака которая живёт уже / семь лет / это собака такса [И19, ж., 32, высокий УРК, мед., рассказ].*

Вопросы информантов в монологе, адресованные экспериментатору, касаются как стратегий выполнения коммуникативного сценария (236)-(237), так и возможного тематического и лексического наполнения своего текста (235), (239). Кроме того, говорящие часто волнуются по поводу того, не слишком ли много/мало они говорят, что также отражается в их вопросах (238). И если для общительного студента-экстраверта, носителя русского языка, важно полубопытствовать, не слишком ли длинным получается его монолог, то для подавляющего большинства инофонов – наоборот, не слишком ли он краток:

240) ну / я очень люблю (эм) (эм) здания здесь (э) разных цве... тов? // [угу] // в разных цветах // [да] // да // *С // (эм) в Амстердаме всё (э) то же самое // *С // [угу] // **и больше ещё?** // (э-эм) *С // (э) метро здесь оже... тоже ужасное // (эм) я живу (э) у... около Нарвской [И10, ж., 20, нидерл., ТРКИ В1, интр., рассказ].

Вопросительные МЕ, представленные в материале исследования, можно разделить на четыре группы в зависимости от объекта, на который они направлены.

1. Вопросы о соответствии порождаемого монолога представлениям говорящего и слушающего о коммуникативном сценарии (22/71 %); своеобразная проверка общности их языкового кода, например:

241) вот я езжу в лес // за грибами ягодами травы собираю / я говорю / есть у меня и косыночка / есть шапочка / и обязательно свитер тёплый или куртку беру / потому что может быть / говорят чего ты взяла / было тепло а тут вдруг дождь пошёл / то дождь пойдёт то туман / роса например / **ну по тексту надо говорить / да /** [как хотите] роса идёт / то есть когда выпадает роса значит / это будет хороший день [И32, ж., 49, мед., низкий УРК, пересказ несюж.].

Так, одна из частых коммуникативных стратегий говорящего при пересказе предтекста – это уход от непосредственного коммуникативного задания порождения ренарратива в область рассказа (подмена сценария). Огромные (до 90 % всех словоформ) вставки в пересказ в виде рассказа не всегда сопровождаются сомнениями говорящего о возможности их включения в монолог, а значит, и вопросами данного типа.

Такие вопросы могут касаться стратегии реализации коммуникативного сценария, формы и линейной развернутости монолога, необходимости и возможности дополнить порождаемый текст и мн. др. Более того, информанты, знакомые с записывающим их речь исследователем, даже напрямую сопоставляют свою коммуникативную компетенцию и компетенцию исследователя:

242) *мужчина пожилого возраста рассматривает афишу / мечтает о туризме горнолыжном [смех] что тут / ну вот мужчина собрался как раз туда / далее то есть это всё он же наверное? или не он? ну вот (э) [что дальше?] **Ирина Николаевна ну вот ваши какие были ответы?** Ну не знаю что тут / мужчина отдыхает наслаждается природой [И10Б, смеш. группа, средний УРК, описание сюж.].*

2. Вопросы о правильности подбора слова, которые обычно задают иностранцы, продуцирующие монолог на неродном для них языке (5/16 %):

243) *и тоже что здесь (эм-м) (э) эти иностранцы / другие иностранцы чем (э) в Европе // в Европе иностранцы из Африки и (э-э) Восточной () середине Восточной / да? // это () по-русски это это русск... / русском слове? // арабские стран... / [угу] / страны // да // и (эм) мне не нравится эти люди которые из () арабские страны / и здесь совсем нет эти люди [И2, ж., 27, нидерл., ТРКИ В1, интр., рассказ].*

3. Технические вопросы, касающиеся того, началась ли диктофонная запись (типа *говорить можно?*) (2/6,5 %):

244) *яркая солнечная погода // **говорить можно?** так был ярк... [это самое [был [июльский день [И39, ж., 38, юр., низкий УРК, экстр., пересказ несюж.].*

4. Вопросы о предложенном информанту задании, отражающие непонимание им этого задания (2/6,5 %):

245) ***я не поняла задание / что делать надо** / (опиши картинку) // только давай вот без этого / ладно пожалуйста я тебя умоляю / значит я вижу картинку [И1, ж., 20, низкий УРК, студ., экстр., описание несюж.].*

2) **Извинение (6/1 %)**

Метакоммуникативные единицы, с помощью которых говорящий извиняется перед экспериментатором, предваряя или заключая сказанное,

оказались очень редкими в материале исследования. Осуществление такого рода метакоммуникации происходит с помощью типичных единиц – *извините* (просторечное *извиняюсь*), *простите* и *прошу прощения*:

246) *иногда ему удаётся удачно скатиться с горы // иногда его постигает большая неудача // что отражается на его эмоциональном поведении / и самочувствии в конце концов он / **тяжело извините пожалуйста** // так в конце концов настроение испорчено окончательно / похоже что несмотря на то что он находится один он кричит* [И28, ж., 36, мед., средний УРК, описание сюж.].

В примере (246) представлена контаминация эксплицирующей метакоммуникативной единицы, выражающей сетования говорящего на трудности в построении монолога, которая была описана выше, с одной стороны, и МЕ-извинения говорящего за невозможность выполнить коммуникативный сценарий описания изображения настолько хорошо, насколько это было им задумано, с другой.

В примерах ниже метакоммуникативный элемент выполняет функцию регулятора общения, когда, по мнению говорящего, было/будет сказано то, что выходит за рамки его понимания нормы (профессиональные (специальные), жаргонные или разговорно-сниженные единицы), это *маркер нетривиальности* высказывания:

247) *что тут происходило с Роджером // и маленький / маленький носик становился красным / сопливился **извините** / очки как-то сдвигались ещё больше на глаза* [И7, ж., 26, преп. РКИ, высокий УРК, рассказ];

248) *облаков становится много // э-э и-и с.. при этом свет небосклона остаётся / одинаковым // э-э постоянно лиловым / и-и однородным по всему-у / э по всей полусфе.. / по всему **прос...** [смех] / по всему небу // э-э в течение всего дня* [И11, м., 23, комп., низкий УРК, интр., пересказ несюж.].

249) *взял на нашем / **извиняюсь** / отстойном пруду <смех> поймал такую рыбину* [И28, ж., 29, юр., низкий УРК, экстр., описание сюж.];

250) *каждый } укладывает свой парашют самостоятельно / потому что } эа (...) **прошу прощения за стилистику** / именно } твоей заднице лететь под куполом / и лучше / что если / этот парашют будет уложен именно тобой* [И24, м., 36, юр., низкий УРК, экстр., рассказ];

251) *ну это просто район каких-то бомжей / извините конечно / район несчастных людей* [И1, ж., 20, студ., низкий УРК, экстр., рассказ].

Извиняясь за свою речь (за то, что уже произнесено), информант обычно осуществляет самокоррекцию, заменяя спонтанно произнесенное неподходящее, по его мнению, слово на более нейтральное, без экспрессивной окрашенности. Если МЕ-извинение предваряет высказывание, то оно выполняет функцию подготовки слушателя к экспрессивно окрашенной лексеме.

3) **Обращение (21/2 %)**

Термин *обращение* понимается в настоящей работе не в строго лингвистическом смысле, а функционально. Обращением можно считать любой маркер адресации текста/высказывания слушающему (экспериментатору, записывающему речь), кроме речевого акта вопроса. Чаще всего в материале исследования такое обращение выражается с помощью *контактных глаголов* с фатической (проверка канала связи) и метакоммуникативной (проверка кода сообщения) функциями. К таким глаголам относятся формы 2-го и 3-го лица *знаешь(-те)*, *понимаешь(-те)*, *слушай(-те)* и др. (подробнее о контактных глаголах см: Маслова 2016) Информант, обращаясь к слушающему его монолог человеку, проверяет, насколько совпадают их фоновые знания о предмете разговора:

252) *поэтому он был весь в солнечной решётке / как в йодной сетке <смех> // **знаешь что такое йодная сетка / ну вот*** [И1, ж., 20, студ., низкий УРК, экстр., пересказ сюж.];

253) *вот но времени но правда с утра и надо ехать / ну с Ленинского **сама понимаешь*** [И4, м., 21, студ., средний УРК, экстр., рассказ].

Говорящий, употребляя МЕ-обращение, просит слушающего подтвердить, понимает/знает/слышит ли он то, что было сказано, в чем проявляется диалогическая, естественная природа любой монологической речи как средства коммуникации:

254) *а праздник это [...] **вы сами знаете** хорошее настроение* [И28, ж., 29, юр., низкий УРК, экстр., рассказ];

- 255) *доволен хозяин их / поит / наверное чаем / или англичане похоже / ну слушайте / чёрт его знает / в общем конец очень печальный* [И11, м., 22, студ., низкий УРК, описание сюж.];
- 256) *эти всякие сорняки / украли представляете // и сдали в цветмет / а собака спала <смех> // главное что собака спала / выпалась* [И1, ж., 20, студ., низкий УРК, экстр., рассказ];
- 257) *вот тоже очень такой интересный / там внутри очень хорошо / хотя видите в Англии } какая особенность? там соборы все испорчены потому что в годы } Реформации украшения в основном / и росписи были сбиты* [И27, м., 43, юр., высокий УРК, интр., рассказ].

С другой стороны, в примерах (254)-(257) собственно лексическое значение контактного глагола практически стирается, и все такие единицы начинают употребляться синонимически, в функции установления контакта с собеседником, поддержания его внимания к монологу и даже более активного включения его в разговор, что в любом случае несет интенцию превращения монологической речи в диалогическую.

Контактные глаголы, формирующие МЕ-обращения, – это глаголы чувственного и ментального восприятия. Частотность различных глаголов в материале исследования отражена на рис. 14 (из общего числа МЕ-обращений их 16/76 %).

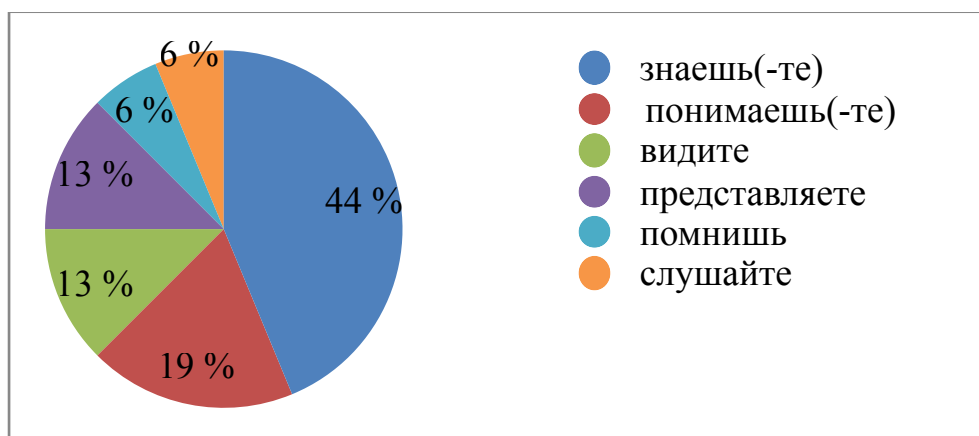

Рис. 14. Количество типов контактных глаголов, формирующих МЕ-обращение в спонтанных монологах

Видно, что наиболее частотным глагольным обращением в речи является глагол *знаешь(-те)* (чаще во мн. ч.), на втором месте по числу употреблений *понимаешь(-те)*, дважды в спонтанных монологах встретились

глаголы *видите* и *представляете* (только во мн. ч.), единожды – *помнишь*, отсылающее к общему опыту информанта и собирателя, и *слушайте*.

Иного рода обращения (5/24 %) обычно адресуются информантом к экспериментатору в случае их предварительного знакомства либо при вводе в текст узкоспециальной информации и содержат комментарии по поводу своей речи:

- 258) *эта картина очень радует меня / прям ещё больше хочется лета / и замуж <смех> // не надо замуж записывать <смех> // вырежи там потом // эм-м-м ну да / вот как-то так примерно // <смех> [И1, ж., 20, студ., никзий УРК, экстр., описание несюж.];*
- 259) *ээ опять-таки медицина // ну <смех> вам придётся на это сделать сноску // ээ они где-то лет двадцать назад стали вымирать от инсультов потому что у них произошла американизация и появилась американская пицца сеть «Макдоналдс» / все вот эти «Кэрролс» и так далее // японский организм оказался к этому непривычным и они стали / ээ стали болеть атеросклерозом [И20, ж., 32, мед., высокий УРК, рассказ].*

4) Обвинение (5/1 %)

Метакоммуникативные единицы, выражающие обвинение в сложности данного экспериментатором речевого задания, в монологах употребляются крайне редко. Обычно информанты используют для метакоммуникативного обращения к слушателю контактный глагол, а также маркер трудности выполнения речевого сценария (обычно пересказа или описания предтекста):

- 260) *ну хозяин видно смыслёный / побежал сразу к телефону / набирает номер / а-а ну знаете сложно понять / ээм какой номер он набирает [И13, м., 22, студ., низкий УРК, описание сюж.];*
- 261) *такая погода / прекрасная / стояла уже несколько дней (...) слушайте / я не знаю / тут так сложно // я представила небо [И39, ж., 38, юр., низкий УРК, экстр., пересказ несюж.].*

Иногда говорящий высказывает просьбу не продуцировать монолог, что также связано с некоторыми трудностями, которые он испытывает при построении текста-описания изображения:

- 262) *я не поняла задание / что делать надо / (опиши картинку) // только давай вот без этого / ладно пожалуйста я тебя умоляю / значит я вижу картинку [И1, ж., 20, студ., низкий УРК, экстр., описание несюж.].*

Помимо этого, информант-иностранец может эксплицировать при обвинении жалобу на невозможность построения текста в виде ответов на конкретные вопросы экспериментатора:

263) [расскажите о Ваших впечатлениях о Санкт-Петербурге] // *значит мо... *П о моих впечатлениях // ну это очень общий вопрос такой // [это отлично!] // ну в общем можно сказать что очень мне нравится здесь // значит я чувствую свою себя как бы дома точно как (э) *Ц / ну / (э-э) даже не очень (э) много видел из (э) достопримечательностей [И13, м., 21, нидерл., ТРКИ В1, амб., рассказ].*

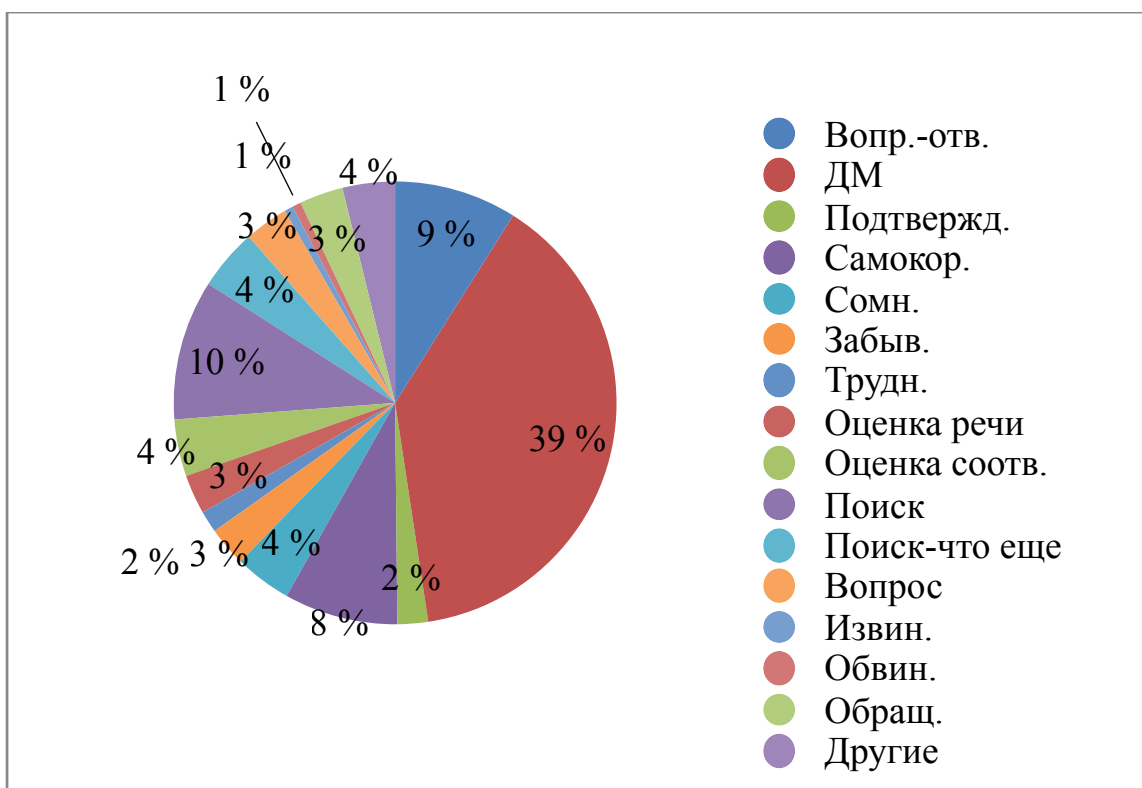
Все метаединицы, обращенные говорящим к экспериментатору, разрушают единство монологического текста, однако, с другой стороны, позволяют ему эксплицировать свои затруднения и справиться с ними (МЕ-обвинения), уточнить информацию (МЕ-вопросы), проверить понимание своей речи реципиентом, взглянуть на нее со стороны слушателя (МЕ-обращения) или скорректировать свою речь (МЕ-извинения). Все вышеперечисленные задачи стоят перед говорящим при продуцировании монологической речи по определенным коммуникативным сценариям, и он может выполнять их, прибегая к диалогической, ориентированной на слушателя монолога, метакоммуникации.

5. *Метакоммуникативные единицы в речи мужчин и женщин*

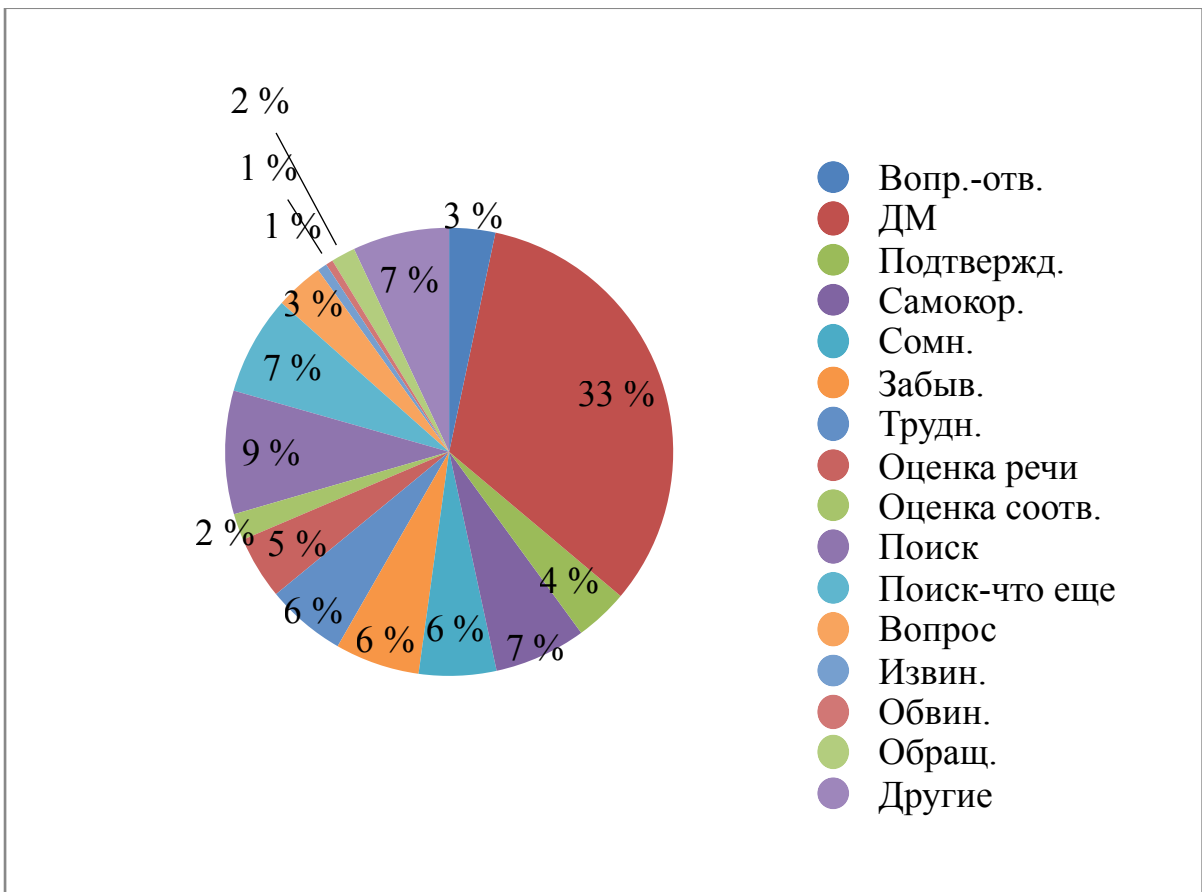
Влияние гендера на характеристики спонтанной речи говорящих проявляется во многих аспектах. В материале настоящей работы речь мужчин и речь женщин не различается по параметру количества метакоммуникативных единиц в одном монологе. Расчеты, приведенные здесь и далее в работе, проводились в программе Statistica 8.0. Среднее количество МЕ в мужском монологе любого типа – 1,35, в женском – 1,38. Ткритерий Стьюдента для этих выборок составил 0,16, а p (вероятность гипотезы об отсутствии влияния параметра *пол* на количество МЕ в монологе) $\geq 0,87$, что позволяет говорить о том, что гендер информанта не влияет на число метакоммуникативных элементов в его монологической речи.

Однако метакоммуникативный репертуар мужчин и женщин все же различается. Частотность различных типов МЕ в монологах мужчин отражена на рис. 15, в монологах женщин – на рис. 16.

Рис. 15. Количество метакоммуникативных единиц разного типа в монологах мужчин

Рис. 16. Количество метакommункативных единиц разного типа в монологах женщин

Мужчины в три раза чаще, чем женщины, прибегают к использованию вопросно-ответной формы рассуждения в монологах, в два раза чаще оценивают соответствие своей речи определенному коммуникативному сценарию, немного чаще (в 1,2 и 1,3 раза) употребляют различные дискурсивные маркеры и МЕ-самокоррекцию. Женщины значительно чаще включают в свой монолог эксплицирующие метаэлементы всех видов (экспликация сомнений (в 1,5 раза), забывания (в 2 раза) и затруднений (в 3 раза)), в 2 раза чаще подтверждают свои слова, в 1,5 раза больше оценивают свою речь, чаще пользуются маркером поиска *что ещё сказать* (в 1,8 раза) и употребляют больше неклассифицированных МЕ (также в 1,8 раза).

Итак, проведенное исследование подтверждает некоторые устоявшиеся лингвистические гендерные стереотипы: женщины склонны выразить (вербализовать) затруднения и сомнения в своей речи, делая ее более

эмоциональной (гипотеза, заявленная в 1 главе работы, подтвердилась), а мужчины чаще строят часть монолога в вопросно-ответной форме, в стремлении структурировать и упорядочить свою речь.

6. *Метакоммуникативные единицы в монологах информантов разных возрастных групп*

Возрастные характеристики информанта не влияют на общее количество метакоммуникативных единиц в его речи. В таблице 2 представлено среднее количество МЕ в одном монологе у говорящих разных возрастных групп.

Таблица 2

Среднее количество метакоммуникативных единиц в одном монологе в разных возрастных группах

Возрастная группа	Среднее количество МЕ
18–24 года	1,3
25–34 года	1,6
35–44 года	1,2
45–54 года	1,4

Однофакторный дисперсионный анализ значимости средних значений параметра *возраст* (ANOVA), выполненный в программе Statistica 8.0, показал, что уровень статистической значимости этого фактора $\geq 0,59$, что доказывает независимость числа метакоммуникативных единиц в монологах от фактора возраста.

Необходимо, однако, заметить, что метакоммуникативный репертуар информантов – представителей разных возрастных групп – различается. На рис. 17-20, приведенных в приложении 2, показано процентное соотношение выделяемых типов метакоммуникативных единиц в монологах, порожденных говорящими из разных возрастных групп.

Так, говорящие юношеского возраста чаще других эксплицируют забывание слова или факта (в 1,5 раза) и в 2 раза чаще оценивают свою речь по разным параметрам, но значительно реже других говорящих прибегают к поиску слова (в 3–5 раз!) и подтверждают свои слова (в 2–2,5 раза), однако

поиск *что ещё* в их речи так же частотен, как и в монологах говорящих III возрастной группы, но менее частотен, чем в текстах иных возрастных групп (в 1,5–2 раза).

Информанты раннего зрелого возраста менее склонны эксплицировать свои сомнения (в 2 раза реже), чем другие говорящие, но в их речи преобладают поисковые и вопросительные МЕ и не встретилось обвинений.

Речь информантов среднего зрелого возраста характеризуется большим количеством МЕ в вопросно-ответной форме (в 2,5–6 раз больше, чем у других говорящих), в ней достаточно распространен поиск *что ещё сказать* и вопросы к экспериментатору. В их монологах, как и в речи говорящих из младшей возрастной группы, встретились все виды метаэлементов, выделяемых в настоящей работе.

Говорящие позднего зрелого возраста используют меньше типов метакоммуникативных единиц (12 из 16; не используют диалогическую метакоммуникацию (кроме вопросов) и подтверждение своих слов), в их монологах встретилось наибольшее число поисковых МЕ (в 1,5–5 раз больше, чем у других групп!) и вводящих самокоррекцию элементов (в 1,5–2,5 раза больше, чем у II и III возрастных групп, что почти эквивалентно их количеству у I группы).

Таким образом, можно отметить, что с возрастом метакоммуникативное разнообразие речи несколько оскудевает. Некоторые типы метакоммуникации распространены в монологах информантов любых возрастных групп (дискурсивные маркеры, поисковые конструкции), играя важную функциональную роль в построении текста, а другие можно назвать факультативными (оценивающие МЕ, эксплицирующие и обращенные к другому), узкоспецифичными маркерами, выполняющими менее важные функции в монологе. Возраст говорящего, очевидно, влияет на частотность различных типов метакоммуникации в спонтанных монологах.

7. ***Метакоммуникативные единицы в монологах информантов с разным уровнем речевой компетенции***

Уровень речевой компетенции говорящего непосредственно связан с количеством метаединиц, употребляющихся им в спонтанной монологической речи. Так, в одном монологе информанта с высоким УРК в среднем встретилось 1,5 МЕ, со средним УРК – 0,9, с низким – 1,6. Однофакторный дисперсионный анализ показал, что уровень статистической значимости (p) фактора *уровень речевой компетенции* $\leq 0,05$ ($=0,01$). Это означает, что УРК говорящего значимо влияет на количество метаэлементов в его спонтанной монологической речи. Однако, согласно результатам теста плановых сравнений/LSD test, статистически значимой можно считать разницу между числом МЕ в речи информантов со средним УРК, по сравнению с количеством метакомментариев в текстах, порожденных говорящими с высоким и низким УРК ($p=0,03$ и $0,00$ соответственно). При этом небольшое преобладание метакоммуникативных единиц в речи носителей низкого УРК статистически незначимо, по сравнению с носителями высокого УРК ($p=0,58$).

Говорящие с разным уровнем речевой компетенции предпочитают одни МЕ другим. На рис. 21-23 демонстрируется соотношение различных типов метакоммуникации в их речи.

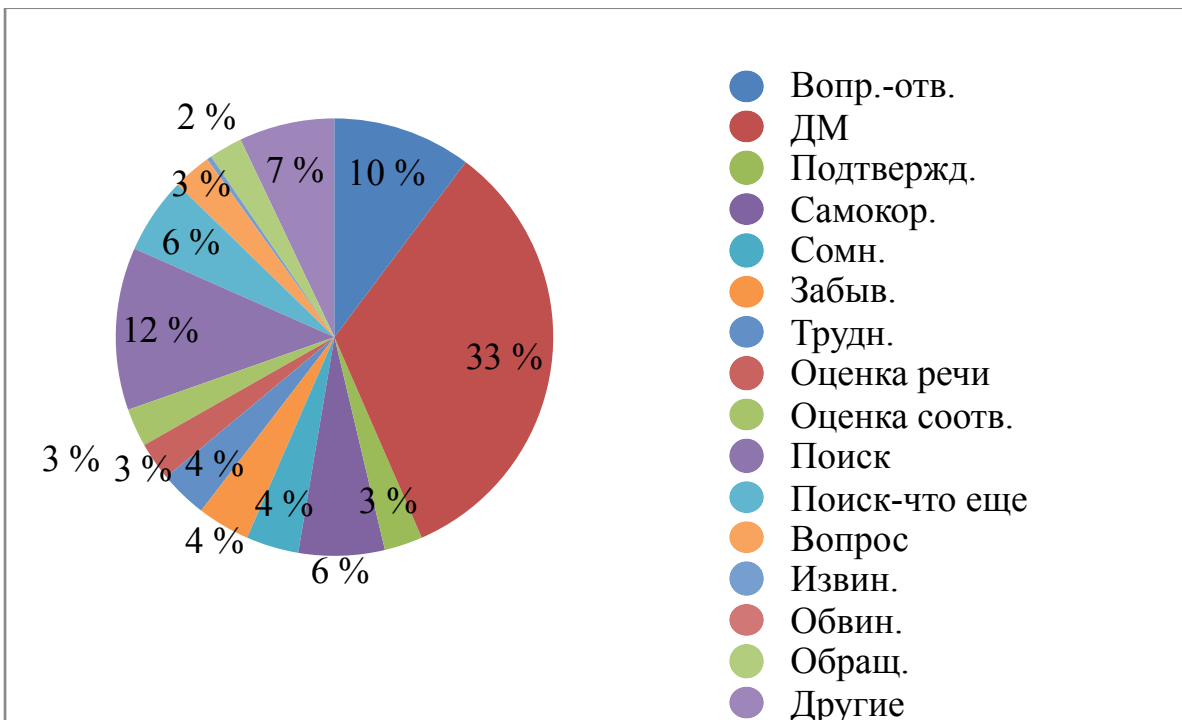

Рис. 21. Соотношение разных типов метакommункативных единиц в речи говорящих с высоким УРК

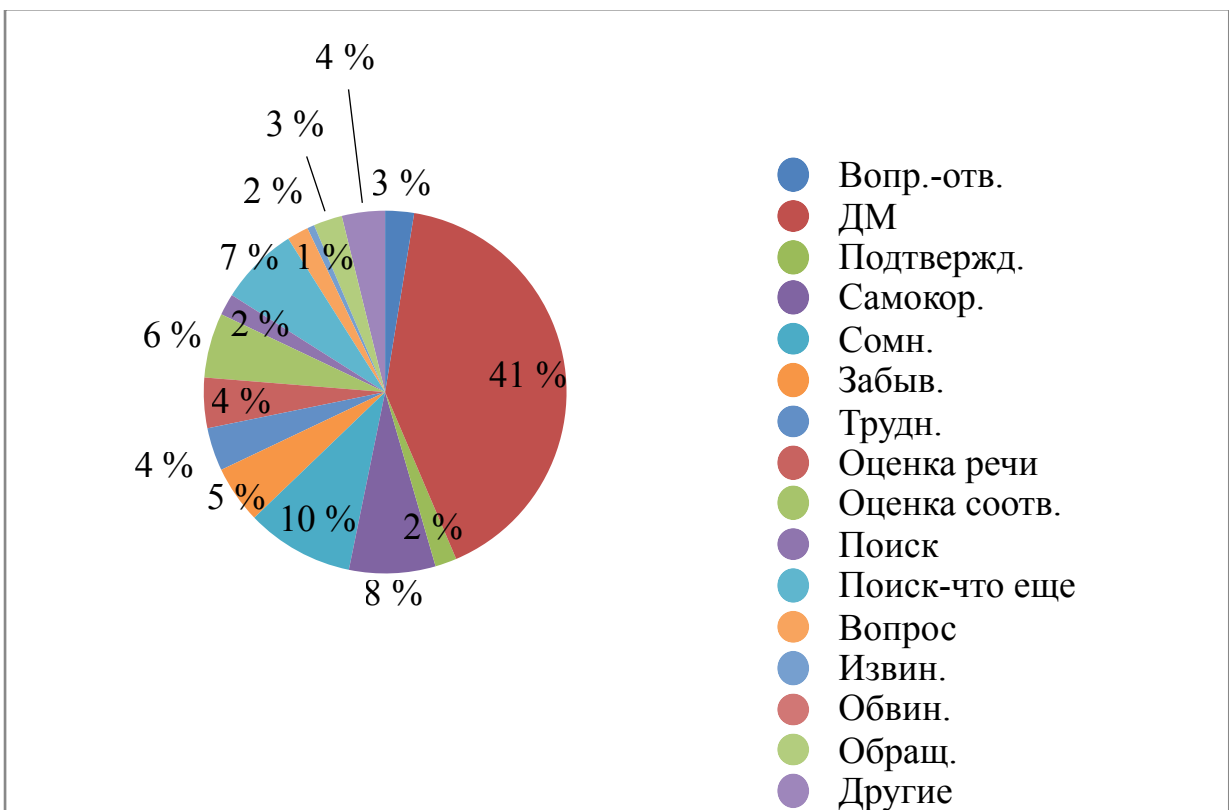
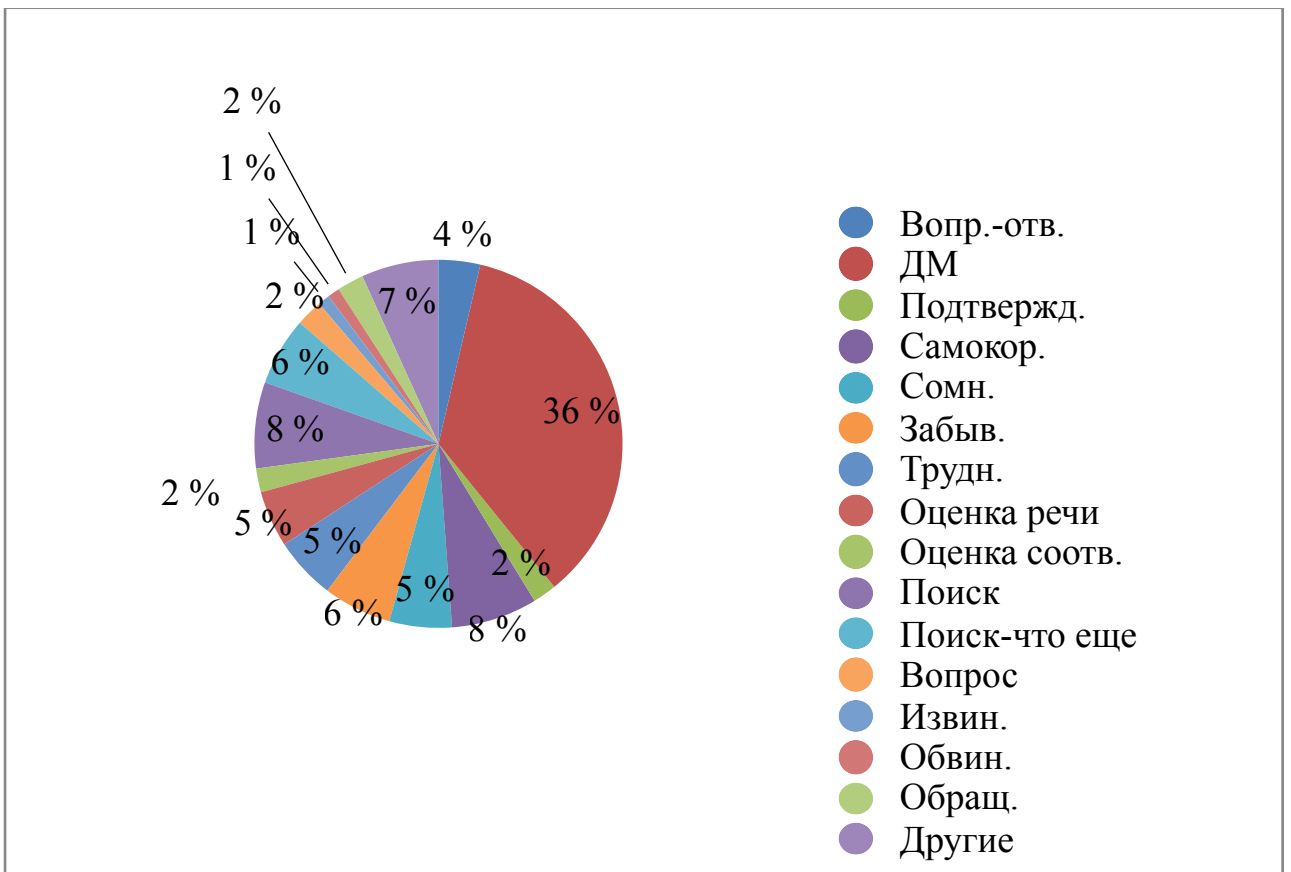

Рис. 22. Соотношение разных типов метакommункативных единиц в речи говорящих со средним УРК

Рис. 23. Соотношение разных типов метакommункативных единиц в речи говорящих с низким УРК

Видно, что информанты с высоким УРК используют больше поисковых конструкций (в 1,5–6 раз), чаще других прибегают к рассуждениям в вопросно-ответной форме (в 2,5–3,5 раза). Вполне закономерно, что в их речи встретилось меньше самокоррекции (в 1,5 раза). Однако в их речи меньше и доля дискурсивных маркеров, чем в монологах информантов с иным УРК.

Информанты со средним УРК используют больше всего ДМ среди всех групп говорящих, чаще эксплицируют свои сомнения (в 2–2,5 раза). Говорящие с СУРК чаще используют оценку соответствия своей речи коммуникативному сценарию монолога (в 2–3 раза), но меньше поисковых конструкций (в 1,5–6 раз).

Носители низкого УРК больше других говорящих оценивают свою речь (в 1,5 раза), чаще эксплицируют забывание слова или факта предтекста (в 1,5 раза) и собственные затруднения в построении монолога (в 1,25 раза). Это

единственная группа информантов, которая использует обвинения в своей монологической речи.

В заключение можно сказать, что влияние уровня речевой компетенции информанта прослеживается как в сфере использования конкретных типов метакоммуникативных единиц, так и в частотности их употребления в целом. Так, высокий УРК позволяет его носителям реже прибегать к самокоррекции, а информанты с низким УРК чаще эксплицируют затруднения, возникающие в ходе построения монолога.

8. *Метакоммуникативные единицы в речи говорящих различной профессиональной принадлежности*

Фактор профессиональной занятости информанта оказался значимым в отношении количества метакоммуникативных единиц в его спонтанной речи. В таблице 3 приводятся данные о среднем количестве МЕ в одном монологе представителей разных профессиональных групп, чья речь анализировалась в настоящей работе (студенты и учащиеся также считаются нами профессиональной группой, не только использующей молодежный сленг, но и имеющей студенческий жаргон, т. е. социолект).

Таблица 3

Среднее число метакоммуникативных единиц в одном монологе в разных профессиональных группах

Профессиональная группа	Среднее количество МЕ
«Компьютерщики»	1,0
Медики	0,9
Преподаватели РКИ	2,7
Преподаватели-философы	1,3
Студенты	1,3
Юристы	1,5
Смешанная профессиональная группа	1,6

Согласно результатам однофакторного дисперсионного анализа, уровень статистической значимости (p) фактора *профессиональная принадлежность* $\leq 0,05$ ($=0,02$), что позволяет говорить о том, что он

действительно влияет на количество метаэлементов в монологической речи. Однако, согласно результатам теста плановых сравнений, статистически значимым можно считать преобладание числа МЕ в речи преподавателей РКИ (2,7 МЕ в одном монологе) над количеством метакомментариев в монологах «компьютерщиков», медиков, студентов и юристов, а также различие в числе МЕ между монологами медиков (0,9) и юристов (1,5). Остальными различиями между средними арифметическими в нашей выборке можно пренебречь.

В монологической речи информантов разных профессиональных групп также наблюдается предпочтение одних типов метакоммуникативных единиц другим. В приложении 2 представлены рисунки 24-30 с указанием количества МЕ того иного типа в спонтанной речи рассматриваемых профессиональных групп. Охарактеризуем основные различия между ними.

В монологах «компьютерщиков» не встретилось вопросно-ответных форма рассуждения, поиска слова, обвинений и обращений к экспериментатору, а также МЕ-подтверждения собственных слов. Бóльшую по сравнению с другими профессиональными группами (более половины всех видов МЕ) долю в речи «компьютерщиков» занимают дискурсивные маркеры, распространена также экспликация забывания слова или факта предтекста и оценивание различных характеристик собственной речи (в 1,5–2 раза).

В речи медиков также нет обвинений. Помимо ДМ, здесь частотны поисковые конструкции (преобладание в 2–5,5 раз, кроме монологов преподавателей РКИ) и самокоррекция (больше в 1,5–3 раза), практически отсутствуют примеры оценки речи и ее соответствия коммуникативному сценарию. Выявлено много других МЕ, не входящих в состав выделенных метакоммуникативных категорий.

Преподаватели РКИ чаще других используют поисковые конструкции (в 1,5–9 раз!), но реже – ДМ (в 1,5–2 раза). В их монологах нет обвинений, распространена экспликация сомнений и поиск *что ещё сказать*.

В речи студентов представлен весь репертуар метакоммуникативных единиц: они, наряду с юристами, используют обвинения. Характерными чертами их речи можно считать оценивающие метаэлементы (в 1,5–2 раза больше), самокоррекцию (в 1,5–2,5 раза больше) и экспликацию сомнений. Практически отсутствуют в монологах студентов поисковые конструкции (в 1,5–9 раз меньше, чем в речи других групп!) и подтверждения сказанного (в 2–5 раз меньше).

Речь преподавателей-философов маркирована поисковыми единицами *что ещё сказать* и экспликацией коммуникативных затруднений.

Монологи юристов занимают второе место, после текстов «компьютерщиков», по распространенности дискурсивных маркеров. В их речи присутствуют все типы МЕ, включая обвинения, очень частотен поиск слова (в 1,5–3 раза больше), и вопросно-ответная форма построения речи (в 4–6 раз больше), однако практически отсутствуют МЕ, оценивающие соответствие монолога представлениям информанта о коммуникативном сценарии элементы (в 3–7 раз меньше).

Таким образом, в настоящем исследовании подтверждается гипотеза о существовании корреляции между профессиональной принадлежностью информанта и наличием (и частотностью) в его монологической речи определенных типов метакоммуникативных единиц.

9. *Метакоммуникативные единицы в речи носителей русского и других языков*

Речь носителей русского языка и иностранцев, говорящих на русском языке, не различается по числу метакоммуникативных элементов. Информанты, владеющие русским языком как родным, в среднем употребляют 1,4 МЕ в спонтанном монологе, а инофоны – 1,6. Т-критерий Стьюдента, с помощью которого сравнивались эти средние значения, составил 0,47, а p (вероятность гипотезы об отсутствии влияния параметра *родной/неродной язык* на количество МЕ в монологе) $\geq 0,73$, что позволяет заключить, что степень владения языком, на котором порождается монолог, не влияет на число метакоммуникативных элементов в монологической речи.

Однако родной (не русский) язык информанта, как оказалось, значимо влияет на количество метакоммуникативных элементов в его речи. Так, тест плановых сравнений показал, что с вероятностью $\geq 0,05$ ($=0,00$) нулевую гипотезу о влиянии фактора *родной язык* можно отклонить. В среднем, в одном монологе информанта-голландца встретилось 4,1 МЕ, в тексте говорящего-француза – 1,3, американца – 1,1, китайца – 0,5. Статистически значимо преобладание МЕ в речи носителей нидерландского языка по сравнению с текстами носителей других языков ($p=0,02$ для сравнения с американским английским и французским; $0,00$ для сравнения с китайским). Различия между средним числом МЕ в монологах других инофонов статистически не значимы.

Иностранцы, изучающие русский язык, и его носители употребляют разное количество выделяемых в настоящем исследовании типов метакоммуникации в монологах. На рис. 31 можно видеть распределение типов МЕ в речи носителей русского языка, на рис. 32 – в речи инофонов.

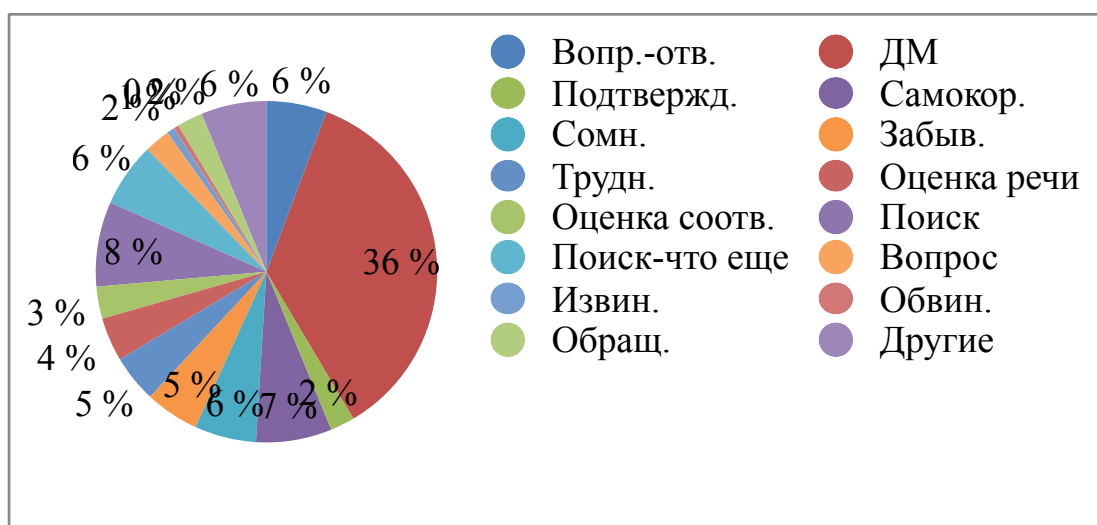

Рис. 31. Метакоммуникативный «репертуар» носителей русского языка

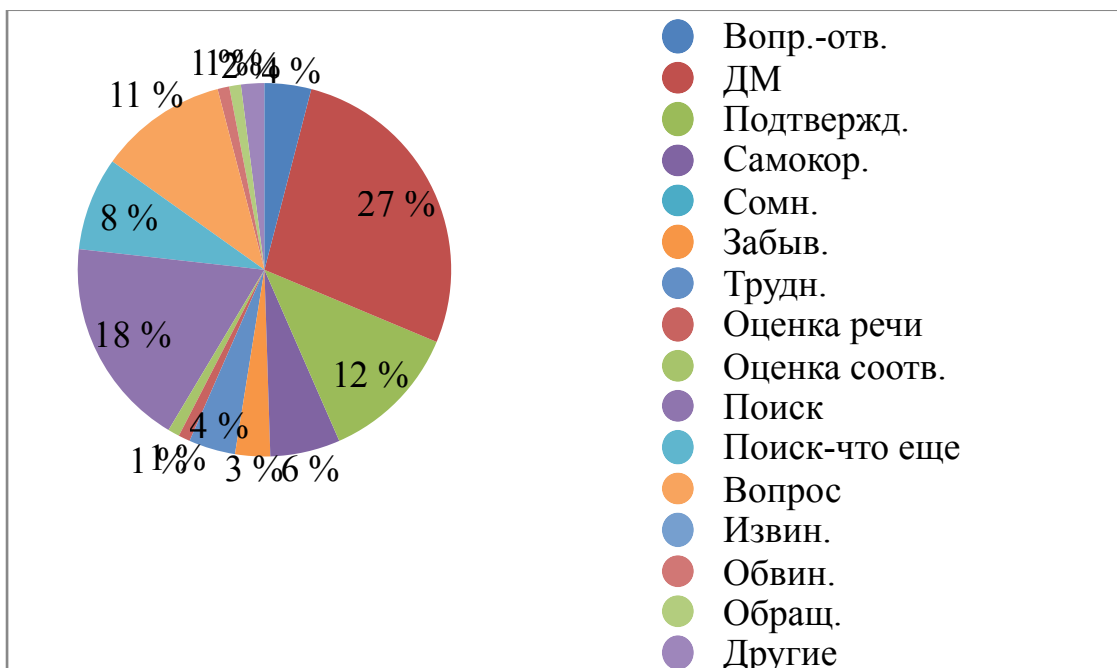

Рис. 32. Метакоммуникативный «репертуар» инофонов

Носители русского языка чаще, чем иностранцы, изучающие данный язык, рассуждают в вопросно-ответной форме в своих монологах (в 1,5 раза), эксплицируют свои сомнения и затруднения в выстраивании монологической речи (в 2,5 раза). Треть всех МЕ в их речи составляют дискурсивные маркеры, являющиеся важным средством выстраивания дискурса, в частности, монологического текста. Носители языка реже пользуются поиском слова (в 2 раза) и поиском *что ещё сказать* (в 1,5 раза), но несколько чаще эксплицируют забывание слова или факта предтекста, чем иностранные говорящие (в 1,5 раза).

Инофоны практически не оценивают свою монологическую речь и ее соответствие коммуникативному сценарию, лежащему в основе монолога. Они намного чаще (в 6 раз!) используют метакоммуникативные подтверждения собственных слов и чуть реже, чем носители русского языка, дискурсивные маркеры (в 1,3 раза). Иностранцы не извиняются за свою русскую речь, чаще прибегают к поисковым конструкциям (в 2 раза). В их речи более частотны уточняющие вопросы к экспериментатору (в 5,5 раз), однако в ней совершенно не отражаются сомнения говорящих по поводу построения своей речи.

В спонтанных монологах на русском языке говорящие на нем как на родном и как на неродном употребляют один и тот же репертуар метакоммуникативных средств. Однако носителям языка более свойственно оценивать свою речь по разным параметрам, а инофонам – пользоваться маркерами поиска слова, что вполне объясняется их уровнем владения русским языком.

10.   *Метакоммуникативные единицы в монологах информантов с разным уровнем экстраверсии/интроверсии*

В настоящем исследовании была выдвинута гипотеза о том, что экстравертам в целом более свойственно комментировать свою речь с помощью метакоммуникации. Данная гипотеза нашла подтверждение: среднее количество МЕ в одном монологе информанта-экстраверта – 1,8, амбивертов и интровертов – 1,1. При этом однофакторный дисперсионный анализ, направленный на проверку уровня статистической значимости фактора *экстраверсия/интроверсия*, оказался $\leq 0,05$ ($= 0,016$ для различия между экстравертами и амбивертами; чуть больше, $0,022$, – между экстравертами и интровертами). Это позволяет заключить, что психологические характеристики человека действительно влияют на количество МЕ в его спонтанном монологе.

Различаются и типичные метакоммуникативные средства, которые используют экстраверты, амбиверты и интроверты в своей монологической речи. На рис. 33-35 представлено распределение МЕ в речи информантов с разными психологическими характеристиками.

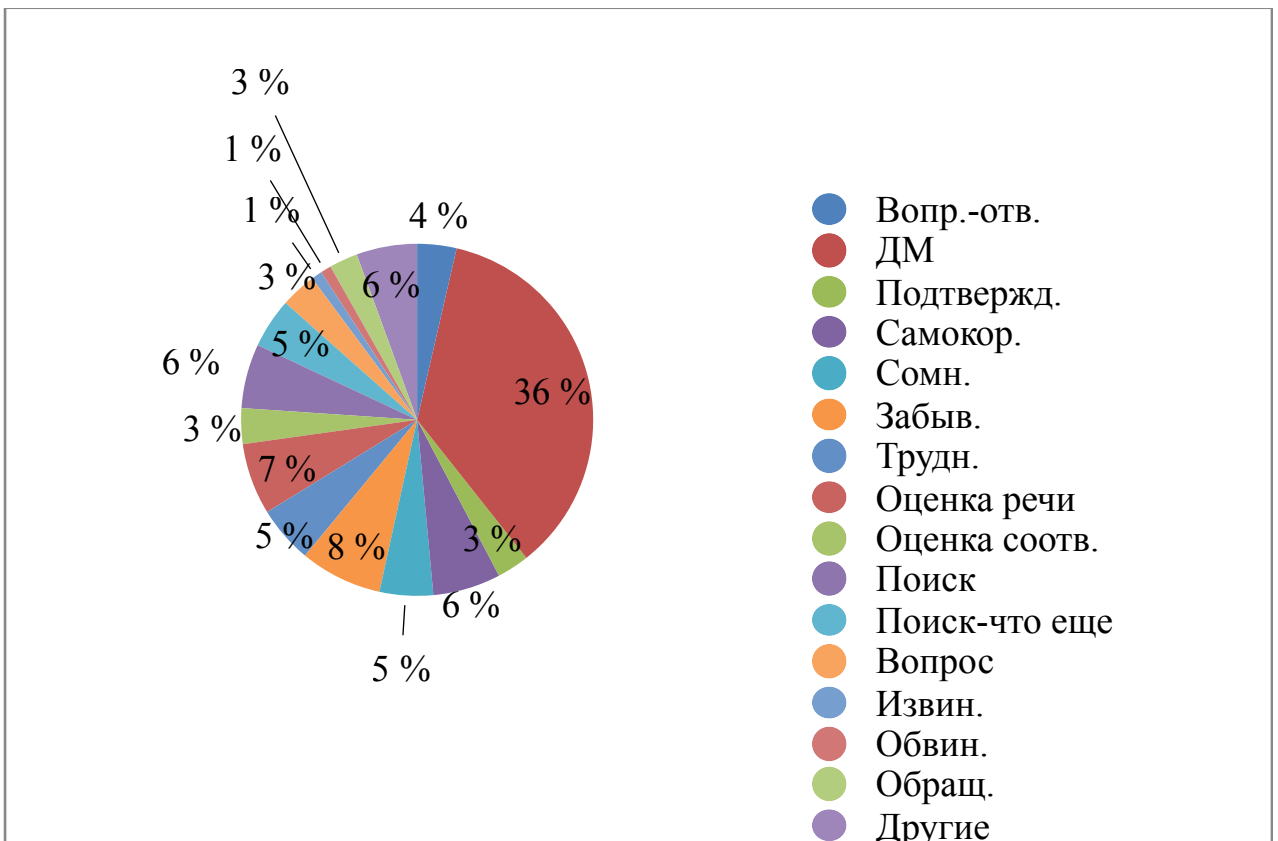

Рис. 33. Количество разных типов метакommункативных единиц в речи экстравертов

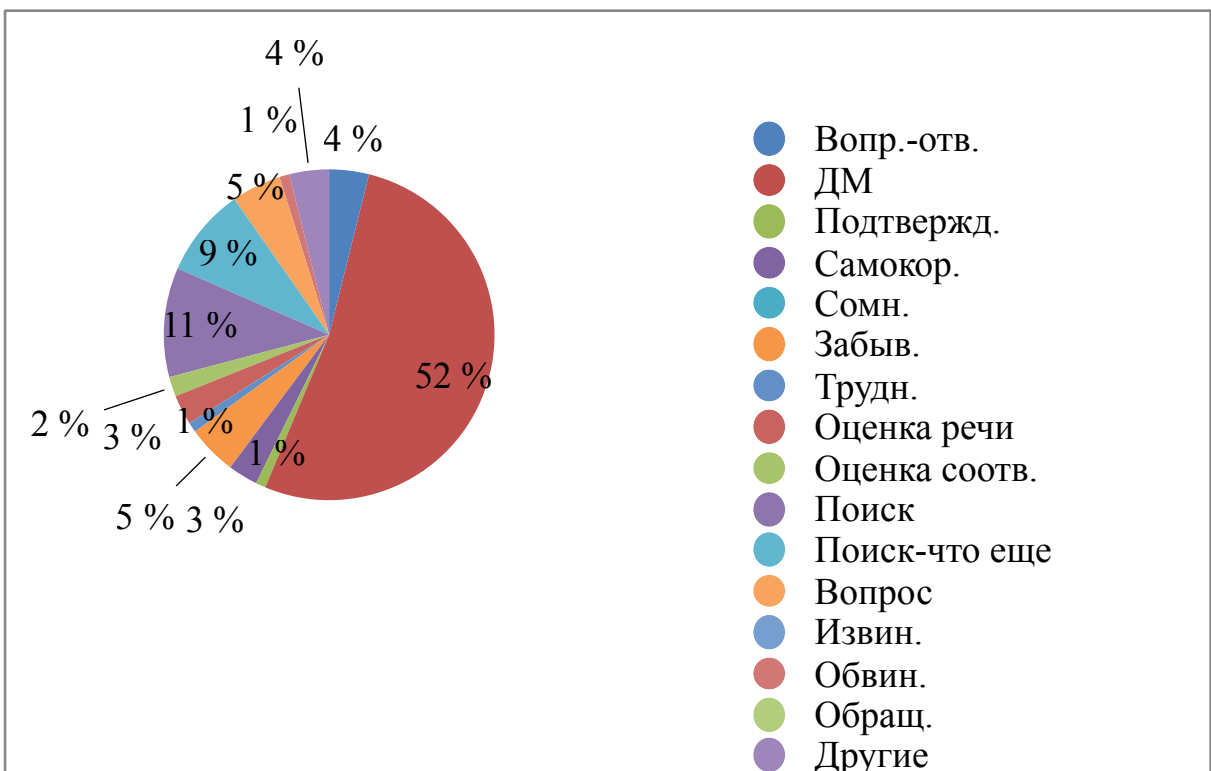
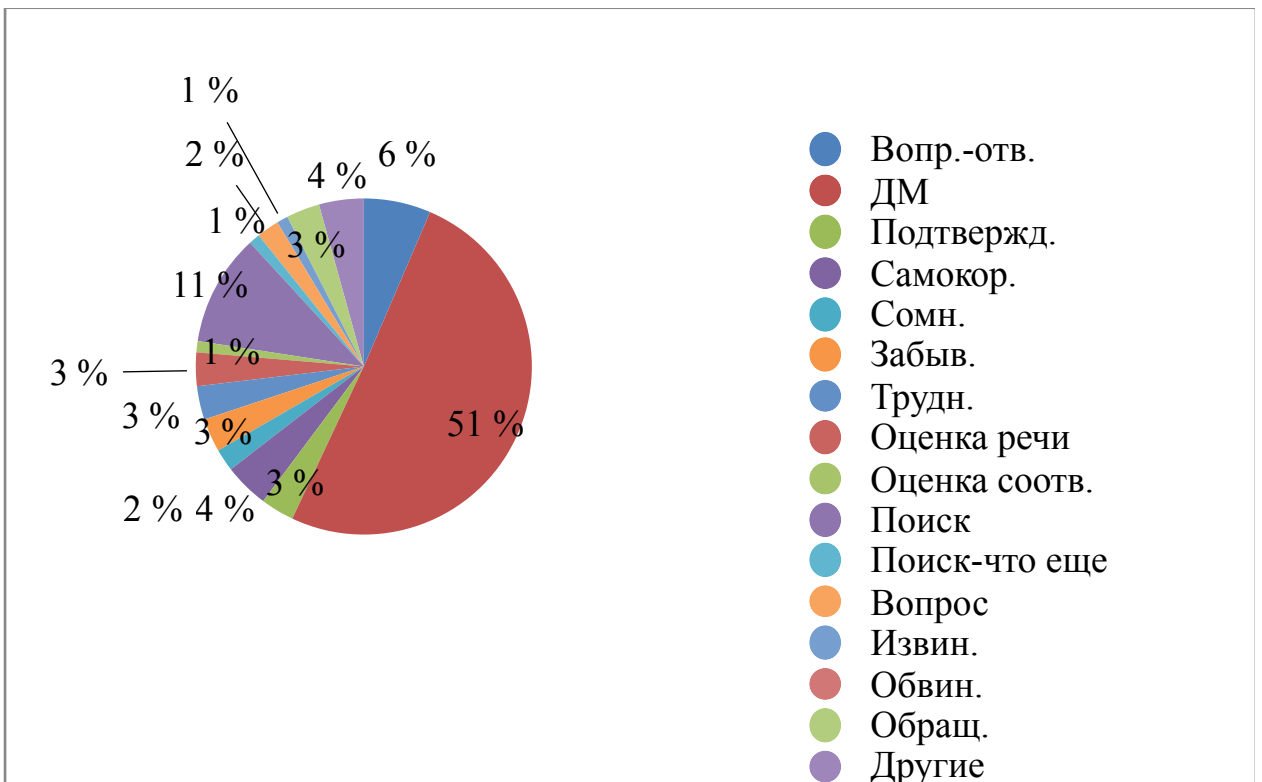

Рис. 34. Количество разных типов метакommункативных единиц в речи амбивертов

Рис. 35. Количество разных типов метакommunikативных единиц в речи интровертов

Из рисунков видно, что в монологах экстравертов встретились все типы метакommunikативных единиц. В их речи наблюдается меньшее количество дискурсивных маркеров, чем в речи говорящих с другим психотипом (в 1,5 раза меньше), но очень высок процент экспликации забывания слова или факта предтекста (в 1,5–2,5 раза выше) и оценок в разных аспектах собственной речи (в 2 раза выше). Менее распространен, чем в речи амбивертов, поиск *что ещё сказать*, однако более частотна самокоррекция (употребляется в 1,5–2 раза чаще, чем в монологах амбивертов и интровертов).

В спонтанной речи амбивертов отсутствуют такие типы метакommunikативных единиц, как элементы, эксплицирующие сомнения, извинения и обращения. Более половины всех МЕ в их монологах – это дискурсивные маркеры. Очень частотны поисковые элементы (в 2 раза больше, чем у экстравертов, поиска слова и поиска *что ещё*, в 9 раз больше

поиска *что ещё*, чем у интровертов) и вопросы к экспериментатору (в 1,5 раза больше, чем у интровертов).

В речи интровертов более половины всех МЕ являются дискурсивными маркерами, встретилось много использующихся для поиска слова метаэлементов (в 2 раза больше, чем у экстравертов) и мало использующихся для поиска *что ещё* (в 5–9 раз меньше, чем у экстравертов). В монологах интровертов отсутствуют обвинения, очень мала доля оценивающих собственную речь МЕ, наряду с одинаковой долей у амбивертов (в 2 раза меньше, чем у экстравертов). Интроверты чаще используют вопросно-ответную формы рассуждения в монологической речи (в 1,5 раза). В их речи фиксируется малое количество МЕ, выражающих забывание слова или факта текста (в 1,5–2,5 раза).

Таким образом, влияние психологического типа говорящего на такую характеристику его речи, как употребление метакоммуникации, неоспоримо. При этом экстравертам свойственно употребление эксплицирующих (забывание, сомнение или затруднение) и корректирующих метаединиц, амбивертам – поисковых метаэлементов, интровертам – дискурсивных единиц, особенно вопросно-ответной формы рассуждения в монологе. При этом информанты с любым психотипом часто используют дискурсивные маркеры для структурирования своей речи, но экстраверты при этом – несколько реже, чем представители других психологических групп.

11. Метакоммуникативные единицы в разных типах монологов

Наконец, важным фактором, обуславливающим употребление тех или иных метакоммуникативных единиц в спонтанном монологе, является тип монологической речи. В таблице 4 представлено среднее число МЕ в монологах разного типа.

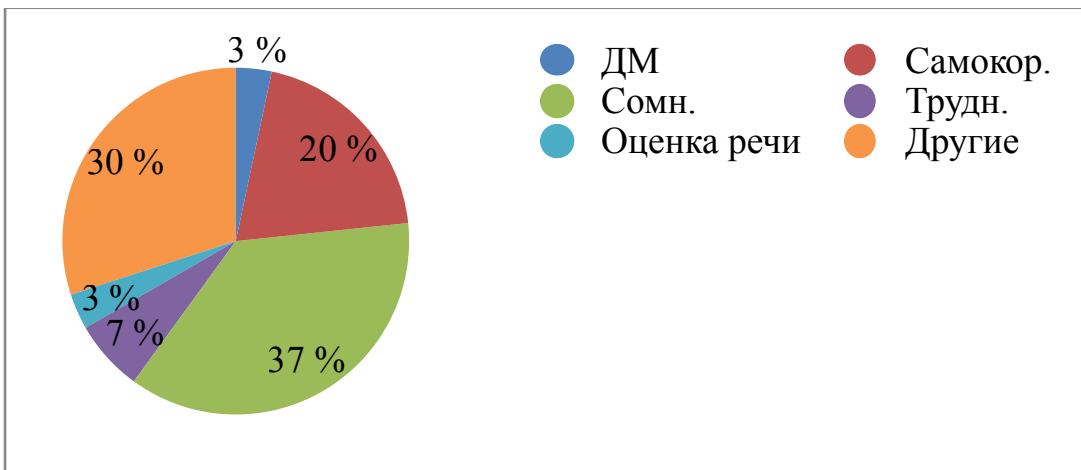

Среднее количество метакоммуникативных единиц в монологах разного типа

Тип монолога	Количество МЕ
Чтение текста	0,4
Пересказ текста	1,1
Описание изображения	1,3
Рассказ	2,4

Результаты однофакторного дисперсионного анализа показали, что статистически значимыми являются все различия между средними значениями в выборках ($p \leq 0,05$), кроме несущественного преобладания количества метаэлементов в монологах-описаниях над количеством МЕ в пересказах предтекста. Таким образом, можно заключить, что рассказ наиболее насыщен метаединицами, пересказ текста и описание изображения занимают второе место по количеству МЕ. В чтении, предсказуемо, встретилось меньше всего метаединиц, в связи с его большей лингвистической мотивированностью предтекстом (малой вероятностью наличия отступлений от предтекста) и меньшей спонтанностью. Рассказ, будучи наиболее спонтанным монологом из всех рассматриваемых в данной работе, имеет достаточно небольшую мотивированность (тематическую заданность) вопросом экспериментатора, допускает включение большего числа МЕ. Метакоммуникация, следовательно, является когнитивным процессом и лингвистическим явлением, наиболее характерным именно для рассказа.

Различные типы метакоммуникативных единиц распределяются в монологах неодинаково (см. рис. 36-39).

Рис. 36. Количество типов метакommункативных единиц в чтении текста

В *монологах-чтениях* присутствуют только такие типы МЕ, как дискурсивные маркеры начала говорения, самокоррекция, экспликация сомнений при произношении слова (преобладающий тип метакommункации) и затруднений при прочитывании сложных синтаксических конструкций и незнакомых информанту слов, оценивание своей речи и другие метаэлементы, чаще всего оценивающие текст, предложенный для чтения (рис. 36).

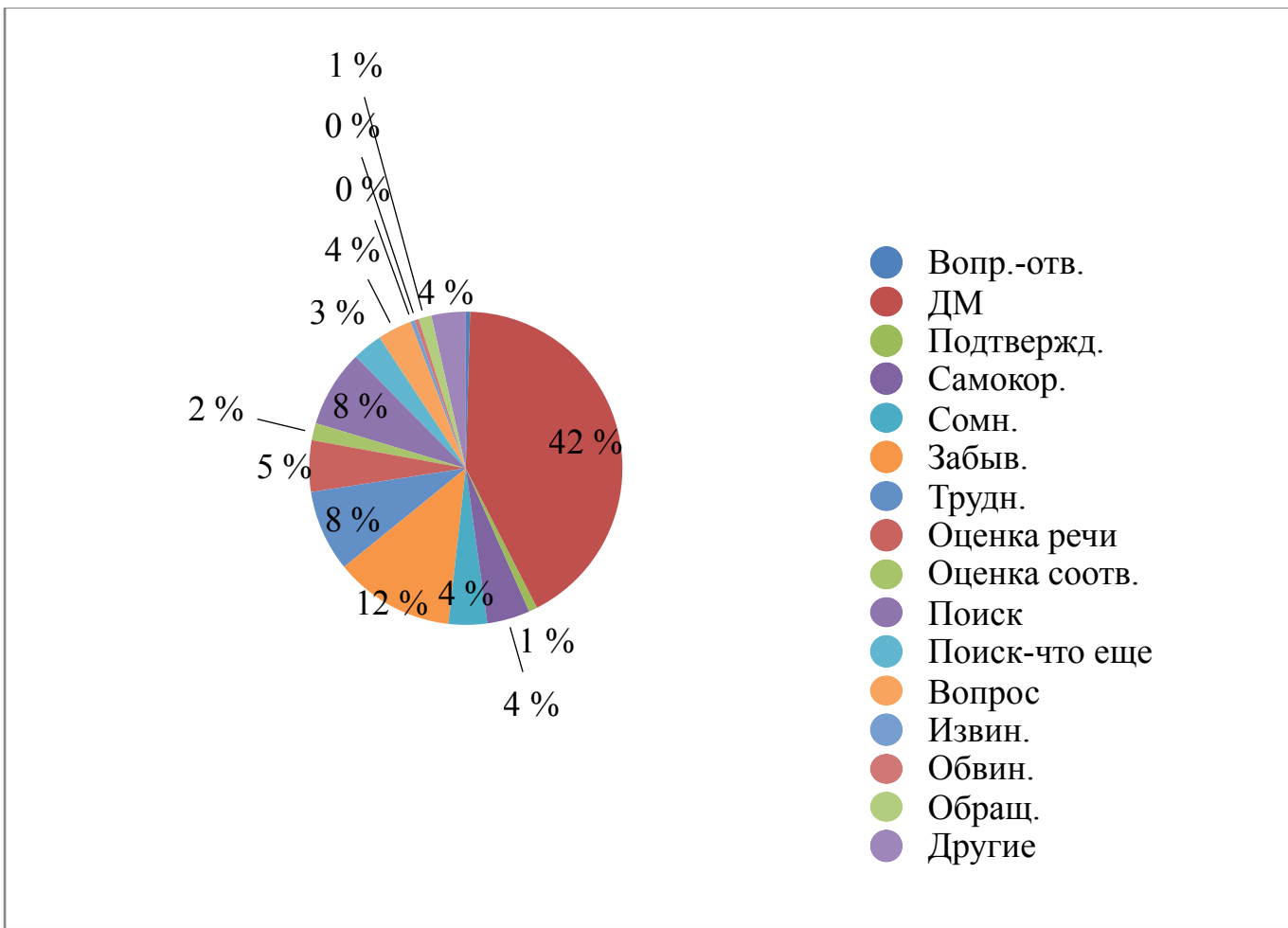
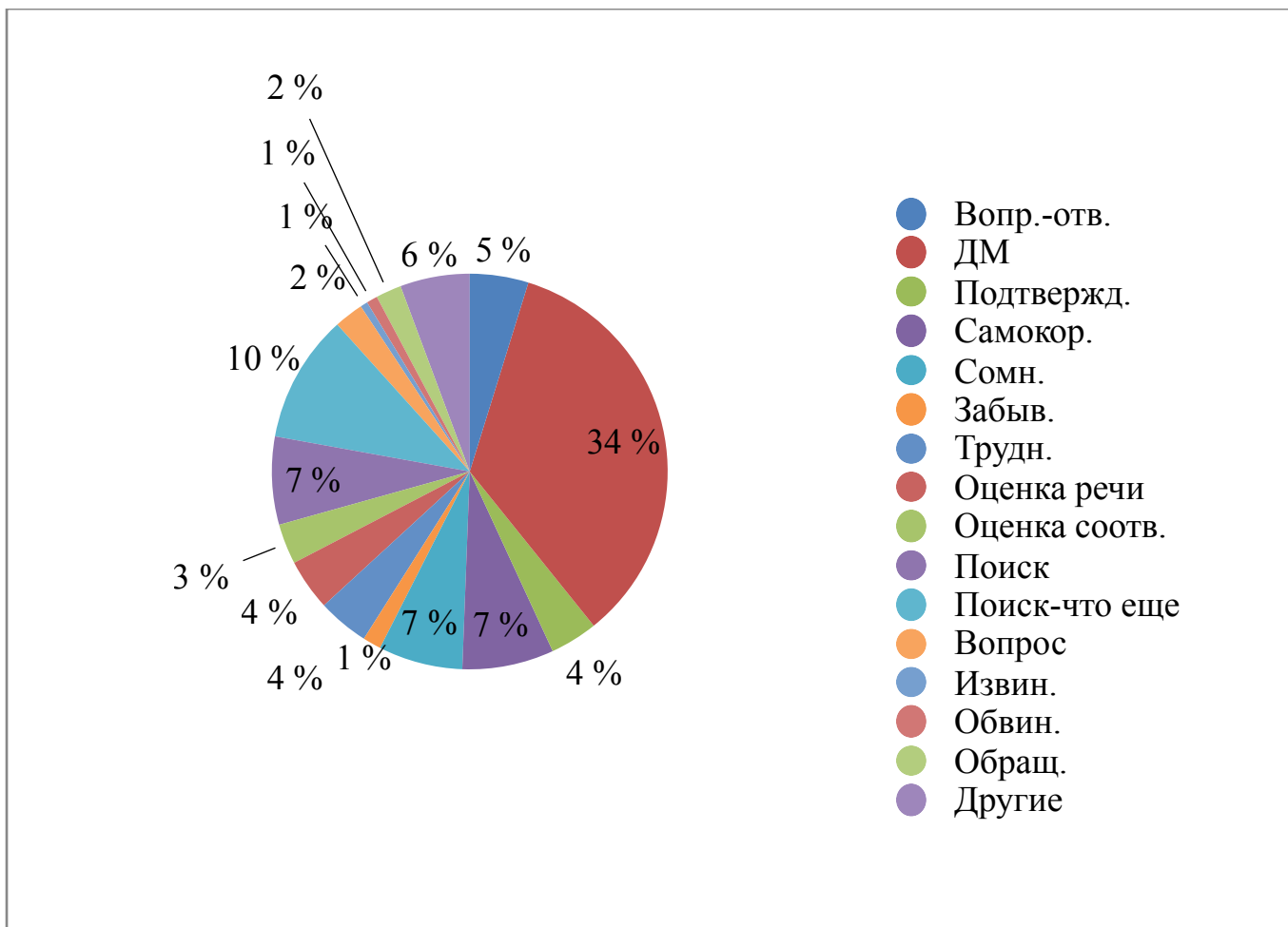

Рис. 37. Количество типов метакommункативных единиц в пересказе текста

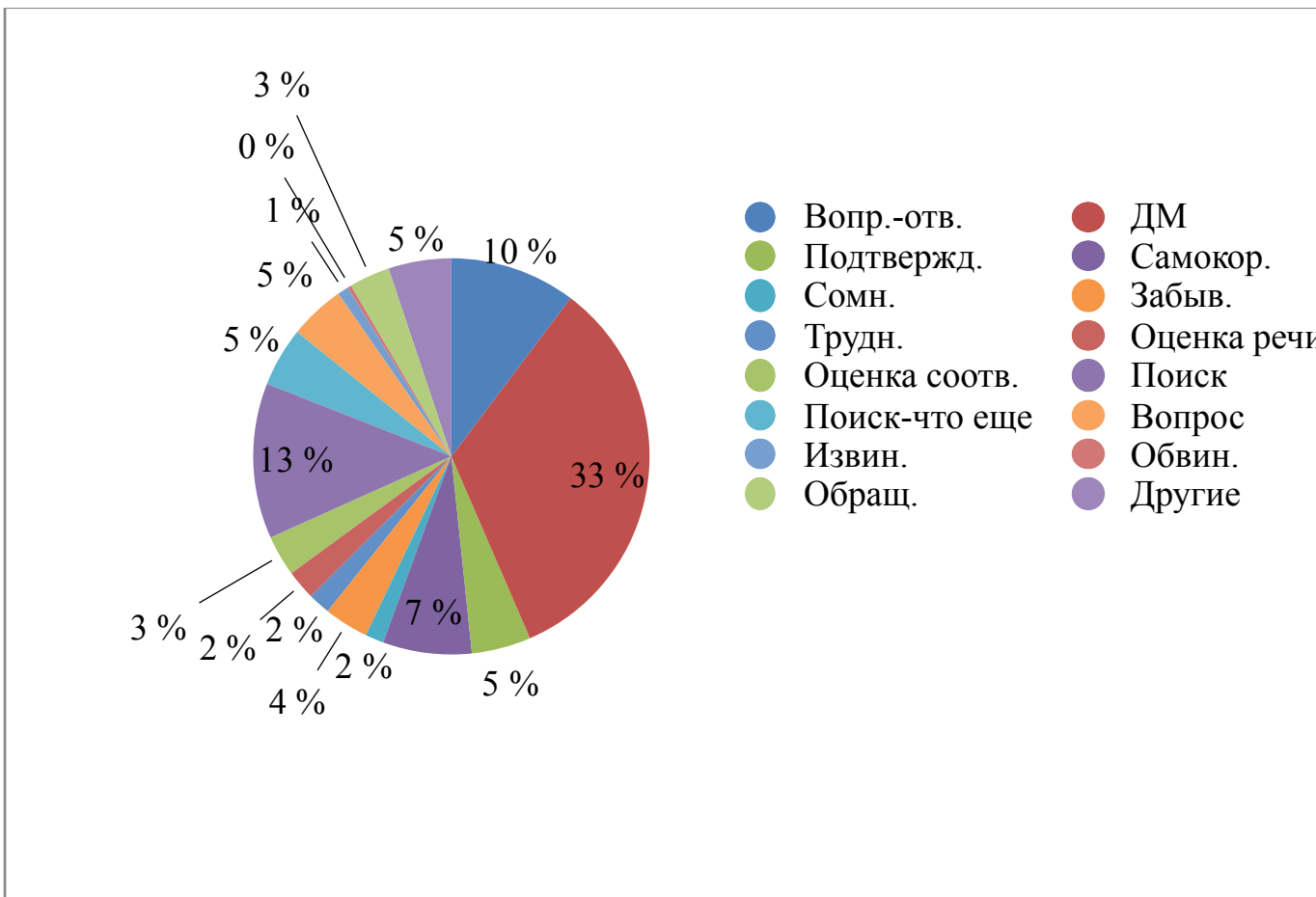
В текстах-пересказах встретилось наибольшее количество дискурсивных маркеров, по сравнению с иными типами монологов (в 1,5 раза больше), практически не представлена вопросно-ответная форма рассуждения и подтверждения собственной речи. Экспликация забывания слова или факта пересказываемого текста, закономерно, используется здесь информантами чаще, чем в других монологических текстах (в 3–12 раз!); это второй по распространенности тип метакommункации в пересказах. Пересказы вызывают больше затруднений у говорящих (в 2–4 раза), также провоцируя более высокую долю оценок соответствия речи коммуникативному сценарию пересказа (в 1,5–2,5 раза выше) (рис. 37).

Описания изображения содержат больше поисковых МЕ, направленных на поиск что ещё сказать (в 2–3 раза больше) и эксплицирующих сомнение

метакомментариев (в 1,5–3,5 раза больше). Информанты реже всего забывают слова именно при продуцировании описания изображения (в 412 раз!). Поиск слова наименее частотен в моногах-описаниях по сравнению с другими типами монологической речи (в 1,5 раза) (рис. 38).

Рис. 38. Количество типов метакommункативных единиц в описании изображения

Рис. 39. Количество типов метакоммуникативных единиц в рассказе

В рассказах информанты используют больше всего подтверждающих сказанное МЕ (в 1,2–5 раз больше). Самокоррекция распространена настолько же, насколько в монологах-описаниях, и употребляется в 1,5 раза чаще, чем в пересказах текста. Второй по распространенности тип МЕ в таких монологах – поисковые конструкции (в 1,5 раза чаще, чем в других текстах). Рассказы изобилуют вопросами к экспериментатору: их доля в 1,32,5 раза выше. Информанты почти не испытывают затруднений в построении спонтанного рассказа: доля эксплицирующих МЕ в них в 24 раза ниже (рис. 39).

По нашей гипотезе, несюжетные тексты и изображения более сложны для пересказа и описания и, вследствие этого, должны провоцировать информантов на более частое употребление метакоммуникативных единиц. Данная гипотеза подтвердилась лишь отчасти. В пересказе несюжетного текста в среднем выявлено 1,2 МЕ на монолог, в пересказе сюжетного – 1 МЕ.

Преобладание числа МЕ в пересказах несюжетных текстов над количеством метаединиц в пересказах сюжетных текстов оказалось статистически незначимым: Т-критерий Стьюдента составил 1,35, а p (вероятность гипотезы о значимом преобладании) $\geq 0,05$ ($=0,18$). В описаниях сюжетного изображения в среднем фиксируется 1,7 МЕ на монолог, в описании несюжетного – 1 МЕ. Т-критерий Стьюдента для сравнения этих средних значений составил 2,94, а $p \leq 0,05$ ($=0,01$). В результате преобладание метаэлементов в описаниях несюжетных изображений можно считать статистически значимым.

Различные типы метакоммуникации тяготеют к использованию в монологах, пересказывающих или описывающих сюжетный или несюжетный предтекст. Так, экспликация затруднений более свойственна говорящим при пересказе несюжетного текста (в 2 раза больше таких МЕ); а забывание слова или факта предтекста чаще встречается в пересказах сюжетных предтекстов (в 1,5 раза), что мотивировано присутствием в них конкретного определенного порядка действий персонажей, имен собственных и прочей информации, сохраняющейся в (или теряющейся из) оперативной памяти информанта. Поисковые метаэлементы встречаются в описаниях несюжетных изображений в 2–4 раза чаще, чем в описаниях сюжетных, вопростно-ответная форма рассуждения также используется говорящими в 2 раза чаще при описании несюжетного предтекста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено метакоммуникации в устных спонтанных монологах разного типа, к которым относятся *чтение* и *пересказ* сюжетного и несюжетного предтекстов, *описание* сюжетного и несюжетного изображений и *рассказ* на заданную тему.

Первая глава работы освещает основные вопросы, связанные с различением языка и речи, категориями устности и спонтанности речи, диалогической и монологической ее формами. В ней приводится обзор современных лингвистических корпусов, рассматриваются типы спонтанных монологов, а также затрагиваются социо- и психолингвистические аспекты изучения речи. Метакоммуникация в работе определяется как особый вид общения, представляющий собой «коммуникацию по поводу коммуникации», выполняющий метаязыковую функцию.

Источником материала для исследования послужили монологи из *Сбалансированной аннотированной текстотеки* (САТ) – одного из двух блоков *Звукового корпуса русского языка*. Результаты исследования войдут в *грамматику речи*, создающуюся в настоящее время на основе анализа специфических законов построения речи, которые существенно отличаются от соответствующих законов языка. В рассмотренном материале (669 монологов) была выявлена 921 метакоммуникативная единица (МЕ).

В ходе исследования, который отражен во второй главе работы, была составлена типология метакоммуникативных элементов, в основе которой лежит функция конкретной единицы в речи. Выделяются две больших группы МЕ – ориентированных на сам текст монолога и обращенных к слушателю. Внутри первой группы различаются 12 видов метаединиц: дискурсивные (включая вопросно-ответную форму рассуждения, дискурсивные маркеры и подтверждение собственных слов), корректирующие (самокоррекция), эксплицирующие (забывание слова или факта предтекста, сомнения и затруднения говорящего в построении речи), оценивающие (собственную речь и ее соответствие коммуникативному

сценарию монолога), поисковые (необходимые для поиска слова или последующих тем для говорения) и иные МЕ. Внутри второй группы выделяется 4 вида метаэлементов: вопросы и обращения к экспериментатору, извинения за свою речь и обвинения в сложности предложенного речевого сценария, предъявляемые экспериментатору. Наиболее частотным типом МЕ являются дискурсивные маркеры (321 контекст / 35 % от всех типов метаединиц), наименее частотными – извинения (6/1 %) и обвинения (5/1 %). В работе подробно рассмотрен метакоммуникативный репертуар разных социальных и психологических групп говорящих с определением частотности тех или иных типов МЕ, дано полное описание каждого из типов метакоммуникации со множеством примеров.

Многоаспектный анализ МЕ позволил сделать следующие выводы об их функционировании в спонтанной монологической речи.

Были подтверждены гипотезы о наличии корреляции между уровнем речевой компетенции (УРК), профессиональной занятостью, родным языком и экстравертностью/интровертностью информанта и средним количеством метаэлементов в его монологе. Так, говорящие со средним УРК используют меньше МЕ (в среднем 0,9 в одном тексте) в монологической речи, чем обладатели высокого (1,5 МЕ) и низкого (1,6 МЕ) УРК; значимо больше МЕ в речи преподавателей РКИ (2,7 МЕ в монологе), чем в речи других профессиональных групп; метакоммуникация более частотна в монологах носителей нидерландского языка (4,1 МЕ в тексте) по сравнению с носителями других языков; МЕ чаще встречаются в речи экстравертов (1,8 МЕ), чем в текстах, произведенных амбивертами и интровертами (1,1 МЕ). Пол и возраст говорящего, а также степень его владения русским языком не влияют на среднее количество метаэлементов в устной монологической речи. Однако женщины чаще используют эксплицирующие сомнения и затруднения в речи МЕ, а мужчины – вопросно-ответную форму рассуждения в монологе; говорящие младшего (юношеского) возраста больше склонны оценивать свою речь, чем информанты других возрастных

групп, говорящие позднего зрелого возраста – употреблять поисковые метаединицы. Инофоны же, к примеру, чаще задают вопросы экспериментатору, чем носители русского языка.

Помимо этого, подтверждена гипотеза о зависимости количества и характера МЕ от типа монолога, в котором они встретились. Наибольшее число метаэлементов приходится на монолог-рассказ (в среднем, 2,4 МЕ на монолог), наименьшее – на чтение текста (в среднем, 0,4 МЕ на монолог). Монолог-чтение может включать ограниченное количество типов метакоммуникации, среди которых частотны самокоррекция и экспликация сомнений говорящего. Пересказ текста маркирован наличием высокой доли эксплицирующих забывание слова или факта текста МЕ. При описании изображения информанты часто пользуются поиском *что ещё сказать*, а при продуцировании рассказа – поиском слова.

К *перспективам* настоящего исследования можно отнести сопоставление монологической и диалогической форм речи в метакоммуникативном аспекте. На данном этапе, только на основании эмпирических наблюдений, можно предположить, что в монологе метакоммуникация представлена шире, чем в диалоге (ср. большее количество обращенных к себе метакоммуникативных единиц, чем обращенных к другому, по данным настоящего исследования), однако это предположение требует проверки на материале другого характера, т. е. в текстах устной спонтанной диалогической речи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение: Уч. пособие. – М.: Просвещение, 1984. – 384 с.
2. *Адмони В. Г.* Система форм речевого высказывания. – СПб.: Наука, 1994. – 153 с.
3. *Алпатов В. М.* Япония: язык и культура. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 206 с.
4. *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. – Л.: ЛГУ, 1968. – 338 с.
5. *Андрющенко Т. Я.* Метатекст и его роль в интерпретации текста // Проблемы организации речевого общения: сб. ст. / Под ред. *Е. Ф. Тарасова*. М.: ИЯ АН СССР, 1981. – С. 127–150.
6. *Апресян Ю. Д.* Прагматическая информация для толкового словаря // *Ю. Д. Апресян*. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – С. 629–650.
7. *Арапова Н. С.* Профессионализмы // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. *В. Н. Ярцевой*. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 403.
8. *Арюхина Е. Г.* Метакоммуникативные высказывания, управляющие содержательной стороной диалога и интенцией высказывания. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2005. – 22 с.
9. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
10. *Балли Ш.* Французская стилистика. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. – 394 с.
11. *Басалаева Е. Г.* Об одном из способов проявления языковой рефлексии говорящих // Проблема выбора и интерпретации языкового знака говорящим и слушающим: межвуз. сб. науч. трудов. – Новосибирск: НГПУ, 2007. – С. 100–106.
12. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
13. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества // Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. – М.: Искусство, 1979. – С. 237–280.
14. *Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социолингвистика. Учебник. – М.: РГГУ, 2001. – 439 с.

15. *Богданова Н. В.* О синтаксических коррелятах дифференциации уровней речевой культуры. Межвуз. сб. науч. трудов // Живое слово в русской речи Прикамья. – Пермь: ПГУ, 1993. – С. 92–100.
16. *Богданова Н. В.* Устная литературная речь как объект лингвистического исследования // Материалы XXVI межвуз. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. Фонетика. Грамматика. Стилистика русской публичной и художественной речи. Вып. 5 / Отв. ред. *Л. В. Бондарко, Д. М. Поценья*. – СПб.: СПбГУ, 1997. – С. 3539.
17. *Богданова Н. В.* Синтаксические признаки устной монологической речи и степень их диагностичности для дифференциации социальных характеристик говорящего (к постановке проблемы) // Материалы XXVII Межвуз. науч.-метод. конфер. преподавателей и аспирантов. Вып. 2. Секция грамматики (русско-славянский цикл). 16–22 марта 1998 г. Тезисы докладов / Отв. ред. *Г. Н. Акимова*. – СПб.: СПбГУ, 1998. – С. 6268.
18. *Богданова Н. В.* Живые фонетические процессы русской речи: пособие по спецкурсу. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2001. – 186 с.
19. *Богданова Н. В.* Спонтанный монолог: норма и реализация // II Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, Филол. ф-т, 18–21 марта 2004 г. Труды и млы. – М.: МГУ, 2004. – С. 10.
20. *Богданова Н. В.* О единице описания синтаксической структуры устного спонтанного монолога: проблемы, методики, гипотезы // ... СЛОВО ОТЗОВЁТСЯ: памяти Аллы Соломоновны Штерн и Леонида Вольковича Сахарного. – Пермь: ПГУ, 2006. – С. 288–293.
21. *Богданова Н. В.* Полевая лингвистика и проблема учебного текста // Материалы XXXVI Междун. филол. конф. 12-17 марта 2007 г., Санкт-Петербург. Вып. 20: Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественного языка / Отв. ред. *А. С. Асиновский, Н. В. Богданова*. – СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2007. – С. 21–30.
22. *Богданова Н. В.* Принцип невода и принцип ковчега в корпусных исследованиях русской речи // Слово есть дело. Юбилейный сборник научных трудов в честь профессора Ирины Павловны Лысаковой. Т. I. – СПб.: Сударыня, 2010а. – С. 82–91.
23. *Богданова Н. В.* Уровень речевой компетенции как реальная социальная характеристика говорящего, определяющая его речь // Материалы XXXVIII Междун. филол. конф. Вып. 22. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. 16–20 марта 2009 года / Отв. ред.

- А. С. Асиновский*, науч. ред. *Н. В. Богданова*. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2010б. – С. 29–40.
24. *Богданова Н. В.* О корпусе текстов живой речи: новые поступления и первые результаты исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междун. конф. «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). Вып. 9 (16). – М.: РГГУ, 2010в. – С. 35–40.
  25. *Богданова Н. В.* Вставные конструкции в звучащем спонтанном монологе (к проблеме построения грамматики русской речи) // Вопросы культуры речи / Отв. ред. *А. Д. Шмелев*. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2011. – С. 204–212.
  26. *Богданова Н. В.* Метакоммуникация в устной спонтанной речи (диалог vs. монолог) // Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании. III междун. науч.-практ. конф. – Минск, 2012а. – С. 330–331.
  27. *Богданова Н. В.* О проекте словаря дискурсивных единиц русской речи (на корпусном материале) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Междун. конф. «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). Вып. 11 (18). Т. 1. – М.: РГГУ, 2012б. – С. 71–80.
  28. *Богданова Н. В.* Конструкция (...) скажем (...) в повседневной русской речи (материалы к словарю дискурсивных единиц) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – № 2, 2012в. – С. 153–157.
  29. *Богданова Н. В., Бродт И. С.* Членимость на предложения устных монологов разного типа // Вопросы русского языкознания. Вып. XI. Аспекты изучения звучащей речи. Сб. науч. ст. к юбилею Елены Андреевны Брызгуновой / Отв. ред. *М. Л. Ремнева*. – М.: МГУ, 2004. – С. 95–97.
  30. *Богданова Н. В., Бродт И. С., Куканова В. В., Павлова О. В., Сапунова Е. М., Филиппова Н. С.* О «корпусе» текстов живой речи: принципы формирования и возможности описания // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 7 (14). По материалам ежегодной междун. конф. «Диалог» (2008) / Гл. ред. *А. Е. Кибрик*. – М.: РГГУ, 2008. – С. 57–61.
  31. *Богданова Н. В., Куканова В. В., Сапунова Е. М., Филиппова Н. С.* Звуковой корпус как способ описания языка современного города // Материалы Междун. науч. конф. «Речевая коммуникация в современной России». 28-30 апреля 2009 г. / Под ред. *О. С. Иссерс, Н. А. Кузьминой*. – Омск: Ом. гос. ун-т, 2009. – С. 43–48.

32. *Богданова-Бегларян Н. В.* Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Вып. 3 (27), 2014. – С. 7–20.
33. *Богданова-Бегларян Н. В.* Новый материал – новые термины // XLIV Междун. филол. конф. 10–15 марта 2015 года. Тезисы. – СПб., 2015. – С. 557–558.
34. *Богданова-Бегларян Н. В.* Функционирование некоторых прагматем русской устной речи в коммуникации представителей разных социальных групп // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Вып. 2 (34), 2016. – С. 38–49.
35. *Богданова-Бегларян Н. В., Асиновский А. С., Блинова О. В., Маркасова Е. В., Рыко А. И., Шерстинова Т. Ю.* Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / Ред. *Д. Шумска, К. Озга*. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. – С. 357–372.
36. *Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я.* Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / Науч. ред. *Д. А. Кочаров, П. А. Скредлин*. – СПб.: Политехника-принт, 2017. – С. 14–20.
37. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Значение языка как предмета изучения // Ред. *М. С. Лапатухин*. Методика преподавания русского языка (хрестоматия). – М.: Учпедгиз, 1960. – С. 243–246.
38. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Некоторые из общих положений, к которым довели Бодуэна его наблюдения и исследования явлений языка // *И. А. Бодуэн де Куртенэ*. Избранные труды по общему языкознанию. – М.: АН СССР, 1963. Т. 1. – С. 348–350.
39. *Бондарко Л. В.* Фонетика современного русского языка. – СПб.: СПбГУ, 1998. – 276 с.
40. *Брайт У.* Введение: параметры социолингвистики // Новое в лингвистике. Вып. VII. – М.: Изд-во иностранной литературы 1975. – С. 34–41.
41. *Бродт И. С.* Спонтанный монолог в лингвистическом и социолингвистическом аспектах (на материале текстов разного типа). Дис. ... канд. фил. наук. – СПб., 2007. – 289 с. (машинопись).
42. *Валгина Н. С.* Синтаксис современного русского языка: Учебник. – М.: Агар, 2000. – 416 с.

43. *Вахтин Н. Б, Головкин Е. В.* Социолингвистика и социология языка. Учебное пособие. – СПб.: Гум. Академия; Европейский ун-т, 2004. – 335 с.
44. *Вежбицка А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 402–421.
45. *Венгер Л. А.* Возрастная психология // Большая советская энциклопедия. Т. 5. – М.: Советская энциклопедия, 1971. – С. 270.
46. *Вепрева И. Т.* Что такое рефлексив? Кто он, homo reflectens? // Известия Уральского государственного университета. – № 24, 2002. – С. 217–227.
47. *Верховцева Т. А.* Функционирование конструкции (...) как это (...) в устной спонтанной речи // Коммуникативные исследования. – № 3 (9), 2016. – С. 11–18.
48. *Верхолетова Е. Ю.* Структурно-динамический подход к социальной стратификации устной речи. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2010. – 19 с.
49. *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: АН СССР, 1963. – 251 с.
50. *Винокур Т. Г.* Диалогическая речь // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. *В. Н. Ярицевой*. – М.: Советская энциклопедия, 1990а. – С. 135.
51. *Винокур Т. Г.* Монологическая речь // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. *В. Н. Ярицевой*. – М.: Советская энциклопедия, 1990б. – С. 310.
52. *Воробьева Е. М.* Функциональные характеристики метакоммуникативных речевых действий. Дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2006. – 204 с. (машинопись).
53. *Выготский Л. С.* Мышление и речь // *Л. С. Выготский*. Избранные психологические исследования. – М.: АПН РСФСР, 1956. – С. 39–386.
54. *Выготский Л. С.* Детская психология // *Л. С. Выготский*. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 4. – М.: Педагогика, 1984. – 432 с.
55. *Гавриленко И. И.* Особенности восприятия вставных конструкций при чтении научного текста // Фонетические чтения. К 100-летию Л. Р. Зиндера. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2004а. – С. 137141.
56. *Гавриленко И. И.* Дополнительная информация в научных текстах: семантические, синтаксические и просодические особенности (на материале русского языка). Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004б. – 275 с. (машинопись).

57. *Гаспаров Б. М.* Устная речь как семиотический объект // Ученые записки Тартуского университета.– Вып. 442, 1978. – С. 63–112.
58. *Головин Б. Н.* Вопросы социальной дифференциации языка // Вопросы социальной лингвистики. – Л.: Наука, 1969. – С. 343–355.
59. *Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б.* Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. Вып. 25. – Саратов: Сарат. ун-т, 1993. – С. 9–19.
60. *Гомон Т. В.* Исследование документов с деформированной внутренней структурой. Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1990. – 182 с. (машинопись).
61. *Горошко Е. И.* Особенности мужского и женского вербального поведения (психолингвистический анализ). Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 158 с. (машинопись).
62. *Грамматика русского языка.* Том II. Синтаксис. Часть вторая / *В. В. Виноградов, Е. С. Истрина* (ред.). – М.: АН СССР, 1960. – 440 с.
63. *Грановская Р. М.* Элементы практической психологии: Уч. пособие. – Л.: ЛГУ, 1988. – 560 с.
64. *Гуревич Л. С.* Коммуникация и метакоммуникация в диалектике познания // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – № 2, 2009. – С. 148–155.
65. *Девкин В. Д.* «Монолог» в диалоге и диалог в «монологе» // Функции языковых единиц в тексте. – Куйбышев: КГУ, 1986. – С. 16–25.
66. *Дубровченко Е. М.* К вопросу о метакоммуникации в современном мире // Русский язык. Литература. Культура: актуальные проблемы изучения и преподавания в России и за рубежом: I Междунар. науч.-практ. интернет-конф., Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, Филол. ф-т, 5–12 октября, 23 ноября – 7 декабря 2009 г.: тр. и м-лы / Сост. *А. Н. Богомолов, Л. А. Дунаева.* – М.: МГУ, 2010. – С. 305–310.
67. *Дубровченко Е. М.* Специфика метакоммуникации как особого типа общения // *Lingua Mobilis.* № 2 (28). – Челябинск, 2011. – С. 79–82.
68. *Евграфова С. М.* Феномен естественной письменной речи и его влияние на языковую систему // *Acta Slavica Estonica V.* Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. XVI. Антропоцентризм в языке и речи. Памяти Михаила Алексеевича Шелякина. – Тарту: Тарт. ун-т, 2014. – С. 248–260.
69. *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – С. 264–389.
70. *Ерофеева Е. В.* Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. – Пермь: ПГУ, 2005. – 315 с.

71. *Ерофеева Е. В.* Языковая ситуация современного города и методы ее исследования // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Вып. 5, 2009. – С. 16–23.
72. *Ерофеева Т. И.* Локальная окрашенность литературной разговорной речи. – Пермь: ПГУ, 1979. – 91 с.
73. *Ерофеева Т. И.* Опыт исследования речи горожан (территориальный, социальный и психологический аспекты). – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1991. – 135 с.
74. *Ерофеева Т. И.* Понятие «социолект» в истории лингвистики XX века // Изменяющийся языковой мир. – Пермь: ПГУ, 2002. – С. 170–175.
75. *Ерофеева Т. И.* Современная городская речь. – Пермь: ПГУ, 2004. – 316 с.
76. *Ерофеева Т. И.* Штрихи речевого портрета Прикамья [Электронный ресурс]: учеб. пособие по спецкурсу. – М.: Флинта, 2012. – 192 с.
77. *Ерофеева Т. И., Марамзина О. В.* Тип темперамента человека и его речь (экспериментальное исследование) // Живое слово в русской речи Прикамья. – Пермь: ПГУ, 1993. – С. 55–61.
78. *Жинкин Н. И.* Механизмы речи. – М.: АПН РСФСР, 1958. – 370 с.
79. *Жинкин Н. И.* Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 158 с.
80. *Захаров В. П.* Корпусная лингвистика: Уч.-метод. пособие. – СПб.: СПбГУ, 2005. – 48 с.
81. *Звуковой корпус* как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. *Н. В. Богданова-Бегларян.* – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2013. – 532 с.
82. *Звуковой корпус* как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории / Отв. ред. *Н. В. Богданова-Бегларян.* – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2014. – 396 с.
83. *Звуковой корпус* как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов / Отв. ред. *Н. В. Богданова-Бегларян.* – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2015. – 364 с.
84. *Земская Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. – М.: Русский язык, 1979. – 240 с.

85. *Земская Е. А.* Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. – М.: Наука, 1988. – С. 5–44.
86. *Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М.: Наука, 1981. – 276 с.
87. *Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н.* Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – С. 90135.
88. *Иванова О. А.* К характеристике внутриязыкового контакта между литературной и профессиональной речью носителя русского языка // Материалы XXXVII междун. филол. конф. Вып. 21. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. 10–15 марта 2008 года / Отв. ред. *А. С. Асиновский*, науч. ред. *Н. В. Богданова*. – СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2008. – С. 25–35.
89. *Иванова О. А.* Стилевая «разноголосица» в бытовой спонтанной русской речи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Филология. Востоковедение. Журналистика. Серия 9. – 2010. – С. 116–121.
90. *Иванова О. А.* Специфика бытовой речи различных профессионально ориентированных групп. Дис. ... маг. лингв. – СПб., 2011. – 112 с. (машинопись).
91. *Ильичева О. В.* Синтаксические признаки спонтанной речи в соотношении с социальными характеристиками говорящего // Материалы XXVII межвуз. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. Вып. 2. Секция грамматики (русско-славянский цикл). 16–22 марта 1998 г.: Тезисы докладов / Отв. ред. *Г. Н. Акимова*. – СПб.: СПбГУ, 1998. – С. 32–35.
92. *Казак М. В.* Паузы хезитации в спонтанной речи на родном и неродном языках (на материале речи франкофонов). Дис. ... маг. лингв. – СПб., 2015. – 74 с. (машинопись).
93. *Карасик В. И.* Язык социального статуса. – М.: ИЯ АН СССР, Волгоградский педагогический ин-т, 1991. – 495 с.
94. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: ЛКИ, 2003. – 264 с.
95. *Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А.* Краткий справочник по современному русскому языку. – М.: Высшая школа, 1995. – 383 с.

96. *Касаткина Р. Ф.* Компрессированные формы слов и фразовые позиции в русской речи // Фонетика сегодня: Материалы докладов и сообщений V междун. науч. конф. 8-10 октября 2007 г. / Отв. ред. *Р. Ф. Касаткина*. – М.: ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, 2007. – С. 99–102.
97. *Кашкин В. Б.* Метакоммуникация в пространстве обыденного и научного познания // Коммуникативное пространство: измерения, пределы, возможности. Материалы выступлений на V Междун. конф. РКА «Коммуникация-2010». – М.: МГУ, 2010. – С. 193–196.
98. *Кашкин В. Б., Князева Д. С., Рубцов С. С.* Метакоммуникация переводчика в переводческих комментариях // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 6. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 2008. – С. 112115.
99. *Кибрик А. Е.* Полевая лингвистика // Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия [электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/POLEVAYA_LINGVISTIKA.html (2017a).
100. *Кибрик А. А.* Диалог // Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия [электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DIALOG.html (2017б).
101. *Кирилина А. В.* Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Ин-т социологии РАН, 1999. – 189 с.
102. *Кирилина А. В., Томская М. В.* Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. – № 2 (23), 2005. – С. 112132.
103. *Колокольцева Т. Н.* Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. – Волгоград: Волгогр ун-т, 2001. – 260 с.
104. *Конюхова А. А.* Лингвистические особенности свободного монолога на заданную тему // Русская филология. 18. Сб. науч. работ молодых филологов. – Тарту: Тарт. ун-т, 2007. – С. 222–230.
105. *Кормилицына М. А., Ерастова И. А.* Коммуникативно-прагматические функции средств речевой рефлексии в общении // Предложение и слово: Парадигматический, текстовый и коммуникативный аспекты. – Саратов: Сарат. пед. ин-т, 2000. – С. 252–257.
106. *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. – С. 143–343.

107. *Крысин Л. П.* Язык в современном обществе. – М.: Просвещение, 1977. – 191 с.
108. *Крысин Л. П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М.: Наука, 1989. – 186 с.
109. *Крысин Л. П.* Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
110. *Куканова В. В.* Лингвистический анализ репродуцированных текстов (на материале звукового корпуса русской речи юристов). Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2009. – 224 с. (машинопись).
111. *Ладыженская Т. А.* Система работы по развитию связной устной речи учащихся. – М.: Просвещение, 1975. – 215 с.
112. *Ладыженская Т. А.* Живое слово: Устная речь как средство и предмет обучения: учеб. пособие спецкурсу. – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.
113. *Лантюхова Н. Н.* Изучение синтаксиса лиц позднего возраста с использованием формально-грамматических параметров анализа текста // Известия ВГПУ. – № 4 (273), 2016. – С. 144–148.
114. *Лантева О. А.* Синтаксис типизированных предикативных конструкций устно-разговорной разновидности современного русского литературного языка. Автореф. дис. ... докт филол. наук. – М., 1974а. – 47 с.
115. *Лантева О. А.* Устно-литературная разновидность современного русского литературного языка и другие его компоненты. Статья 1. // Вопросы стилистики. Саратов: Саратов. гос. ун-т. – Вып. 7, 1974б. – С. 73–91.
116. *Лантева О. А.* Устно-литературная разновидность современного русского литературного языка и другие его компоненты. Статья 2. // Вопросы стилистики. Саратов: Саратов. гос. ун-т. – Вып. 8, 1974в. – С. 86–107.
117. *Лантева О. А.* Устно-литературная разновидность современного русского литературного языка и другие его компоненты. Статья 3. // Вопросы стилистики. Саратов: Саратов. гос. ун-т. – Вып. 9, 1975. – С. 93–104.
118. *Лантева О. А.* Русский разговорный синтаксис. – М.: Наука, 1976. – 400 с.
119. *Лантева О. А.* Общие особенности устной публичной (научной) речи // Современная русская устная научная речь. Том I. Общие свойства и фонетические особенности. – Красноярск: Краснояр. ун-т, 1985. – С. 12–39.

120. *Лаптева О. А.* Разговорная речь // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. *В. Н. Ярцевой*. – М.: Советская энциклопедия, 1990а. – С. 407.
121. *Лаптева О. А.* Устная публичная речь // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. *В. Н. Ярцевой*. – М.: Советская энциклопедия, 1990б. – С. 540–541.
122. *Лаптева О. А.* Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 518 с.
123. *Левицкий Ю. А.* К вопросу о второй коммуникации // Проблемы социо- и психолингвистики. Вып. 15. Пермская социопсихолингвистическая школа: идеи трех поколений. К 70-летию Аллы Соломоновны Штерн. Сб. статей. – Пермь: ПГНУ, 2011. – С. 159–167.
124. *Леонтьев А. А.* Психолингвистика. – Л.: Наука, 1967. – 118 с.
125. *Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.
126. *Леонтьев А. А.* Психолингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. *В. Н. Ярцевой*. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 404.
127. *Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики. – М.: НПФ «Смысл», 1997. – 287 с.
128. *Лингвистика конструкций* / Сост. *Е. В. Рахилина*. – М.: Азбуковник, 2010. – 584 с.
129. *Личностный опросник ЕРІ* (методика Г. Айзенка) // Альманах психологических тестов. – М.: КСП, 1995. – С. 217–224.
130. *Лотман Ю. М.* Текст как семиотическая проблема // *М. Ю. Лотман. Избранные статьи: в 3 т.* – Таллин: Александра, 1992. Т. 1. – С. 129–248.
131. *Лурия А. Р.* Основные проблемы нейролингвистики. – М.: МГУ, 1975. – 253 с.
132. *Лурия А. Р.* Язык и сознание. – М.: МГУ, 1979. – 320 с.
133. *Ляпон М. В.* Вставная конструкция // Русский язык. Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – С. 49.
134. *Ляпон М. В.* Смысловая структура сложного предложения и текст (к типологии внутритекстовых отношений). – М.: Наука, 1986. – 201 с.

135. *Макаров М. Л.* Языковое общение в малой группе: Опыт интерпретативного анализа дискурса. Дис. ... докт. филол. наук. – Саратов, 1998. – 423 с. (машинопись).
136. *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
137. *Малиновская А. И.* Репродуктив как объект многоаспектного анализа (на материале Звукового корпуса русского языка). Дис. ... маг. лингв. – СПб., 2012. – 103 с. (машинопись).
138. *Маркасова Е. В.* Слово-манипулятор «безусловно» // *Auspicia*, № 2. – Прага, 2009а. – С. 124–128.
139. *Маркасова Е. В.* Маркеры искренности в языке повседневности (признаться сказать, говоря по совести, по чести говоря, честно говоря). – Olomouc: *Rossica Olomucensia* 2009б. Vol. XLVIII. № 2. – С. 149–155.
140. *Маркасова Е. В.* Конечно как средство речевого доминирования // *Материалы XXXIX Междун. филол. конф.* 15–19 марта 2010 г. Санкт-Петербург. Вып. 23. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков / Отв. ред. *А. С. Асиновский*, науч. ред. *Н. В. Богданова*. – СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2010. – С. 48–54.
141. *Маркасова Е. В.* Структура и функции корпуса метаязыковых высказываний «Вводные слова и конструкции» // *Материалы XL междун. филол. конф.* Вып. 24. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. 23–25 марта 2011 г., Санкт-Петербург / Отв. ред. *А. С. Асиновский*, науч. ред. *Н. В. Богданова*. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2011. – С. 137–148.
142. *Мартине А.* Основы общей лингвистики // *Новое в лингвистике*. Вып. 3. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. – С. 366–566.
143. *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. Учебник для филологических специальностей вузов. – М.: Высшая школа, 1987. – 272 с.
144. *Маслова Е. Р.* Функционирование контактных глагольных форм в русской устной речи. Дис. ... маг. лингв. – СПб., 2016. – 82 с. (машинопись).
145. *Матюхина Ю. В.* Развитие системы фатической метакоммуникации в английском дискурсе 16–20 вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Харьков, 2004. – 22 с.
146. *Метлова В. А.* Темп речи и паузы хезитации в речи на родном и неродном языках. Дипл. ... бак. филол. – СПб., 2013. – 79 с. (машинопись).

147. *Михальченко В. Ю.* Профессиональный жаргон // Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред В. Ю. Михальченко. – М.: ИЯ РАН, 2006. – С. 175–176.
148. *Никрус И. В.* Языковая личность в спонтанном монологе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Филология. Востоковедение. Журналистика. Сер. 9. – Вып. 4, 2010.– С. 176–182.
149. *Норман Б. Ю.* Грамматика говорящего. – СПб.: СПбГУ, 1994. – 228 с.
150. *Остапенко Д. И.* К трактовке понятия «метакоммуникация» // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. – Воронеж, 2013. – С. 32–35.
151. *Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22–131.
152. *Павлова О. В.* Влияние возраста говорящего на синтаксические характеристики его речи // Материалы XXXVI междун. филол. конф. Вып. 20: Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. 12–17 марта 2007 года / Отв. ред. А. С. Асиновский, Н. В. Богданова. – СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2007. – С. 52–59.
153. *Павлова О. В.* К вопросу классификации вставных конструкций (на материале спонтанной речи) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – Вып. 3, 2009.– С. 243–250.
154. *Павлова О. В.* Некоторые синтаксические характеристики монологов разного типа (на материале речи информантов-филологов двух возрастных групп) // Материалы XL междун. филол. конф. Вып. 24: Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. 23–25 марта 2011 г. Санкт-Петербург / Отв. ред. А. С. Асиновский, науч. ред. Н. В. Богданова. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2011. – С. 183–199.
155. *Панов М. В.* Современный русский язык. Фонетика. – М.: Высшая школа, 1979. – 256 с.
156. *Панов М. В.* История русского литературного произношения XVIII–XX вв. – М.: Наука, 1990. – 456 с.
157. *Перфильева Н. П.* Метатекст в свете гармонизации общения // Проблемы интерпретационной лингвистики: взаимодействие языковой категоризации и творческой активности личности: межвуз. сб. научн. тр. / Под ред. Т. А. Трипольской. – Новосибирск: НГПУ, 2002. – С. 92–101.

158. *Перфильева Н. П.* Метатекст в свете текстовых категорий. – Новосибирск: НГПУ, 2006. – 284 с.
159. *Перфильева Н. П.* Возвращаясь к функциям метатекста // Проблема выбора и интерпретации языкового знака говорящим и слушающим: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. *Т. А. Трипольской*. – Новосибирск: НГПУ, 2007. – С. 51–60.
160. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1938. – 252 с.
161. *Пигрова Е. К.* Метакоммуникативные маркеры в устной спонтанной речи. Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2001. – 168 с. (машинопись).
162. *Пигрова Е. К.* К вопросу о монологе в разговорной речи // Мысли о русском языке. Прошлое. Настоящее. Будущее. Сб. статей к 155-летию кафедры русского языка (1849–2004) – СПб.: СПбГУ, 2005. – С. 138–146.
163. *Подлеская В. И., Кибрик А. А.* Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования [Электронный ресурс] // Диалог 2009. www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/60.htm.
164. *Полевая лингвистическая практика: Учебно-методический комплекс сложной структуры. Ч. 2: Методические указания по обработке, многоуровневой разметке и лингвистическому анализу корпуса звучащих текстов на русском языке.* – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2010. – 141 с.
165. *Попова Т. И.* Сложные прагматемы-редупликации в русской устной речи: проблемы описания и варианты решения // Коммуникативные исследования. – № 3 (9), 2016. – С. 36–47.
166. *Рожкова А. Ю.* Деепричастия в спонтанной речи как маркеры уровня речевой компетенции говорящего // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – Вып. 2, 2011. – С. 179–185.
167. *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
168. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. – М.: Учпедгиз, 1940. – 704 с.
169. *Русакова Е. Б.* Русский компьютерный социолект: формирование и функционирование. Дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2007. – 192 с. (машинопись).
170. *Русская спонтанная речь. Свободные монологи-рассказы на заданную тему. Тексты. Лексические материалы / Сост.*

- В. В. Куканова* / Отв. ред. и автор предисловия *Н. В. Богданова*. – СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2008. – 208 с.
171. *Русская спонтанная речь*. Монологи-репродуктивы. Тексты. Лексические материалы / Сост. *В. В. Куканова* / Отв. ред. и автор предисловия *Н. В. Богданова*. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2010. – 132 с.
172. *Русская спонтанная речь*. Монологи-описания. Тексты. Лексические материалы / Сост. *В. В. Куканова* / Отв. ред. и автор предисловия *Н. В. Богданова*. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2011. – 140 с.
173. *Русская спонтанная речь*. Спонтанные монологи разных типов. Тексты. Лексические материалы (CD) / Сост. *Н. В. Богданова-Бегларян, И. С. Бродт* / Отв. ред. *М. Краузе* // Бюллетень Фонетического Фонда. – Бохум (Германия), 2017. – 100 с. (в печати).
174. *Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах*. Коллективная монография / Отв. ред. *Н. В. Богданова-Бегларян*. – СПб.: ЛАЙКА, 2016. – 244 с.
175. *Рябцева Н. К.* Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка. Язык речевых действий: Материалы конф. / Под ред. *Н. Д. Арутюновой, Н. К. Рябцевой*. – М.: Наука, 1994. – С. 82–92.
176. *Сапунова Е. М.* Неподготовленное чтение как вид речевой деятельности и тип устного спонтанного монолога (на материале русского языка). Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2009. – 237 с. (машинопись).
177. *Седов К. Ф.* Дискурс и личность эволюция коммуникативной компетенции. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.
178. *Седов К. Ф.* Модель коммуникативной компетенции (онтологический, аксиологический, гносеологический аспекты) // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 10. – Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2010. – С. 183–211.
179. *Серль Дж. Р.* Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986а. – С. 151–169.
180. *Серль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986б. – С. 170–194.
181. *Сибата Т.* Исследование языкового существования в течение 24 часов // Языкознание в Японии. – М.: Радуга, 1983. – С. 134–141.

182. *Синицина А. Н.* Метакоммуникативные единицы и их роль в организации и регуляции англоязычного диалогического общения. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2005. – 21 с.
183. *Сиротинина О. Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. – М.: Просвещение, 1974. – 143 с.
184. *Сиротинина О. Б.* Русская разговорная речь: Пособие для учителя – М.: Просвещение, 1983. – 80 с.
185. *Сиротинина О. Б.* Речевая культура и культура речи: сходства и различия понятий // Вопросы культуры речи. Вып. 9. – М.: Наука, 2007. – С. 127–132.
186. *Скат Т. Н.* Метакоммуникация как средство организации дискурса (на материале оппозитивного диалога). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1991. – 19 с.
187. *Смирницкий А. И.* Синтаксис английского языка. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1957. – 286 с.
188. *Солганик Г. Я.* Стилистика текста: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 1997. – 256 с.
189. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1999. – 432 с.
190. *Соссюр Ф. де.* Заметки по общей лингвистике. 2-е изд. – М.: Прогресс, 2001. – 280 с.
191. *Социолингвистика* // Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия [электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/SOTSIOLINGVISTIKA.html (2017).
192. *Социология* // Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. – М.: Книжный Дом, 2003. – 1312 с.
193. *Степанова С. Б.* Темп речи как отражение социальных и психологических характеристик говорящего // Approaches to Slavic Interaction. University of Potsdam. Conference, March 16–18, 2011. – Potsdam, 2011. – С. 44–45.
194. *Степанова С. Б., Асиновский А. С., Богданова Н. В., Русакова М. В., Шерстинова Т. Ю.* Звуковой корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: концепция и состояние функционирования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 7 (14). По материалам ежегодной междунар. конф. «Диалог» (2008) / Ред. А. Е. Кибрик. – М.: РГГУ, 2008. – С. 488–494.

195. *Стернин И. А.* Русский речевой этикет – Воронеж: ВОИПКПРО, 1996. – 128 с.
196. *Стрибижев В. В.* Речевые клише в современном английском языке: метакоммуникативная функция. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2005. – 20 с.
197. *Толстой Н. И.* Язык и культура // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. – М.: АН СССР, 1991. – С. 5–19.
198. *Трошева Т. Б.* Письменная речь // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. *М. Н. Кожинной*. – М.: Флинта, Наука, 2006а. – С. 285–287.
199. *Трошева Т. Б.* Устная речь // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. *М. Н. Кожинной*. – М.: Флинта, Наука, 2006б. – С. 567–569.
200. *Трунов Д. Г.* Вербальная и невербальная метакоммуникация // Материалы II Междун. конф. «Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты (Коммуникация–2004)». 2428 мая 2004 г. – Ростов-на-Дону: ИУБиП, 2004. – С. 80–81.
201. *Филиппова Н. С.* Принципы построения устного описательного дискурса (на материале русской спонтанной речи). Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2010. – 186 с. (машинопись).
202. *Фонетика спонтанной речи* / Под ред. *Н. Д. Светозаровой*. – Л.: ЛГУ, 1988. – 245 с.
203. *Фрумкина Р. М.* Психолингвистика. – М.: Академия, 2001. – 320 с.
204. *Хализев В. Е.* Диалогическая и монологическая речь // Литературный энциклопедический словарь / Под ред. *В. М. Кожевникова, П. А. Николаева*. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 97.
205. *Хан Н. А.* Спонтанные монологи разного типа в коммуникативно-дискурсивном аспекте (на материале Звукового корпуса русского языка). Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2013. – 283 с. (машинопись).
206. *Хорошая речь.* Сборник статей / Под ред. *М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой*. – Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2001. – 148 с.
207. *Цейтлин С. Н.* Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. – 240 с.
208. *Чэн Ч.* Русская спонтанная речь на неродном языке: анализ хезитаций (на материале русской речи китайцев) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – № 1 (33), 2016. – С. 53–62.

209. *Шавалиева Е. Б.* Коммуникативные vs. метакоммуникативные процессы // Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании [Электронный ресурс]: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., 29–31 марта 2012 г. – Минск, 2012. – С. 51–52.
210. *Шаймиев В. А.* Об иллокутивных функциях метатекста, или перечитывая А. Вежбицку (на материале лингвистических текстов) // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века: сб. ст. – СПб.: СПбГУ, 1998. – С. 68–76.
211. *Шати́ро А. Б.* Современный русский язык. Пунктуация. – М.: Просвещение, 1974. – 296 с.
212. *Шаповалова О. Н.* Управление коммуникативным поведением в общении. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 21 с.
213. *Шведова Н. Ю.* К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы // Вопросы языкознания. – № 2, 1956. – С. 66–82.
214. *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: Наука, 1960. – 170 с.
215. *Швейцер А. Д.* Социолингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 481.
216. *Шершневa Д. М.* Да как лексическая и функциональная единица русской речи // Studia Slavica XVIII. – Таллин: Таллин. ун-т, 2015. – С. 270–278.
217. *Шмелев Д. Н.* О функционально-стилистической дифференциации языка // Русский язык в его функциональных разновидностях. – М.: Наука, 1977. – С. 17–41.
218. *Шмид В.* Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
219. *Штерн А. С.* Введение в психологию. Курс лекций. – М.: Флинта, МПСИ, 2006. – 162 с.
220. *Щерба Л. В.* Приложение // Л. В. Щерба. Восточнолужицкое наречие. Том 1. С приложением текстов. – Пг.: Тип. А. Э. Коллинс, 1915. – 272 с.
221. *Щерба Л. В.* Современный русский литературный язык // Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957а. – С. 110–129.
222. *Щерба Л. В.* О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета // Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957б. – С. 11–20.

223. *Щерба Л. В.* О тroyаком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // *Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность.* – Л.: Наука, 1974. – С. 24–39.
224. *Эльконин Д. Б.* Детская психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Изд. центр «Академия», 2007. – 384 с.
225. *Эриксон Э. Г.* Детство и общество. – СПб.: Летний сад, 2000. – 415 с.
226. *Юнг К. Г.* Психологические типы. – СПб.: Ювента, 1995. – 140 с.
227. *Якобсон Р. О.* Лингвистика и поэтика. Библиографическая информация // Структурализм «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 193–230.
228. *Якобсон Р. О.* Язык и бессознательное. – М.: Гнозис, 1996. – 248 с.
229. *Якубинский Л. П.* О диалогической речи // *Л. П. Якубинский. Избранные работы: Язык и его функционирование.* – М.: Наука, 1986а. – С. 17–58.
230. *Якубинский Л. П.* Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики // *Л. П. Якубинский. Избранные работы. Язык и его функционирование.* – М.: Наука, 1986б. – С. 71–82.
231. *Якубова Н. М.* Прагматический аспект выражения сомнения в речи // Вестник Амурского государственного университета. – Вып. 72, 2016. – С. 105–109.
232. *Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T.* The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication «One Speaker's Day»: Creation Principles and Annotation / *V. Matoušek, P. Mautner* (eds.). // TSD 2009. LNAI, vol. 5729. – Springer, Berlin-Heidelberg, 2009. – Pp. 250–257.
233. *Bateson G.* Information and codification: a philosophical approach // *Ruesch J., Bateson G.* Communication: the Social Matrix of Psychiatry. – New Brunswick: Transaction Publishers, 2009 (originally published in 1951 by W. W. Norton & Co, Inc.). – Pp. 168–211.
234. *Branco A. U., Valsiner J.* Communication and Metacommunication in Human Development. – IAP, 2004. – 290 p.
235. *British National Corpus.* URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/corpus/index.xml> (2017).
236. *Brock A.* Humour as a Metacommunicative Process // Journal of Literary Theory. Vol. 3, Iss. 2, November 2010. – Pp. 177–193.
237. *Brown Corpus Manual.* URL: <http://clu.uni.no/icame/brown/bcm.html> (2017).

238. *Canestrari C.* Meta-communicative signals and humorous verbal interchanges: A case study // *Humor – International Journal of Humor Research*. Volume 23. Issue 3. August 2010. – Pp. 327–349.
239. *Coupland N., Coupland J., Giles H.* *Language, Society, and the Elderly: Discourse, Identity, and Aging.* – Oxford UK: Cambridge USA: Blackwell, 1991. – Pp. 1–24.
240. *Fishman P. M.* Interaction: The Work Women Do. – *Social Problems.* – Vol. 25, No. 4, 1978. – Pp. 397–406.
241. *Flesch R.* *Marks of Readable Style: A study in Adult Education.* – New York: Teachers College, Columbia University, 1943. –155 p.
242. *Frank-Bob B.* A Dynamic-Interactional Approach to Discourse Markers // *Approaches to Discourse Particles*. 2006. – Pp. 395–413.
243. *Hymes D. H.* *Foundations of Sociolinguistics: An Ethnographic Approach.* – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1974. – 245 p.
244. *Kemper S.* Longitudinal Change in Language Production: Effects of Aging and Dementia on Grammatical Complexity and Propositional Content // *Psychology and Aging.* – № 66B (2), 2001. – Pp. 160–168.
245. *Labov W.* *Variation in Language // The Learning of Language.* – New York: Appleton-Century Crofts, 1971. – Pp. 187–221.
246. *Labov W.* *The Social Stratification of English in New York city.* – New York: Cambridge University Press, 2006. – 485 p.
247. *Lanigan R. L.* *Speech Act Phenomenology.* – The Hague: Nijhoff, 1977. – 145 p.
248. *Leech G. N.* *Explorations in Semantics and Pragmatics.* – Amsterdam: Benjamins, 1980. – 133 p.
249. *Leeds-Hurwitz W.* Dialogue about Dialogue: Taking a (Meta) Communication Perspective on Intercultural Dialogue // *Міжкультурны дыялог: Сучасная парадыгма і вопыт суседства. Зб. навук. арт.* – Мінск, 2014. – С. 6–13.
250. *Levin J. A., Moore J. A.* Dialogue-Games: Metacommunication Structures for Natural Language Interaction // *Cognitive science*. 1977. Vol. 1. № 4. – Pp. 395–420.
251. *Malinowski B.* *The Problem of Meaning in Primitive Languages // C. K. Ogden & I. A. Richards. The Meaning of Meaning: A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism.* Eighth edition. – New York: Harcourt, Brace & World, Inc., 1930. – Pp. 296336.

252. *Manual of Information to accompany the Lancaster-Oslo/Bergen Corpus of British English*. URL: <http://clu.uni.no/icame/manuals/LOB/INDEX.HTM> (2017).
253. *Meyer-Hermann R. Sprechen – Handeln – Interaktion*. – Tübingen, 1978. – 155 p.
254. *Ryan E. B. Why do Low-Prestige Language Varieties Persist? // Language and Social Psychology*. – Oxford: Blackwell, 1979. – Pp. 145–157.
255. *Saks H., Schegloff E. Opening up Closings // Semiotica*, 1973. – Pp. 289–327.
256. *Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G. A Simplest Systematic for the Organization of Turn-Taking for Conversation // Language*. Vol. 50. – No. 4, Part I, 1974. – Pp. 696–735.
257. *Schank R. C., Abelson R. P. Scripts, Plans, Goals and Understanding: An Inquiry into Human Knowledge Structures*. – Hillsdale, N.J., 1977. – 248 p.
258. *Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*. – University of Chicago Press, 1983. – 272 p.
259. *Tannen D. You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation*. – New York: William Morrow & Co., 1990. – 330 p.
260. *Trudgill P. Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society*. – London: Penguin Books, 1983. – 109 p.
261. *Wilmot W. W. Metacommunication: a Re-examination and Extension // Communication Yearbook* 4. – New Jersey, 1980. – P. 62–69.
262. *Zimin S. Sex and Politeness: Factors in First and Second Language Use // International Journal of the Sociology of Language*. –Vol. 27, 1981. – Pp. 35–58.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В РАБОТЕ

ВК	– вставная конструкция
ВМТК	– вспомогательные метатекстовые компоненты
ДВК	– дискурсивная вставная конструкция
ДМ	– дискурсивный маркер
ЗКРЯ	– Звуковой корпус русского языка
КВК	– классическая вставная конструкция
КЛЯ	– кодифицированный литературный язык
КУТ	– Корпус устной речи
ЛЯ	– литературный язык
МВ, МКВ	– метакоммуникативное высказывание
МВК	– металингвистическая вставная конструкция
МЕ	– метакоммуникативная единица
МК	– метакоммуникация
МКК	– метакоммуникативный компонент речевого высказывания
МФК	– метафразовый компонент речевого высказывания
МЯК	– метаязыковой компонент речевого высказывания
НКРЯ	– Национальный корпус русского языка
ОРД	– Один речевой день
РК	– речевая культура
РКИ	– русский язык как иностранный
РР	– разговорная речь
САТ	– Сбалансированная аннотированная текстотека
ТРКИ	– тестирование по русскому языку как иностранному
УРК	– уровень речевой компетенции
ХВК	– хезитационная вставная конструкция
ЭВК	– экстралингвистическая вставная конструкция
ЭДЕ	– элементарная дискурсивная единица
BNC	– British National Corpus
COMP	– монологи «компьютерщиков»

JUR	– монологи юристов
MED	– монологи медиков
MIX	– монологи смешанной группы информантов
PHIL	– монологи преподавателей-философов
RIA	– монологи носителей американского варианта английского языка
RIF	– монологи франкофонов
RIG	– монологи носителей нидерландского языка
RIK	– монологи носителей китайского языка
RKI	– монологи преподавателей русского языка как иностранного
STUD	– монологи студентов

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Тексты монологов носителей нидерландского языка

Информант 1 (ж., 21, ТРКИ В1, амб.)

[информант один // рассказы о своих впечатлениях о Санкт-Петербурге] // Санкт-Петербург (м-м) *П *Г по-моему Санкт-Петербург очень похож (э-э) на Амстердам // (э-э) это помим... конечно потому что Пётр Первый тоже (а-а) прожил несколько лет (а-а) (м-м) в Голландии (ам-м) // (а-а) в прошлом году я побывал здесь (м-м) судя (ам-м) в первый раз и / я была очень удивлена (ам-м) / что (а-а) / Санкт-Петербург так красиво потому что (ам-м) // у нас в Голландии есть такое впечатление / что в России всё (ам-м) / неприятно и (а-а) *П / очень грустная атмосфера и (а-а) // по-моему в Санкт-Пете... в Санкт-Петербурге есть (ам-м) (м-м) / хорошая атмосфера / да // и люди здесь очень (а-а) добрые (э-э) и (ам-м) / ф... / очень (...) очень много музее (аа) музея здесь / (а-а) и // мне больше всего нравится (ам-м) / Русский музей здесь / потому что Эрмитаж / слишком много туристов по-моему // [угу угу] // (ам-м) и (ам-м) я тоже была очень удивлена что в () в Питере есть очень много садов потому что / я это (э-э) ни (а-а) знала когда я () в первый раз (м-м) поехали (а-а) поехала сюда // (а-ам-м) и теперь я живу на Бухарестской улица и там <смех> там (а) (э) это наоборот / нет садов / ничего // [угу] // (а) ну мне тоже нравится (ам-м) это (ам-м) *Ц / как можно сказать / эта сторона (а) Питера потому что / теперь я тоже (ам-м) могу видеть (ам-м) как () жизнь для (ам-м) простых (э) жителей (а) Питера // и мне так ... тогда очень нравится этот сторона Питера тоже // (ам-м) и / как ... / как много (...) можно ска... / как больше сказать // (м-м) // ну // в Пи... моё в... / (а-а) первое впечатление о Пите... Пите... // очень хорошо! // я люблю Санкт-Петербург / надо сказать / да // я люблю Санкт-Петербург и ... // (а-а) может быть (э-э) я могу (а) жить здесь на несколько лет / не зн... / пока не знаю // и это всё // [спасибо большое]

Информант 2 (ж., 27, ТРКИ В1, интр.)

[(э) информант два // рассказы о своих впечатлениях о Санкт-Петербурге] // мда // (э) ну / мои впечатления о Санкт-Петербург очень хорошо / потому что в прошлом году я тоже была здесь // и я очень нравилась этот город и сейчас (...) тоже <смех> // [угу] // потому что люди здесь очень с... () покойные не в как / я думаю / я не знаю как объяснить / ну (эм-м) / например американские люди (а) всегда очень / аааа! // и русские люди очень спокойно / и всё хорошо и / (э-э) тоже прекрасный (...) город? // *Ц (э-э) много парков и (э-э) д... / дороги очень (...) широкие да? // [угу] // широкие // да // <смех> и (а) да я (...) я тоже (а) мне тоже нравится архитектура этих зданий // это очень прекрасный и ... // в прошлом году погода был здорово / но был (ээ) *Ц / да только в таком гОду / да? // [м] // было тридцать градусов // [угу] // и сейчас вече... (э-э) много ветер / и эта () погода не так хорошо / но тоже / [смех] / хорошо <смех> // и / да // мне очень нравилось () Эрмитаж / но был

... // там было очень много людей // [угу] // да // и // да / я не знаю / это / это / я ... / я просто чувствую себя (э-э) очень хорошо здесь // я могу погулять по городу (а-а) / без забота без ... без / как / как сказать // и (э-э) мне просто нравится / что я могу сказать ещё // (э-э) может быть (э-эм) // а! // в городе (э-э) здесь тоже пляж <смех> // [угу] // и мне очень нравится (а) загорать // но в прошлом (э-э) выкодные / я была дача / и был (а) был / тоже очень хорошо моя хозяйка сказала / был (ам-м) *Ц чудесный день! <смех> // [смех] // да // и это был правда / да // и (э-э) был много солнца но (ам-м) / в даче / там / (э-эм) *Ц вокруг всем дача / там (э-эм) / эти / стены / и тогда очень (э-э) тепло / потому что там нет ветер // [угу] // и (э-эм) / был просто здорово / и мы играли много / мы с дЕтьми / и хожайки // и (ээм) я погуляла по... по эта () деревня // деревня // [угу // да] // дача дере... деревня // [дача / деревня // угу / да] // да // [угу] // и <смех> // (э-э) в следующем го... (э) в следующем неделе / [угу] / моя подруга придет с... (ээ) прилетает сюда // [угу] // и тогда я хочу делать новые вещи // до сех () пор / я не делала (э-э) не очень много вещи // я только погуляла и (эм-м) / да / просто погуляла много / и я (м) бегала / я тренировалась для () марафон? // [вау!] // но я наман... я не знаю / или я могу бегать так много <смех> // я просто () попробую <усмешка> // (э-э) но тогда когда я / когда моя подруга здесь / тогда я хочу побывать например *Г / Кронштадт / [угу] / и (э-э) Пушкин *шумное вытягивание воздуха // Пушкин? // [Пушкин] // Пушкин / да // и (э-э) другие вещи / другие вещи // (эм-м) Думская // [угу] // только один раз я // [угу] // мне не очень нравятся такие вещи как / Думская / но () может быть там хорошие музыка / хорошая музыка / да // (эм-м) и / а // может быть мы (а-а) мы едем в Москву // но это (...) это не очень дорого но / у нас нет очень мн... много деньги / потому что / может быть / в Москву / или на дача / или / сейчас мы не знаем / что мы делаем тогда // и <смех> // мои впечатления очень хорошо от этого город <смех> // да и // мы были в музей // он был фарфоровый музей / но был не очень / [угу] / интересно // может быть в следующий раз другой () музей // [угу] // <смех> (ам-м) да / и // да / я очень хочу (э-э) вернуться в следующем году // [угу] // да // (э-э) и может быть в про... / в будущем / [угу] / может быть купить дом здесь // [угу] // потому что очень очень / дешевле / здесь // [угу] // но (э) здесь / я не знаю как (э-э) называется это / но (э) когда у тебя ипотека // [угу] // да // очень высокая ... // [процент] // процент // да // и так это () не очень хорошо / но может быть для один и восемьсот тысяча рублей у тебя дом // вот так // ну это (э-э) не очень дорого / да // [угу] // <усмешка> *Г но сначала мне надо (э-эм) (...) поступить или (а) найти работу конечно // и потом я могу думать о переехать в России / в Россию / [угу] / или другие вещи // и так это (а-а) в будущем / но сейчас / да // я очень хочу (э-эм) / вернуться // [угу] // да <смех> // им... вернуться да // да / правда / вернуться? // [да] // да // ну // (э-эм) и // уже десять минут или нет? // [нуу // [смех] шесть / семь] // шесть? oh ту God! // ну / это () как я могу сказать // (а-а) ну // может быть я могу (а) скажу вам о Голландии? // [да // да] // например да <смех> // ну я живу в

Алмает / очень маленький город / [угу] / но мне очень нравится (э-э) жить там / потому что там фамиль... (э) семья // [угу] // и подруги / и всё там <смех> // и я (э-э) на универ... / я учусь в университете в Амстердаме / да // [угу] // и / но он / мне не очень нравится Амстердам / потому что (э-э) *Г (э-э) / большие города для меня не очень хорошо / это / нет // я / я родилась в очень маленький деревня // очень мало людей // и поэтому думаю что / мне не нравится эти большие гОроды / городЫ // и / но (э-э) я тоже нравится / мне тоже нравится Горн / это другой (э-э) город / но в прошлом был очень важный город / потому что там (э) там был (э-эм) *Г / нет океан но (м) (э) / море // [угу] // море // но сейчас там около / этот город очень большой () дамба / да? // [угу] // и сейчас (э-э) это закрыт / и только озеро и там / м... море / и так сейчас нет важно... важный город // но там очень старая архитектура / и старые (э-э) здания / но это маленький город / это лучше для меня // [угу] // и там очень / тоже очень () милые люди <смех> / да // и // да // *О но я думаю когда я (э-э) вернуться в Голландию / тогда (э) я раздражаю (э-э) на то / что люди в Голландии всегда очень / как сказать / громкие думаю // громкие / бла-бла-бла-бла-бла-бла / да // громкие // [угу] // (ам-м) и / (ам-м) // они мешают / другие люди / например в поезде / или на улице / или ах! // мне вот не нравится! // и (э-э) в Голландии тоже очень очень много (э) иностранцы // и здесь / я не знаю / где здесь иностранцы / может быть из Таджикистан / или Узбекистан / [угу] / но я могу (э-э) (э-э) видеть / кто () рос... россиянин // россиянин // и кто из / например Таджикистан // [угу] // но (э-э) тоже китайские люди здесь // и / но / я думаю что не... может быть не очень много иностранцев здесь <смех> // [угу] // и это () хорошо тоже / да // [смех] // да // (ам-м) и тоже что здесь (эм-м) (э) эти иностранцы / другие иностранцы чем (э) в Европе // в Европе иностранцы из Африки и (э-э) Восточной () середине Восточной / да? // это () по-русски это это русск... / русском слове? // арабские стран... / [угу] / страны // да // и (эм) мне не нравится эти люди которые из () арабские страны / и здесь совсем нет эти люди <смех> // да / и так это очень хорошо / да // (эм-м) да / и так (э) люди здесь спокойные / это / это / просто здорово // я чувствую себя очень хорошо // это всё спокойно / люди не мешают (э-э) друг () другу // и (э-э) / да // но может быть / супермаркет может быть (э-э) (э-э) нам... ан... не их / их надо / им надо () стать немного лучше / думаю / потому что я (э-э) // в Голландии другие супермаркеты / супермарк... к... ты // [угу] // да // *О (ээ) там много (э) блюда которые Уже готовы // [угу // угу] // и здесь (э) тебе надо готовить всё сам / сама // и я не могу готовить <смех> // [смех] // это очень трудно для меня! // это го... <смех> // может быть мне надо (э-э) учиться готовить / [смех] / как готовить <смех> / да // но / (ам) это каждый день здесь / каждый утро я ... / я ем манная / [угу] / потому что это очень () легко готовить это // но (э-э) два недели назад я нашл... а / супермаркет Лайм // и Лайм это хороший супермаркет <смех> // [угу] // лучше чем Дикси / или Перекресток / или / да // [смех] // да // там / там (э) много овощи / фруктови и (э) да (э) // там ты

тоже можешь купить (э-э) некоторые фрукты в одном ... // не знаю как называются / но // (э-э) да // но я ... я ... я не могу изменить это // но (э-э) это очень () шикарный / [угу] / да // (эм-м) а! // и около эта / Лайм / там / я не знаю или это (ам-м) / Москвей(?) / или Черков(?) // [угу] // но это очень красивый большой здание // это (э-эм) / с... серный или / как называется этот цвет (эм-м) // голубой / [угу] / я думаю голубой // [угу] // и (э-э) на... против () это здание там памятник о *О русско-японский вой...йна // [угу] // да // ну и что-то очень () красивый памятник / потому что там видишь / матросы думаю / матросы / которые (эм-м) хо... тят выходить из корабля // но это невозможно / потому что так много воды // и / думаю что было ужасно тогда // но (ээм) // ну что я смотрела? конечно я смотрела (э-э) Петропавловский крепость / и Эрмитаж / и Русский музей / и Петергоф <смех> // (э-эм) да но эф... / я не знаю название этот мост / но здесь (э) Петропавловский крепость и там налево мост / это очень (э-э) длинный мост // но вид / когда ты стоишь на этот м... мост / вид очень прекрасный от города // [угу] // <усмешка> и / да // потому что я ... я... я бегала / я хотела (э) тренироваться // я бегала / перед / пера... / через? / перед? // [через] // через эта мост / и вид был просто прекрасный / но тоже много ветер <смех> // и (ам-м) / да // я думаю что там был тоже (э) военный (э-эм) военный флот и военный музей / о / военный ф... флот // но нет флот / но другой слов // *Г но я не была внутри / там / в этом музее // но думаю что это очень интересный / да // и / но сейчас у меня нет времени и денег для () побывать всё / это / так много вещи здесь в городе / но // через два недели / два половин / или два? // [две с половиной] // две с половиной (э) недели / я прилетаю в Ставрополе / в Ставрополь // [угу] // но (э-э) каждый человек (э) сказали мне что / Ставрополь совсем другой мир // [угу] // и я не знаю / как мне надо ожидать и // [усмешка] // это / да // я очень хочу увидеть Ставрополь / да // очень хочу // [смех] // я не знаю как ожидать / да // *Г и / там я делаю (э-э) *Г / там я волон.. те... / там я делаю волонтерская работа // [угу] // да // и в (э) в детски.. / в детском доме // *Г (ээ) и в прошлом году я тоже работала (э-э) в лагере для бедные люди // и был.. было очень хорошо // эти люди были так милы! // ах! // и я думаю что в Ставрополе будет тоже очень хорошо / да // [смех] // да / да да // сейчас десять минут? // [смех] // <смех> // [можно и меньше] // да! <смех> // [спасибо] // окей / ну хорошо // спасибо <смех> //

Информант 3 (ж., 26, ТРКИ В1, амб.)

[сейчас секунду // информант три] // да у меня это теперь уже третий раз в городе // *Ц и мне ... у меня теперь (а-а) очень хорошие впечатления / потому что я теперь живу (э-э) у хозяйки // [угу] // и та же самая хозяйка как () ну в прошлом году // и вот потому мои впечатления очень хорошие / она очень веселая // *Г (э-э) люди здесь очень хорошие // и это конечно очень красивый город / мне очень нравится здесь () атмосфера // [угу] // ну мне жалко что теперь не очень хорошая погода [угу] / вообще нехорошая // в прошлом году было каждый день тридцать градусов [угу] и солнце // вот

поэтому / да // [угу] // больше мн... не знаю что сказать / это красивый город хорошие люди / и [смех] // вот / да // [угу // хорошо] // угу // [угу // спасибо] // не за что //

Информант 4 (м., 25, ТРКИ В2, интр.)

[информант четыре] // хорошо ну // (э-э) мой первый пев... впечатление (э) был что / (эм-м) город очень большой // (э-эм) я никогда подумал о (э-э) *П большинство (э) *П мой город // [угу] // (э-э) Амстердам // [угу] // и / я думаю что это город / самый город это / неважное / но // здесь (ам-м) улица / может быть проспект / можно гулять час // [угу] // очень большой / и // (э) (э-эм) о... устали // не знаю как сказать // [угу] // ну (эм-м) // и больше (эм-м) *П не знаю // (э-э) да (э-эм) // ой // да и (ам-м) я о ... мне очень нравится что / (эм-м) здесь есть (эм-м) // как сказать // люди очень (эм-м) / люблю культур // [угу] // и / (э) читать и / (эм-м) ходить в ки... в театр и // в Голландии не... нет // и / здесь (эм-м) по-моему (э) книги (эм-м) *П (эм-м) очень дешевле // [угу] // дешевле (э) (э) Голландии // [угу] // и / (эм-м) да в театр (м-м) никого / ходят / вни(?) Голландии / в Голландии // [угу] // и / кинотеатр / может быть // [угу] // да // да // (э) // это мои // май / дух / большие (э-э) впечатления // [угу // всё?] // думаю что да // [хорошо // спасибо!] // спасибо // [смех]

Информант 5 (м., 21, ТРКИ В1, экстр.)

[информант пятый] // ну я думаю что Санкт-Петербург это очень красивый город / потому что архитектура / [угу] // (э-э) и / конечно голландские влияния / да // [угу] // от... от Петра [угу] // *S и это ... // я думаю это... это чистая / чистый город // когда я (э-э) в Амстердаме это () то грязно // здесь это чисто да / я думаю // но не все в городе // [угу] // *S (эм-м) тоже очень много () *K много зданий / (эм-м) ш... (э-э) / возможно чтобы смотреть / как Казанский собор / [угу] Исаакиевский собор / и так далее // ну я ... ну я ... ну я очень нравится этот город // ну / всё // [всё?] // да всё //

Информант 6 (м., 25, ТРКИ В1, экстр.)

я хочу начать // [хорошо // информант шестой // угу] // ну хорошо // я буду вам рассказывать о моих впечатлениях в Санкт-Петербурге // это по-моему уже / четвертый или пятый раз что я в Санкт-Петербурге // год назад я был студентом по обмену пять месяцев в Санкт-Петербурге // [угу] // это было просто волшебное! // [угу] // я вообще () наслаждаюсь этим красивым (э) городом // этот город расшевеливает всегда меня / я не знаю // ну по с... по сравнению с Амстердамом (э) / тут приключения // в Амстердаме скучно // да // [смех] // да // да // да // и вообще я не люблю курить траву // да / да // хорошо // но (э-эм) например // да / у нас была очень сумасшедшая вечеринка в субботу // меня пригласили в (э-э) старую общагу / в которую / я жил / да // и / конечно что / прихо... приходится делать (э) штрафные / или как это называется // [смех] // то есть мы в... пили / пили / пили и выпили // [смех] // да // и / после этого / ну (э-э) // мы были к сожалению / мы шумели

немного / и вахтеры к ... к нам подошли / и говорили / потише потише / уже пятый раз // и мы решили / ну давай / наружу на улицу / да // мы были на улице / (э) конечно там кричали // [смех] // идиоты мы // [смех] // да // и что произошло *П п... произошло // полиция к нам подошла // [угу] // и / с автоматами // [угу] // и мне было очень страшно на самом деле // но к счастью // ну они почти по-моему задержали нас на самом деле // но к счастью не задержали / поэтому мы смогли () уйти // [угу] // и в конце концов мы (э) отправились (э) на берег // [угу] // и / ну / на канале // по-моему // на Васильевской канале / называется по-моему // [угу // угу // угу] // это на Васильевском острове // [да да да] // это очень круто там / и до семи утра мы пили / мы // блин / это была только компания сумасшедших и поехавших // [угу] // <смех> было очень круто // [смех] // да да / да // и рослашотц(?) // это Питер детка // [смех] // <смех> // да // [окей] // [всё?] // ну да // ну можно конечно побольше // может хватит? // [ну как хочешь // как хочешь // если] // <смех> да да да // [ну хорошо]

Информант 7 (м., 22, ТРКИ В1, экстр.)

[информант семь] // так / Санкт-Петербург это очень красивый город // я здесь второй раз поэтому я уже / немножко / немножко зн... знаю об этом (э) об этом городе // *шумное втягивание воздуха (ам-м) // красивый старый город и мне очень нравится / что этот город построен очень быстро и это / можно видеть / на улице / все здания // (э-э) приятно что здесь много музеев / тоже не очень (э-э) / билеты не очень дорогие *О // [угу] // это тоже приятно // и (э-э) // летом это конечно очень приятно город / приятный город / но зимой я () жил здесь и это [угу] / другая история так сказать *Х // (э-э) *О и (э-эм) // тогда очень холодно много ветер конечно // *шумное втягивание воздуха (эм-м) // а зи... / а летом это очень приятный / приятно что это северный город / поэтому для нас очень интересно с... что / в десять часов / ночью или вечером / [угу] / (э-э) можно загорать / например // [угу] // *В (ам-м) // что ещё // *Ц (ам-м) // конечно в Санкт-Петербурге есть такие свя... связи (э-э) / с Амстердамом // [угу] // это тоже интересно // и по-моему это / всё // да // угу // [хорошо // спасибо]

Информант 8 (ж., 20, ТРКИ В1, экстр.)

[информант восьмой] // хорошо // (эм) (э) я не впервые (э) в Санкт-Петербурге (э) // я здесь на второй раз // и (эм) (э) я думаю что (э) Питер очень красивый город / и (э) я себя здесь чувствую на (э) своей тарелке <усмешка> // можно сказать? // [угу // да] // и (эм) (э) архитектура мне очень (э) нравится / и (эм) (э) я люблю то / что здесь много парков и садов / (эм) и (э) (м) да и... я никогда (э) не была в Москве // я () услышала что (э) в Москве (эм) (э) / что Москва (э) (эм) самая русская / с... самый русский город в России // и что (э) Санкт-Петербург / на самом деле / не очень русский город // (ам) (э) я думаю / что здесь (э) тоже (э) очень русский <смех> // [угу // угу] // (эм) ну и всё // [ну хорошо // спасибо]

Информант 9 (ж., 21, ТРКИ В1, экстр.)

[расскажите о Ваших впечатлениях о Санкт-Петербурге] // (э-эм) *Ц ну это трудно по-русски но(:) <смех> // мне очень нравится Петербург / и (э-эм) // я раньше была в Москве / и но думаю что я (э-эм) / мне больше нравится (эм) здесь да <смех> // потому что здесь очень много (эм) выстав... ка (э) // [выставок] // выставок / да // [угу] // и музеи / ну / поэтому <смех> // [угу] // э-эм // [может что-то еще хотите сказать? <смех>] // ну // [может быть / про кухню какую-то / блюда? // про жизнь / как здесь адаптация?] // (э-эм) ну (э) про кухню я не очень <смех> / да / нравится русский кухня // [угу] // русская кухня / да // и я (э-э) *Ц (э-эм) // (м) я (э-э) живу в (э-эм) *П с русским семье / [угу] // в русской семье // [угу] // и (э-эм) у меня очень (э-эм) *П (м) (эм) до... добрая хозяйка // с (эм) дочкой // [угу] // (эм) // ну / не знаю // I don't know like what you want to hear // [(ам) всё что хотите рассказать] // <смех> // [если всё / если всё то всё] // да это всё / я думаю // [хорошо // спасибо большое] // this is it? // a! // okey // [yes it's o... it's okey / it's okey] <смех> // [спасибо]

Информант 10 (ж., 20, ТРКИ В1, интр.)

[расскажите о Ваших впечатлениях о Санкт-Петербурге] // мои впечатления? // [угу] // (а-ам) // ну / это про... (м) мне очень нравится // (э) я здесь была год назад тоже / и (эм) // ну / тогда всё был *П новый да? // и сейчас (эм) я верн... улась (э) *П и (э) / я очень рада что я м... могу здесь быть / ну / долго // [угу] // вот это всё // [угу] // и я не знаю как *П как можно сказать вот это вот // (эм-м) // Москва мне больше нравится я думаю // (эм) но Петербург очень красиво / [угу] // красивый город // *О // [ну может быть что-то еще] // больше? // (э-эм) // [может быть про музеи] // про музеи // [или там про кухню национальную // где Вы живете?] // (э-эм) национальное... национальная кухня ужас // [угу] // ужас // (э) // здесь нет *П Овощей и (эм) мне очень трудно готовить здесь / потому что (эм) ин.. ингрие... ингри.. ингридиентов не хватает // [угу] // ладно <смех> // и (э) музеи // Русский музей мне очень нравится / потому что (э) там (э) с... совершенное искусство // [угу] // и (эм) / *Ц / ну / Эрмитаж / хорошо но / там (э) много (э) (э-э) / голландск... ое искусство / и я могу это видеть домой // [<смех> да-да] // дома // [угу] // (э-эм) // улицы очень (э) широкие // это мне нравится // ну это как... как в Амстердаме тоже // и каналы *П тоже как в Амстердаме // (эм) ну / я очень люблю (эм) (эм) здания здесь (э) разных цве... тов? // [угу] // в разных цветах // [да] // да // [<смех>] // (эм) в Амстердаме всё (э) то же самое // <смех> // [угу] // и больше еще? // (э-эм) <смех> // (э) метро здесь оже... тоже ужасное // (эм) я живу (э) у... около Нарвской / [угу] // и тогда всё всё полное // я (э) утром не могу (эм) я не могу съездить / и иногда я не (э) я даже не могу (а) войти <смех> // [угу-угу // да] // (эм) // ну в... ну это всё <смех> // [хорошо-хорошо / спасибо большое!]

Информант 11 (ж., 22, ТРКИ В1, амб.)

[(э) расскажите о Ваших впечатлениях о Санкт-Петербурге] // *Ц (э-эм) моя впечатления очень хоро... хорошие / потому что мне очень нравится этот

город // (э) мне нравится культура / (э-эм) например балет и театр и (э) / мне тоже нравится архитектура (э) города и / да // погода / <смех> плохая но / [<смех>] // (эм) да // [угу // может быть еще что-то про еду / про Ваши там *П условия жизни // как Вам всё] // (эм) да // я не очень люблю (э) русскую еду / потому что я не ем мясо / и здесь (эм-м) ка... (эм-м) *Ц каждый... дое блюдо (эм-м) состоит из мяса и <смех> / [<смех>] // это трудно чтобы найти ве... гетарианские блюда // [угу] // ну / да // [угу // может быть еще что-то про *П Ваши условия жизни // как Вы живете / в семье или] // (э-э) я живу вместе с одной девушкой из нашей группы (эм-м) у хоЖайки // [угу] // (э) и м... мне очень нравится / потому что мы можем много говорят по-русски (э) друг с другом / и они очень милые // но они всегда (эм-м) хотим кормить <далее со смехом> меня / и это не всегда очень / хорошо но // [да // как вы время проводите? // ну в основном] // (эм-м) да // я была здесь (эм-м) месяц / и (э) еще одна неделя // [угу] // потом я уеду в Грузию // [угу // в Грузии очень красиво] // да / очень <смех> // [хорошего Вам путешествия] // спасибо <смех> // [ну / это всё / да?] // да // спасибо

Информант 12 (м., 25, ТРКИ В1, экстр.)

[расскажите о Ваших впечатлениях о Санкт-Петербурге] // а! <смех> // [<смех> Вы знали задание?] // да да / этот вопрос // ну конечно это очень красивый город // (э) для меня это не первый раз в России // [угу] // но(:) это первый раз в Петербурге // [угу] // и(:) это (м) / как сказал / очень красивый город / но (э) это очень большой / и по-моему здесь в центр это не / как (э-э) как сказать / это не *П настоящая Россия / да // [угу] // это (эм-м) ну н... / я не хочу сказать что это слишком красиво / но это... это дру.. другая / другая // *В и(:) *П ну (э-э) есть много(:) *П много музеев и(:) (эм-м) *Ц красивые (э) здания // и(:) (э) хорошие (э) х... хорошие рестораны // [угу] // и да / мне это очень нравится // да // [что про русскую кухню можете сказать или что-то?] // (э-э) мне не так нравится русская кухня <смех> // [угу] // (э-э) русская кухня // но(:) это... это и не очень плохо но / если я могу выбрать / тогда я *П я выбираю (эм-м) может быть (э) кавказские блюда / или (э) много мяса / да // [угу] // (ам-м) но / но / это... это не плохо // [угу] // а где Вы живете / в семье или?] // (э) нет / здесь / (э-э) в Калужском_переулке% // [угу] // (э-э) очень... очень близко // *В (э-э) и это просто (э-э) моя квартира // [угу // как Вы проводите время? // что делаете?] // как что? // [как время проводите? // что делаете?] // а // а! // да да да // (э-э) мне очень нравится гулять / [угу] // по городу // и(:) (э-э) ну (э-эм) я(:) я(:) побывал (э) в концерте // [угу] // на концерте // [угу] // на концерте // и *Ц (э-эм) да // я много ел здесь <смех> // и конечно много много время (э) / много времени здесь (э) в институте // [угу] // и(:) конечно хорошие вечеринки здесь / на Думскую <смех> // [<смех>] // но(:) (э) но да / это ка... как как (э) как обычная жизнь // обычная жизнь // [угу // Думская отличается от голландских *П клубов?] // ну мне там очень нравится // по-моему это лучше чем в Голландии // [да?] // да / да да да // [даже веселее?] // да // [<смех>] // да // [хорошо // может еще что-то?] // можно / что? // [может еще что-то Вам

приходит в голову про Ваши *П каникулы?] // (э-эм-м) н(:)у(:) // да / надеюсь что я буду здесь опять / может быть (э) следующий год // *В и(:) // ну да / по-моему есть (э) здесь хорошие / (э) очень хорошие люди / по-моему они (э) весёлые (э) / чем (э-э) // можно сказать весёлые / да? // [веселее / чем] // веселее чем (э) люди из других (э-э) горо... (э) г... городов // (эм-м) но / да // но по-моему это всё // [угу // хорошо // спасибо] // да / но! // спасибо Вам // [спасибо] до свиданья

Информант 13 (м., 21, ТРКИ В1, амб.)

[расскажите о Ваших впечатлениях о Санкт-Петербурге] // значит мо... *П о моих впечатлениях // ну это очень общий вопрос такой // [это отлично!] // ну в общем можно сказать что очень мне нравится здесь // значит я чувствую свою себя как бы дома точно как (э) *Ц / ну / (э-э) даже не очень (э) много видел из (э) достопримечательностей // [угу] // еще хочу конечно много / просто(:) (э-э) много людей встретился / встретил / я // и (э-э) *Ц / и (а-а) много общал... / (а) общался с русскими / и (э-э) в общем тоже (э-э) мой язык (э) очень улучшился // [угу // это заметно] // думаю да // [<смех>] // и я(:) / ну / и я за тем точно я сюда приехал / и вот / получилось // значит (эм) // да / я очень (э-э) рад (э) бывать здесь / да // [угу] // и я(:) // где еще вопросы? <смех> // [ну про кухню может быть про русскую / про то где Вы живете] // про кухню! // ну (э) я сам (э) вегетарианец / значит здесь мне немножко (э) сложно / потому что (а) кухня здесь (э-э) / ну (э-эм) / *Г (э) неплохая / но много (э) с мясом и много с... сытные блюда такие // [угу] // с мясом / всё с мясом // в общем здесь например в столовой / [угу] // (э) есть очень хороший суп / там всегда есть мясо / даже если е... просто есть (э) с колбасой или что-то // [угу] // *В и (э-э) *Ц / ну (э-э) / я мясо не ем / значит (э-э) / мне (э) / ну хорошие блюда есть только (э) малый выбор // [угу] // ну да / мало выбора // и (а-а) / но может быть (э) я даже собираюсь (э) раз попробовать (э) блюдо с мясом чтобы / ну (э) / потому что немножко (э) странно если я (э-эм) изучаю русскую филологию / и *Н *Н такой // [угу] // и я(:) ну / ст... столько про кухню // и еще (э-эм) // *Ц (м-м) *Ц // еще что нравится мне (э) это: *Ц (э-эм) ну способ (э) общения // здесь (э) люди // (э) как считают что (э) здесь большие (э-эм) *Ц / ну (эм) / *Ц надо сказать / с русскими (э-э) *Ц не так очень быстро дружится / но если дружится тогда хорошо и глубоко / это да / эт... это мне нравится // так (а) (а-а) *В например (э) в других странах / (э) *Ц очень легко встретиться с людьми на улице / но (э) потом (э) ничего не будет // и если здесь например (э) *Ц я (эм) (э-эм) договорился с кем-нибудь чтобы вместе (э-э) пойти туда / и просто так (э-э) *Н <смотрически?> / ну / давай пойдём туда // (а) ну и (а-ам) // *Ц на самом деле пойдём / я / это так / ну / так мы договорились / и / давай пойдём // [угу] // и (а) ну в разн... ну например в Голландии (э) много (э-эм) *Ц раз видел как говорят просто / ну / пойдём туда / эт... это хорошая идея // и потом ни... ни... ни... никуда не пойдут так // [угу] // ну / это мне нравится тоже // [угу] // здесь просто люди(:) (эм) // *Ц только (э) погода здесь очень (э-эм) / ну (э) в общем-то (э) похожа на (э-э) на ул... на по...году у

нас // (э) только очень (э-э) весна (э-э) меняется // [угу] // и (э) не только меняется / таким образом что(:) (э-э) (эм) сразу (э-э) *В / идет дождь / но то... тоже очень быстро / так / (э-э) *Ц (э-эм) // *Ц температура тоже очень меняется // и это (э-э) всегда (э-э) / ну (э-эм) / *Ц (э-эм) трудно угадать н... / какая будет погода / и утром (э) я никогда не (э-э) не знаю что (э-э) надевать // [угу // да] // вот это // *Ц белые ночи меня (э-эм) / ну / *Ц *В (э) приятно (э-э) ночью гулять здесь // [угу] // в белых нОчах но (э-эм) / *Ц но я (э-э) так очень (э-э) *Ц страдаюсь бессонницей // [угу] // из-за них // [угу] // это да // [угу// ну хорошо // про музеи может быть / про архитектуру что-нибудь] // (э-э) про музеи / ну (э-э) // я даже не очень (э-э) много музеев (э-э) посмотрел / но вот я собираюсь еще (э) остаться здесь две недели после уроков // [угу] // и пото... и потом я буду / ну / точно туристом (э-э) / посмотреть всё-всё-всё очень быстро / музеи // [угу] // *Н так // но (э-э) что меня / если касается культуро... культурной жизни здесь (э) // *Ц (э-э) ну я бывал на (э-э) некоторых (э-э) научно-исследовательских конференциях // [угу] // по литератур // и я / и (э) на лекции какие-то // и что мне очень (э) удивилось / это то что *Ц / здесь очень много людей читают / даже те которые не читают или (э) / в общем не занимаются филологией // [угу] // тем не менее (э) ц'итают / читают / и (э-э) русскую классику знают // [угу] // и это / ну у нас в Голландии (э-э) / *Ц это очень // есть на... конечно у нас люди которые / люди которые (э-э) занимаются и (э) хорошо знают (э) (э-э) нашу и / и в общем (э) рубежную литературу // [угу] // но это маленькая группа / и (э) они (э) много занимаются / и они такие (э-э) / они (ээ) // *Ц такая (э-э) маленькая и (э-эм) закрытая группа // [угу] // *Ц и здесь в общем (э) очень много людей / как чуть-чуть знают стихи / и наизусть тоже всё // и у нас например никто не знает (э) стихи наизусть // и ст... тоже здесь (э) обитатели города *Ц очень (э-э) хорошо знают (э-э) историю своего (э-э) *Ц (э) города / тоже своей (э-э) (э) родины // [угу] // но тоже (э-э) *Ц (э-э) в общем историю (э-э) города очень хорошо знают // и и (а) очень любят (э) рассказать (э) / кто построил то и это / архитектор (э-э) какой там (э-э) // и это так (э-э) вы знаете (э) отсюда это название / и это *Ц *В (э-эм) / ну (э-э) люди (э-э) горЖатся с... своим городом (э-э) в хорошем... хорошим образом / (э-э) по-моему // много знают *Н / много читают / много *П высказ... рассказывают // [угу // угу] // *Ц // спасибо / хорошо // [<смех> // да как хотите] // нужно еще? // [спасибо]

Информант 14 (м., 24, ТРКИ В1, экстр.)

[расскажите о Ваших впечатлениях о Санкт-Петербурге] // (э-эм) *Ц мои впечатления / (э-эм) Петербург (э) (э) очень хорошо // (э-э) в последнем году я была (э) в Москве тоже / и в Ижевске // [угу] // (э-э) и это / думаю это (ээм) *В (э-э) (эм) (э-э) <смех> (э) (э-эм) большой... большая разница // [угу] // (э-э) <смех> (э-эм) (эм) когда я (эм) ср... с... ср... с... сн... сравню // да / да // [угу // сравниваете] // да // [когда Вы сравниваете] // да // *Ц (э-эм) и (э-эм) // это всё <смех> // [ну может быть что-нибудь еще / про кухню] // о! // (э-эм) // [русскую] // да // (э-эм-м) думаю / я / да / эт.. это... (м-м) мои впечат...

впечатления (э-эм) <смех> // я не могу / да // [может быть про жилье / где Вы живете / в семье или] // а! // я живу (э-э) около (э-э) эт... э... на *П на эт... этом улице // [угу] // (э-э) нет // (э-э) на (э) в Калужском переулке // [да] // это здесь / да? // и (э-эм) *Г (э) (эм) это / я снимаю квартиру // [угу] // (э-э) вместе с Ромером // и(:) это очень *П хорошо думаю / да <смех> // [<смех>] // (э-эм-м) <смех> // [ходили ли на выставки / музеи / архитектура / как Вам?] // а / да! // (э-эм) *Ц *В я планирую (э-э) поехать в Эрмитаж // [угу] // и (э-эм) (эм) в некото... (э) в некоторых других музеях // [угу] // потому что (э-эм) я еще не была (э-э) в (э) в многих / [угу] // (э) мЕстах // [угу] // (э-эм) я была в (э-э) в Кронштадт... те // [угу] // и (э-эм) *Ц и(:) и только в Петербурге // [угу] // да // [как Вам в Кронштадте?] // (э-эм) хорошо // (э-эм) мы бы... были в церквЕ / и (э-э) в церк... церкви // и (э-эм) (э) на пляже // [угу] // <смех> это было (э) хорошая погода // [угу] // и(:) *Ц (э-эм) (э) мы хотели (э) п... (э) поехать (э) в форт / да // [угу] // но (э) мы не *П удались // [угу // не удалось] // ну / не удалось // да // [угу] // (э-эм) и *Ц (э-э) в конце дня мы (э-э) (э) вернулись // [угу] // ну <смех> // [хорошо] // окау <смех> // [ну / это всё да?] // да <смех> // [ну хорошо // спасибо]

Информант 15 (ж., 22, ТРКИ В1, интр.)

[расскажите о Ваших впечатлениях о Санкт-Петербурге] // (м-м) // <смех> (ээ) город мне очень *П очень нравится / и(:) *П ну я здесь (э-э) живу (э) у хожайки // [угу] // и она очень интересная // и(:) *Ц (э-э) думаю что (э-э) так я тоже (э-э) (м-м) могу (э) привыкнуть (э) к русской (э) к русскому (э) к... к русской культуре // [угу] // (э-эм) ну тоже конечно просто гулять по городе мне очень нравитс... (э) нра... нравится (эм) // [угу] // (э-э) (э) город очень (э-э) похож на Амстердам / (э) (эм) потому что у нас тоже / ну / такие (м) мосты и (э-э) каналы // и(:) / ну / и здесь красивые музей... (а) / музеи <смех> // [угу] // угу // ueah // как Эрмитаж и (э-э) Русский музей // ну да / мне очень / [угу] // понравил... / (э) понравился // пон... // <смех> [да-да-да // а может быть что-то про кухню русскую *П расскажете / как Вам?] // (мм) <смех> / ну я не знаю / я (э-э) *Ц (м-м) *Ц / здесь конечно (э-э) <смех> в сто... столовой мы (э-э) *Ц (э-э) можем (э-эм) (эм) *Ц (э) есть (э) русс... кую еду но (э) / думаю что здесь не с... <смех> самые (э-э) (э) хорошие / н... лучшие <смех> / [<смех> да] // блюда (э) (э) (э) в стране но / да я не очень *П знаю <смех> м... мне нравится или нет // [угу] // *Ц и у хозяйки я сама (э) готовлю поэтому *В / [нет возможности] // да // [угу / понятно // хорошо // как Вам вот / Вы были в музеях // как Вам в музеях?] // *Ц (м-м) я была (э-э) в Эрмитаже // [угу] // и(:) ну в Р... в Русском музее / и тоже *В (э-э) *Ц (э) (э) *Ц Эрарт... Эрарте // [угу] // это было очень (э-э) интересно // *В думаю что (э-э) Русский музей мне больше всего нравится потому что / ну / я т... (э) (э) еще только один раз (э) бывала (э-э) в Эрмитаже // [угу] // в Эрмитаже / поэтому не могу (э) сказать (э) не... не могу точно сказать / как // [угу] // он мне понравил...ся / потому что я собираюсь (э-э) вер... вернуться / [угу] // (э) но по-моему Русский музей был очень инте...ресен / очень (э) красивые картины // [угу] // и(:) / ну конечно русское искусство / и

это я не могу (э) (э-эм) (эм) (м) смотреть <смех> // [<смех>] // в голландская... в голландских музеях // [угу] // поэтому мне очень понравил... // [угу] // понравился // [угу // хорошо // это / может быть еще что-нибудь хотите сказать?] // (м-м) не знаю // [<смех>] // <смех> // трудно / но (э-эм) // нет я не знаю / ну // она Эр... Эрарта было очень *П тоже очень интерес... (э) интересно и (э) / я (э) там тоже / (э) там были очень (э-эм) (м-м) дружелюбные посетители / которые тоже со мной (э) / [угу] // общались и (э-э) / (эм) (м) думаю что там (э) друг... (эм) что дру... другие люди туда (э-э) е... (э-э) (м) (м-м) / да // туда к... едут / едут // [угу] // к... по... (э-эм) чем (э) в Эрмитаж // [угу] // вот // всё // <смех> // [ну да // хорошо] // <смех> // [спасибо // не волнуйтесь]

Информант 16 (ж., 22, ТРКИ В2, амб.)

[расскажите о Ваших впечатлениях о Санкт-Петербурге] // (э-эм) ну / Санкт-Петербург на меня произвел очень хорошее впечатление / (э-эм) ну / (м-м) это может быть слишком / (э-эм) это разные впечатления вообще / потому что это большой город / и я жила здесь (эм) три года назад уже / [угу] // там на пять месяцев // и (м-м) и так я т... знаю много о этот... об этом городе // и (э-эм) есть вообще очень разные впечатления / поэт... поэтому // и(:) ну / (э-эм) мне здесь очень удобно / и (э-эм) вс... всё очень красиво / и гулять по городу очень / ну просто (э-э) круто! // [угу] // да // и... и всё // [угу // как Вам культура русская / музеи / архитектура?] // (э-эм) в этом году я не очень много схожу (э-эм) в (э) музеи // [угу] // (э) муз...зеи // и (э-эм) но в прошлые (э) года я много посетила *П посетила (эм-м) такие (м) выставки / всё // (эм-м) *В здесь очень много конечно (эм) чтобы посетить (э-э) // мне во... мне очень нравится например Эрарта // [угу] // и (э-эм) ну / мне уже (э-эм) нае... надо...ело / надо... // [угу] // надое...едает // [угу] // как это сказать // Эрмитаж музей / потому что я там (э-эм) работала и ну / вс... сейчас это всё / и меня <смех> // ну / очень много искусства здесь / и по-моему (эм) здесь (эм-м-м) обра... обра...тят/<тяют> большие внимания на искусство чем в Голландии // [угу] // (э-эм) (м) не знаю есть ли больше денег (э-э) здесь / или (эм) вообще люди (э) людям (эм-м) (м) важнее / [угу] // чем в Голландии (э-э) вообще // ну да очень (э-эм) *В / ну намного лучше чем в Голландии // [угу] // в общем / да // [угу // ну про кухню русскую что можете сказать?] // (эм) не очень люблю <смех> русскую кухню // (э-эм) *В мне нравится пельмени и и (э-э) бЛИны / но есть (э) в русской кухне очень много мяса // [угу] // (э-эм) и(:) / ну я не ге... вегетарианка но (эм) в... (м-м) во всяком случае / да? // [угу] // в любом случае очень (э) трудно (э-э) есть без мяса // [угу] // и (э-эм) / да(:) // (м-м-м) что еще // (эм) я тоже слушаю *П слышаю от других / (э-эм) что они (э) скучают по (э-э) разными *П разным вЕЩам в Голландии / но я не скучаю (э-э) по ни...че... ни по чу? // [ни по чему // угу] // ни по чему // [угу] // потому что / ну / есть (э-эм) всё что / всё равно (м-м) много спосо...бо... способов / чтобы есть (м-м) что-то ты... что ты хочешь // [угу] // (э-эм) (м) есть конечно (э) много супермаркетов // [угу] // ну где (эм) другие вещи тоже (эм) доступно (м) / (эм) ну (эм) // [угу //

а чего не хватает в России / того что есть в Голландии?] // (м-м) // [ну вот из еды или может быть даже *П вообще?] // (э-эм-м) (м-м) ну / всё хватает / только друзья из Голландии конечно з... з... (э) здесь дру... друзей нет *S // [угу] // ну (э-э) друзья в... в... вообще конечно есть здесь тоже / но (э) таких нет // [угу] // да // [да // я понимаю <смех>] // *B // [угу] // и (э-эм) еще // я не знаю // мне всё удобно здесь // просто *П просто (эм) одна вещь это (э-э) что я не... не... (эм) что я не остаюсь здесь / [угу] // надолго // (э-эм) поэтому здесь (э) (м-м) по-другому / жить по-другому / потому что ты (ээм) ты знаешь что (э) уезжаешь с... (э-э) уже скоро // [угу] // и (эм) но нравилось *П нравилось бы (э-эм) остаться *П оставаться на... на дольше // [угу] // да / да // [угу // еще что-то или всё?] // ну / не знаю // всё // [хорошо // спасибо Вам большое!] // не за что //

Приложение 2. Дополнительные иллюстрации

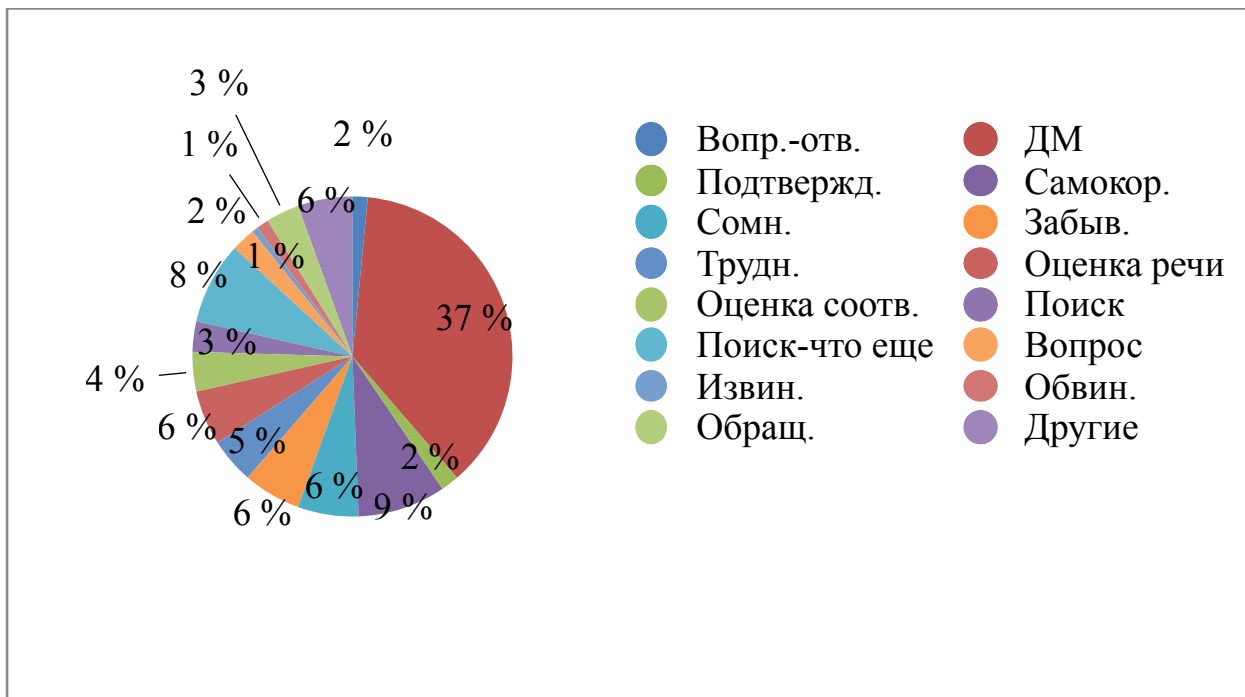

Рис. 17. Количество метакоммуникативных единиц в I возрастной группе

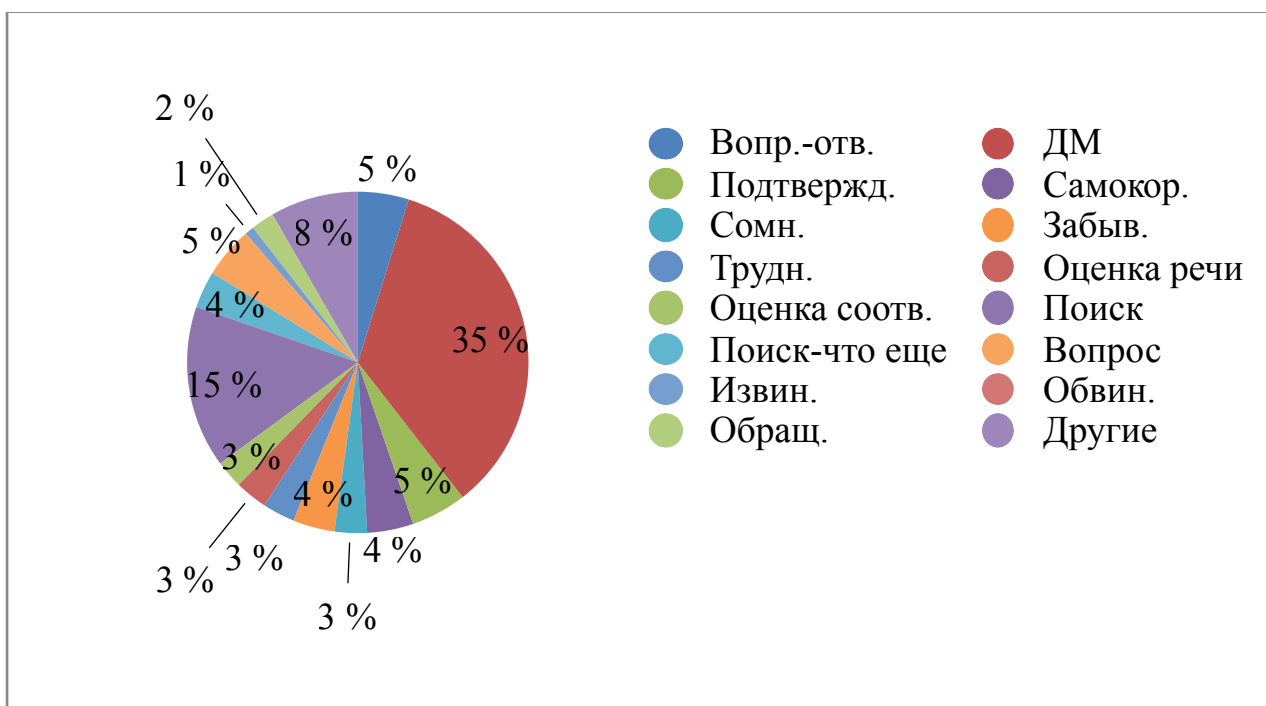

Рис. 18. Количество метакоммуникативных единиц во II возрастной группе

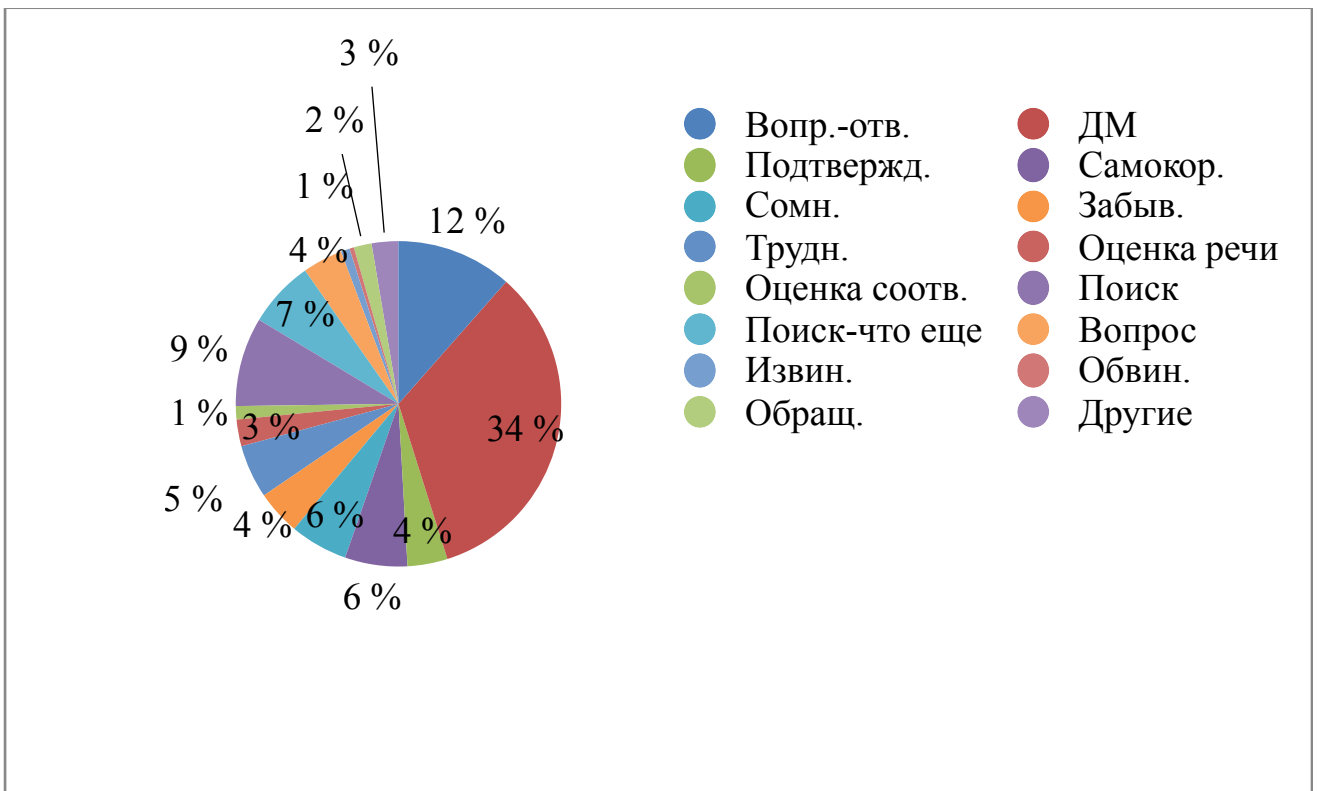

Рис. 19. Количество метакommункативных единиц в III возрастной группе

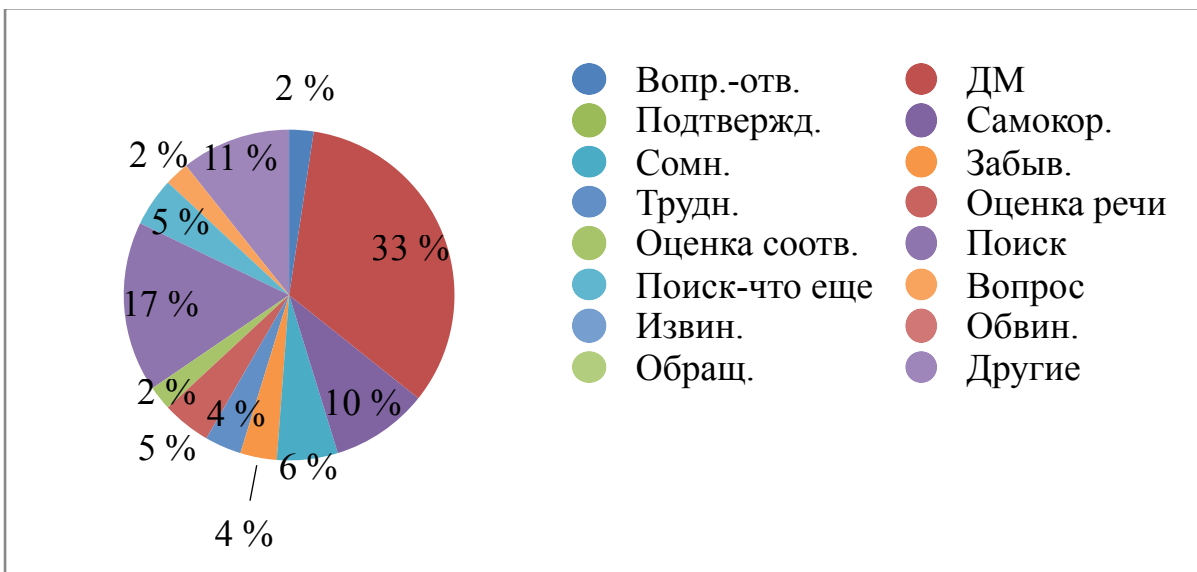

Рис. 20. Количество метакommункативных единиц в IV возрастной группе

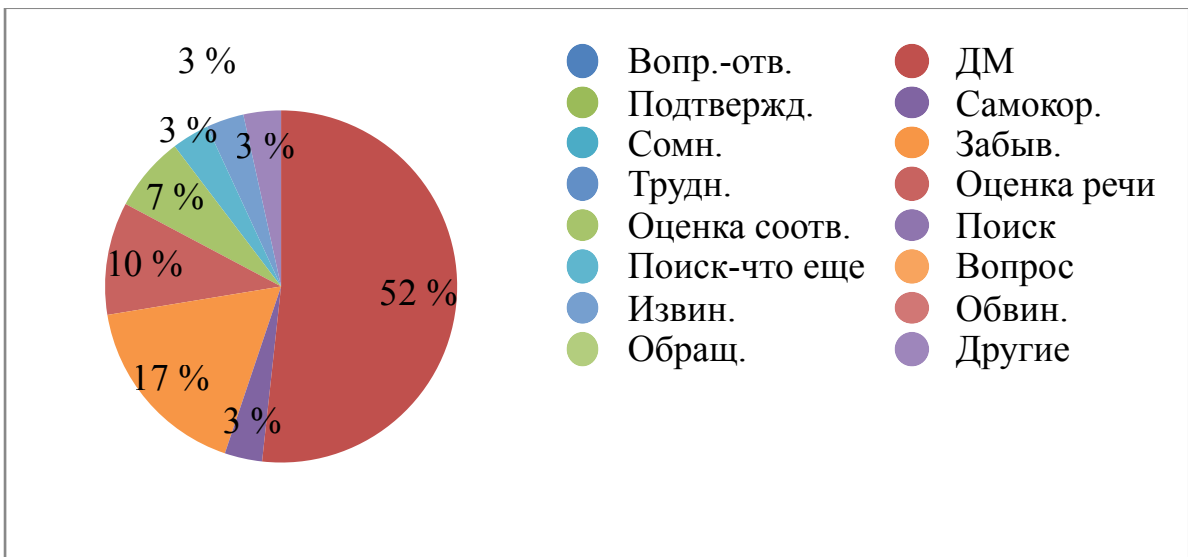

Рис. 24. Количество метакоммуникативных единиц в монологах «компьютерщиков»

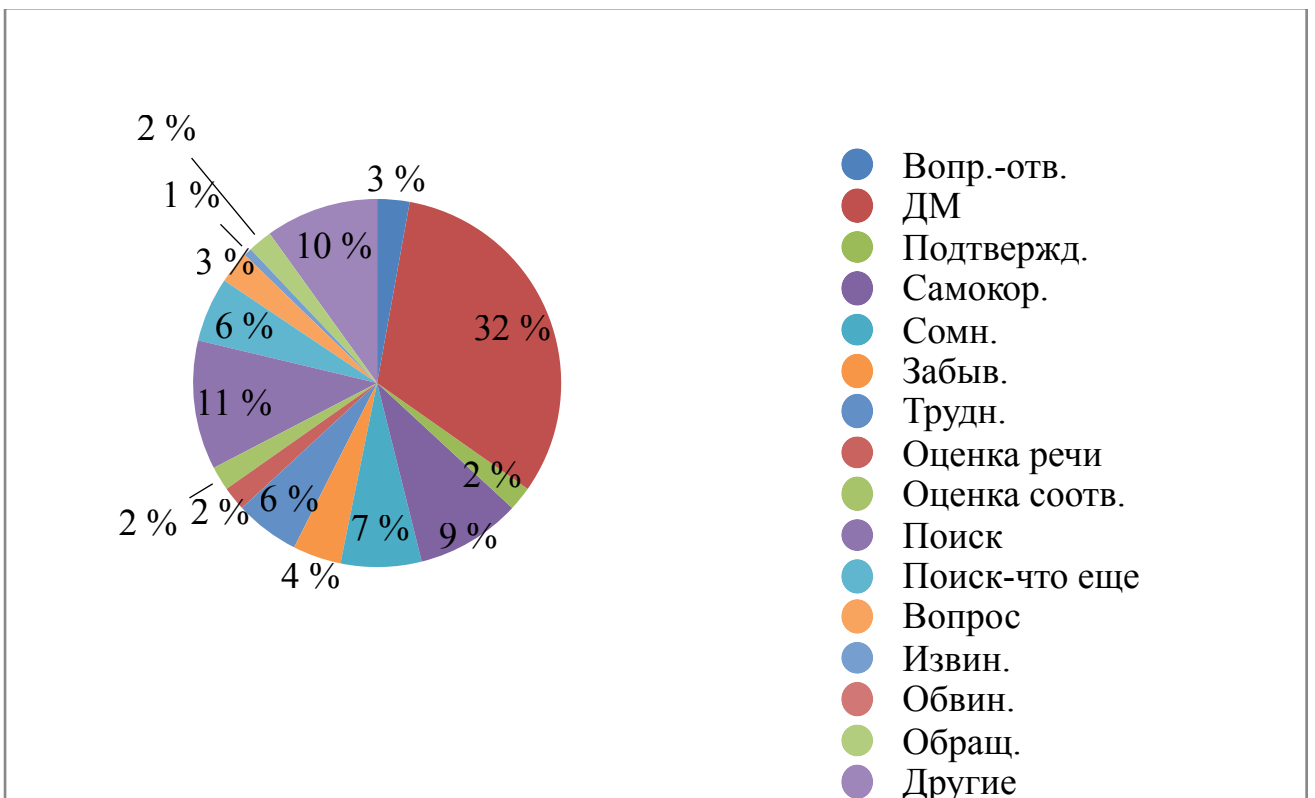

Рис. 25. Количество метакоммуникативных единиц в монологах медиков

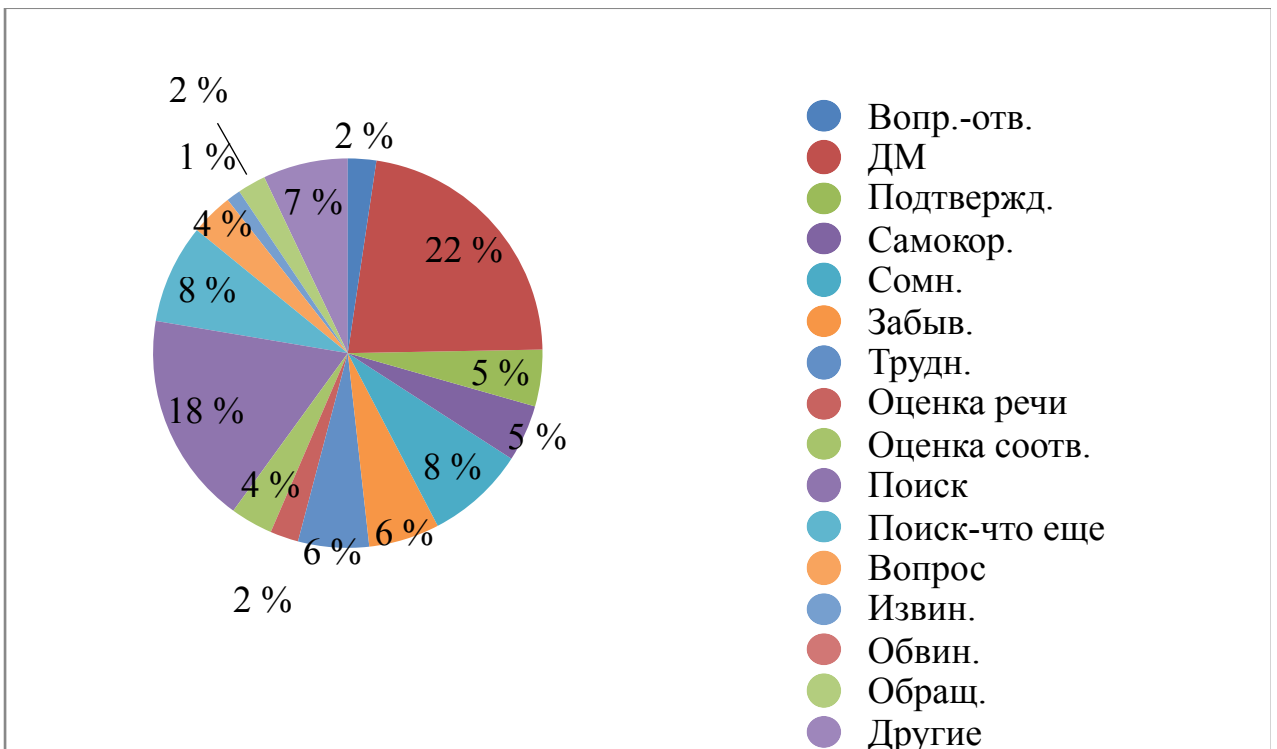

Рис. 26. Количество метакоммуникативных единиц в монологах преподавателей РКИ

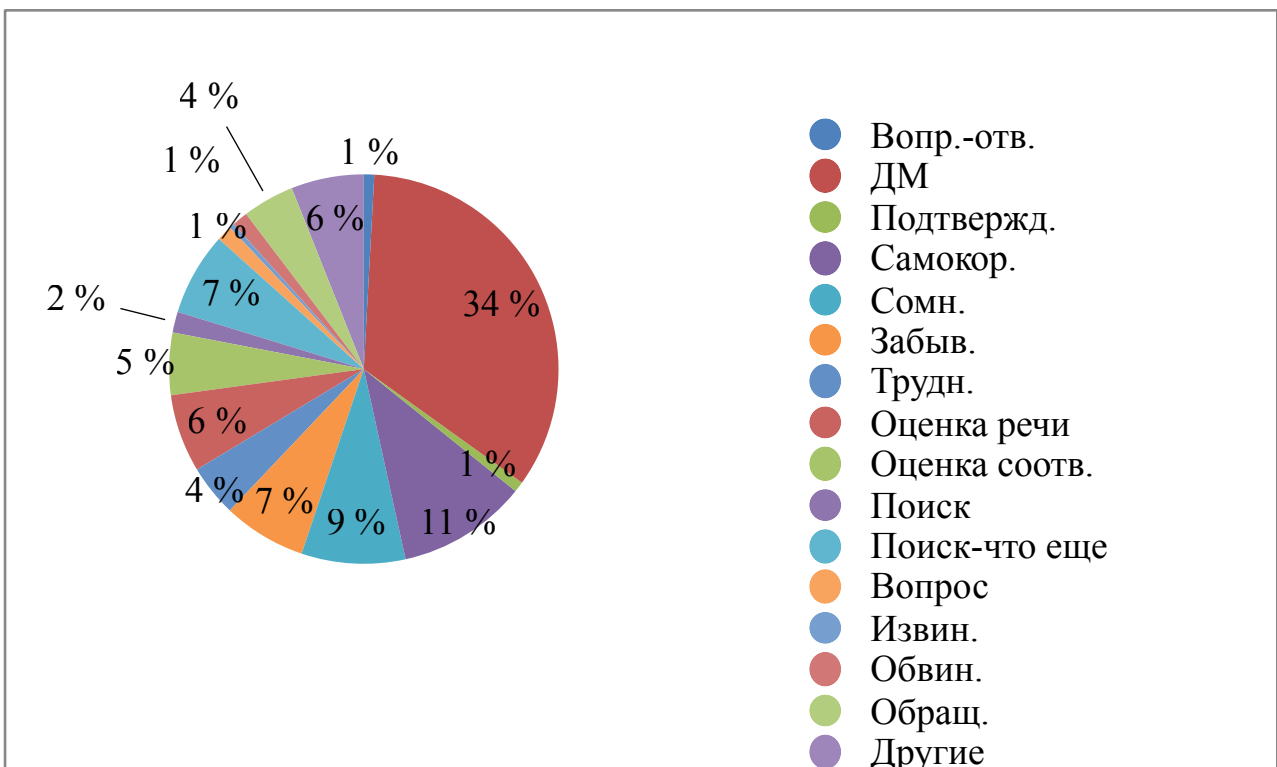

Рис. 27. Количество метакоммуникативных единиц в монологах студентов

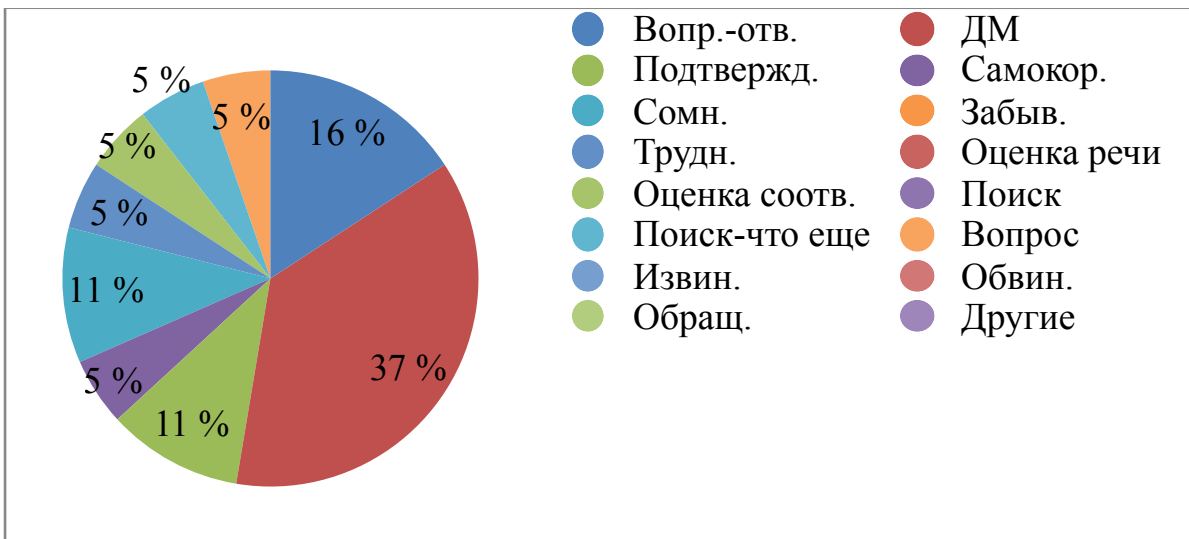

Рис. 28. Количество метакоммуникативных единиц в монологах смешанной группы информантов

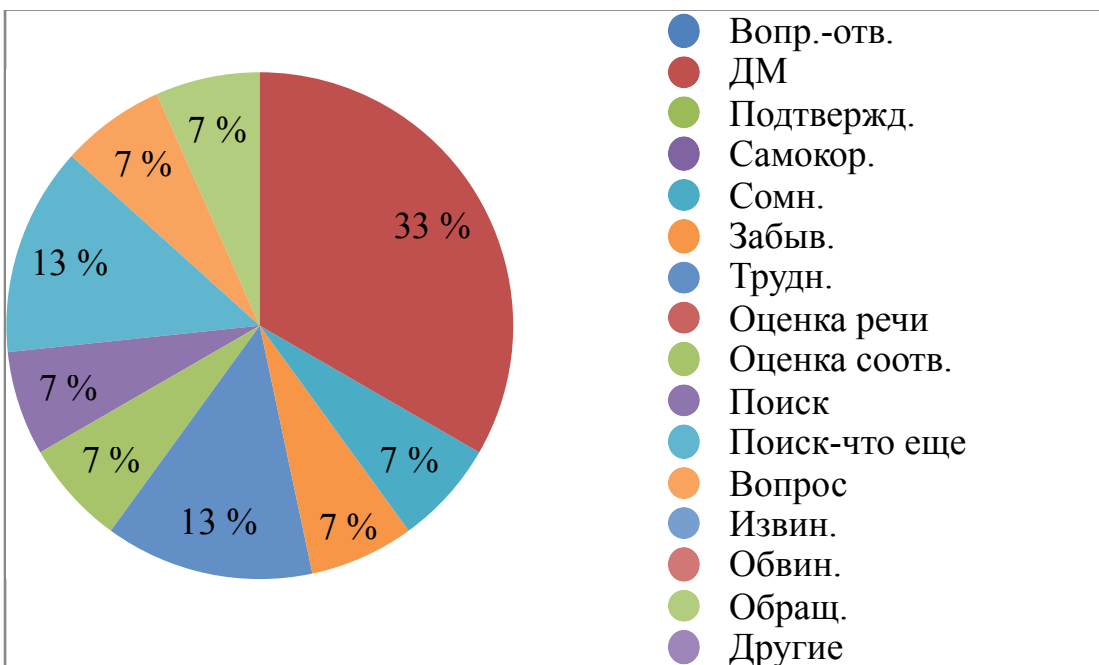

Рис. 29. Количество метакоммуникативных единиц в монологах преподавателей-философов

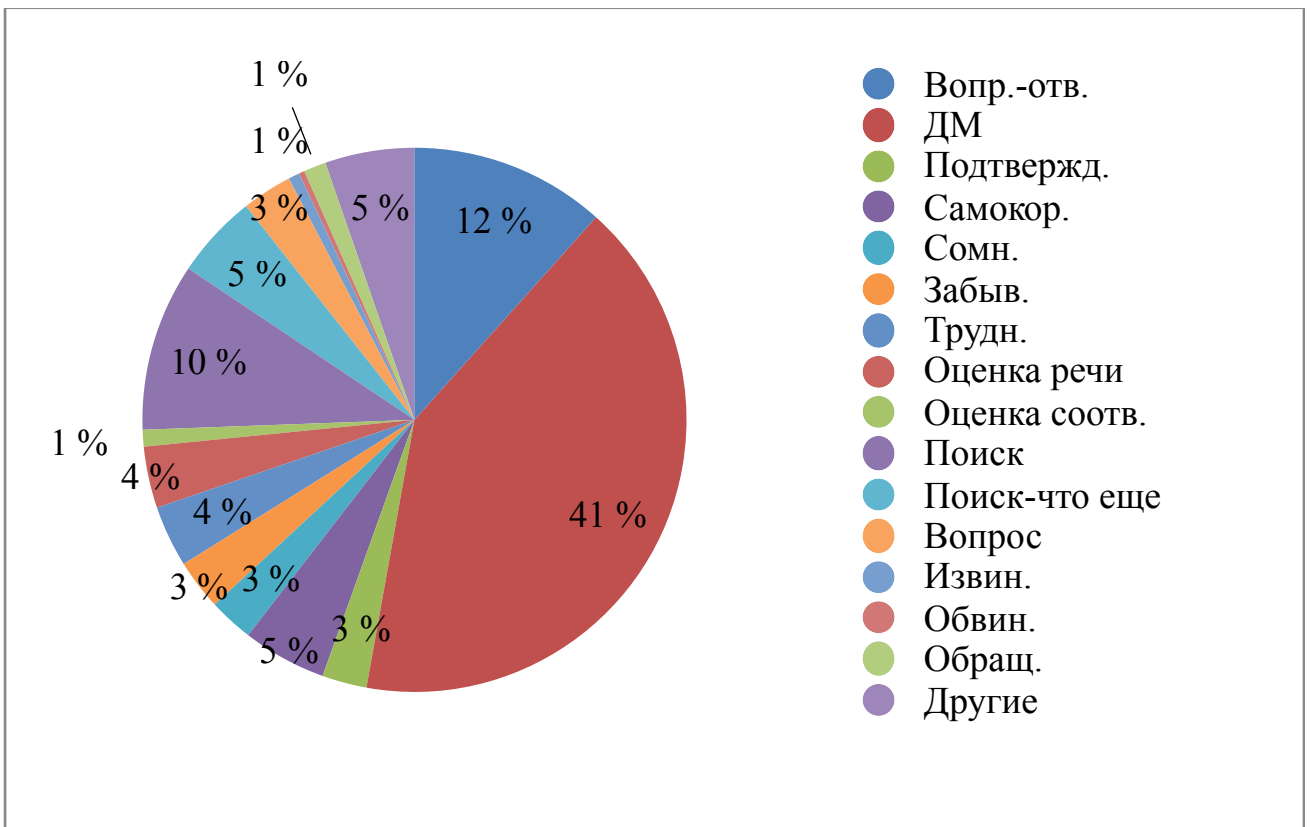

Рис. 30. Количество метакommункативных единиц в монологах юристов